

Алена Пулькина

Дневник Большого Медведя

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Ттам, где нет свободы и счастья

Алена Пулькина

Дневник Большого Медведя

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=55673433

SelfPub; 2021

Аннотация

1986 год – год лишений и трагедии. Территорию, где произошла техногенная авария, смогли благоустроить и... оградить от всего мира. Новые верхи приняли решение убрать из общества "лишних" людей и поселить их на этой территории. Убрать, чтобы построить идеальное общество, более эффективное, более послушное. Сделать место Зоной отчуждения людей от людей. Один из пациентов странной больницы, куда он был насильно определён, записывает в дневник всё, что с ним происходит. Мысли, которые появляются в голове оторванного от всего мира человека, чувства одиночества и обреченности, желание обрести новую цель, нужную и важную в жизни за воротами, отражены на страницах.

Содержит нецензурную брань.

Содержание

Тетрадь первая	7
16 марта 1993 г.	7
17 марта 1993 г.	8
18 марта 1993 г.	10
19 марта 1993 г.	11
20 марта 1993 г.	12
21 марта 1993 г.	14
22 марта 1993 г.	16
24 марта 1993 г.	17
25 марта 1993 г.	19
26 марта 1993 г.	20
27 марта 1993 г.	22
28 марта 1993 г.	23
29 марта 1993 г.	25
30 марта 1993 г.	29
31 марта 1993 г.	31
1 апреля 1993 г.	32
2 апреля 1993 г.	33
3 апреля 1993 г.	34
4 апреля 1993 г.	35
5 апреля 1993 г.	37
6 апреля 1993 г.	47
7 апреля 1993 г.	52

8 апреля 1993 г.	55
9 апреля 1993 г.	66
10 апреля 1993 г.	68
11 апреля 1993 г.	69
12 апреля 1993 г.	72
13 апреля 1993 г.	73
14 апреля 1993 г.	74
15 апреля 1993 г.	76
16 апреля 1993 г.	78
17 апреля 1993 г.	81
18 апреля 1993 г.	85
19 апреля 1993 г.	93
20 апреля 1993 г.	95
21 апреля 1993 г.	103
22 апреля 1993 г.	106
23 апреля 1993 г.	109
24 апреля 1993 г.	117
25 апреля 1993 г.	120
26 апреля 1993 г.	122
27 апреля 1993 г.	124
28 апреля 1993 г.	126
29 апреля 1993 г.	129
30 апреля 1993 г.	131
1 мая 1993 г.	135
2 мая 1993 г.	140
3 мая 1993 г.	141

4 мая 1993 г.	143
5 мая 1993 г.	146
6 мая 1993 г.	151
7 мая 1993 г.	155
8 мая 1993 г.	157
9 мая 1993 г.	164
11 мая 1993 г.	167
12 мая 1993 г.	171
13 мая 1993 г.	175
14 мая 1993 г.	177
15 мая 1993 г.	179
Тетрадь вторая	182
27 августа 1993 г.	182
28 августа 1993 г.	188
29 августа 1993 г.	191
30 августа 1993 г.	195
31 августа 1993 г.	199
1 сентября 1993 г.	202
2 сентября 1993 г.	204
3 сентября 1993 г.	207
4 сентября 1993 г.	213
5 сентября 1993 г.	215
6 сентября 1993 г.	221
7 сентября 1993 г.	223
8 сентября 1993 г.	229
9 сентября 1993 г.	235

10 сентября 1993 г.	238
11 сентября 1993 г.	240
12 сентября 1993 г.	242
13 сентября 1993 г.	245
14 сентября 1993 г.	250
15 сентября 1993 г.	254
25 сентября 1993 г.	263
26 сентября 1993 г.	270
27 сентября 1993 г.	278
28 сентября 1993 г.	284
29 сентября 1993 г.	292
30 сентября 1993 г.	296
1 октября 1993 г.	299
2 октября 1993 г.	303
3 октября 1993 г.	308
4 октября 1993 г.	314
5 октября 1993 г.	316
7 октября 1993 г.	321
12 октября 1993 г.	324
13 октября 1993 г.	325
16 октября 1993 г.	329
21 октября 1993 г.	331
22 октября 1993 г.	332
Послесловие	338

Алена Пулькина

Дневник Большого

Медведя

Тетрадь первая

16 марта 1993 г.

Чувствую себя прекрасно. На завтрак – молочная рисовая каша с маслом посередке и кусочек колбасы с чёрным хлебом. На обед – жирная солянка, котлеты на пару с пюре, компот. Жду ужин.

Дали толстенные тетради, чтобы мы записывали о самочувствии.

17 марта 1993 г.

Встал раньше всех. Олег храпит, как паровоз, в углу комнаты. Слева от меня лежит Иван Иванович, ему около 82 лет, выглядит прекрасно. Вот бы и мне такую старость. Около двери – Павел, незаметный, тихий.

С улицы слышны жёсткие шорканья метлы об асфальт. В коридоре легко перебегают медсёстры: наверное, опять кому-то нехорошо.

Жаль, что здесь запрещают читать. Я уже два месяца как не брал книгу в руки: чувствую себя выброшенным в лужу бревном. Здесь вообще мало что разрешают: есть, спать, изредка мыться, сообщать врачу о самочувствии, но ни в коем случае не разговаривать с ним на посторонние темы, прогуливаться лишь по коридору, но не на улице. Да и негде тут ходить: два огромных здания, между которыми проложена дорожка, где сейчас метут, огорожены забором. Единственный вход – железные ворота, не видные из моего окна. У меня: забор и снежный пустырь.

На завтрак – макароны с сыром и кусочек чёрного хлеба с колбасой.

На 5 этаже, куда меня положили, живут пожилые люди. Всего 6 палат по 4 человека. Слышал, что ниже лежат больные. Сколько их – не знаю. Выше, как мне говорили, – наркоманы, но я не очень этому верю.

На обед – борщ, красная рыба с рисом, компот.

На ужин – кефир, булочка с сахаром, яблоко.

Чувствую себя хорошо.

18 марта 1993 г.

Чтобы мы не сошли с ума окончательно, нам дали эти тетради. Почти месяц прошёл с тех пор, как нас привезли сюда. И мы, старики, уже обо всём переговорили, потому что кто знает, когда двинешь кони. Выложили, как есть на духу.

Я после восьми классов ушёл в техникум, потом работал в газетном киоске, изредка подрабатывал сантехником, однажды даже был поломойкой. Перед тем, как попасть сюда, вышел на пенсию, но насладиться ей особо не успел. Там остались жена, сын и внучка. Первое время они точно проживут: в шкафу, у задней стенки, я оставил кое-какие сбережения. А потом, может, всё-таки им будут выплачивать на меня пособие. Хотя вряд ли.

На завтрак – манная каша с комочками, кусочек чёрного хлеба с сыром.

Павел скончался.

На обед – суп и второе. Не ел.

На ужин – взял только яблоко.

19 марта 1993 г.

Чувствую себя прекрасно. На завтрак – яичница, кусочек копчёного мяса с чёрным хлебом. На обед – куриный суп, «ёжики» с макаронами, компот.

Кровать Павла убрали и поставили новую, застелили гадко пахнущими простынями. Медсестра ничего не сказала.

На пустыре сегодня ярко светится снег. Даже находясь наверху, чувствую боль в глазах. На секунду открываю окно, чтобы никто не заметил. Воздух холодноватый, приятный. Чаще и чаще мимо пролетают птицы.

На ужин – кефир, рогалик с варёной сгущёнкой, яблоко. Завтра должен прийти врач.

20 марта 1993 г.

Врач посмотрел наши записи. Когда читал мои, почему-то смеялся. Пощупал живот, подвигал моими конечностями, померил температуру и что-то чиркнул себе в блокнот. Посмотрел остальных и молча ушёл.

Олег считает, что нас тут собрали, чтобы отправить в концентрационный лагерь нового поколения. Я и Иван Иванович с ним не согласны. Думаю, что эти корпуса построили специально для таких, как мы. Вот только каких «таких»? Это отдалённое и пустое место намеренно отвели для застройки. Зачем? Иван Иванович сказал, что это, мол, в действии новая программа нового государства. Почему-то это кажется мне лишённым смысла. Поддержание здоровья у слабого населения? Слишком утопично. И потом, насколько я понял, здесь лежат люди, готовые отойти в мир иной в любую минуту. Правда, я себя не считаю больным или чрезмерно старым. К чему государству, разваливающемуся на части, обеспечивать сверхклассной медицинской помощью людей, дышащих на ладан? Загадка.

На завтрак – рисовая каша и кусочек колбасы с белым хлебом. Белый хлеб дают так редко, что это похоже на праздник.

После завтрака у всех – процедуры. По понедельникам и пятницам нас помещают в огромные бочки с грязью. Во вторник – массаж или плавание. По средам – аромотерапия,

иногда спелеотерапия. В четверг – физкультурная зарядка для тех, кто может разогнуться, или обычная растяжка для тех, кто не может. Я хожу на зарядку, когда чувствую себя хорошо. По выходным у нас нет процедур, приходится самому занимать себя. Многие торчат в телевизоре целый день. Я смотрю в окно или сплю. Теперь, наверное, буду писать.

На обед – суп с клёцками, рыба и пюре, компот.

Чувствую себя пионером, живущим в летнем лагере. Правда, сейчас не лето, да и это не лагерь.

На ужин – кефир, сладкая булочка, яблоко.

Олег совершенно уверен, что нас отправят в концентрационный лагерь.

21 марта 1993 г.

Приходил врач, но на этот раз в тетрадки не заглядывал. Осмотрел нас и молча удалился. Иван Иванович почти соглашается с Олегом, но он всё же сохраняет веру в лучшие побуждения правительства. Я не верю ни во что после того, как в мой дом ворвались люди в форме и потребовали, чтобы я собирал вещи. При них же. Олег отмахивается, думает, что я преувеличиваю или вообще шучу. Но это неправда. К Сергею Дмитриевичу из 3-ей комнаты люди в форме ворвались ночью и чуть не убили его внука, гостившего дома. Всё это происходит по какой-то неизвестной нам причине. Единственное, в чём история Сергея Дмитриевича совпала с моей, – это в том, что незадолго до события мы проходили медицинский осмотр. Ну и что, сколько людей ежедневно его проходит, а почему-то только к нам они так бесцеремонно заявились.

Я тогда испугался не столько за себя, сколько за Наталью. На ней лица не было, когда люди в форме со всей силы шандалахнули по входной двери и громкими голосами назвали моё имя. В трусах и майке, я скакал по спальне, словно ужаленный осой, и ещё сонными руками собирал одежду. В походную сумку складывал всё, что попадалось, как оно схватилось, и весь этот комок, который мне потом пришлось разгребать целый день, взвалил на плечи один из людей в фор-

ме. Наталья, бледная, как сама смерть, вцепилась в мои руки и не желала отпускать, пока кто-то силой не заставил её. Мы коротко, так коротко мы никогда с ней не целовались, и я очень об этом жалею.

На завтрак – чай со сливками и бутерброды.

На обед – суп с сухарями, макароны по-флотски, компот.

На ужин – кефир, от которого меня уже тошнит, два пирожка со сладкой морковкой, яблоко. Иван Иванович отдал своё яблоко мне.

Чувствую себя хорошо. Внутренне подавлен.

22 марта 1993 г.

Врач обмолвился, что мы скоро уедем отсюда. Олег нервно посмеялся, когда услышал эту новость. Ещё ничего неизвестно.

На завтрак – рисовая каша с маслом, жареный хлеб.

Привезли нового соседа по комнате. Назвался Степаном Александровичем. Бывший вояка, работяга. Жена и трое детей. Сидит в позе лотоса. Привёз с собой газеты, но их изъяли при поступлении. Считает себя более чем здоровым в 67 лет. Завидую ему: в свои 62 я слишком зависим от погоды и её внезапных изменений.

На обед – суп харчо, рыба с пюре, компот.

На ужин – кисель, наверное, меня услышал местный повар, булочка, яблоко. Иван Иваныч снова отказался от последнего.

Перед общим выключением света Степан Александрович рассказал, что он так же, как и я, как и Сергей Дмитриевич, проходил полное обследование. Помимо выпускного листа с печатями и подписями врачей, в амбулаторной карте значилось: «Допущен».

Допущен до чего?

24 марта 1993 г.

Вчера в соседнюю комнату тоже привезли новенького. Ему почти 90 лет, он не встаёт с кровати. Зачем таких людей собирать здесь?

На завтрак – яичница-глазунья, кусочек колбасы с чёрным хлебом.

Решил перестать ходить на зарядку. Думаю, растяжка расслабит меня и моё тело, приведет расстроенные мысли в порядок.

Мы живём здесь не понятно за чей счёт, неизвестно для чего, и никто нам не говорит, куда мы отправимся дальше. А ведь вся еда – неплохая, между прочим, – вся вода, что мы умываемся, вся одежда, что на наших плечах, – всё это стоит немалых денег, если задуматься, сколько людей лежит в двух высоких зданиях у чёрта на куличиках. Кто бы такой щедрый стал разбазаривать деньги, чтобы помогать людям, почти дышащим на ладан? После того, что в один день свалилось на наши головы, после того, как весь народ поставили в неловкое, мало того, подвешенное состояние, и страна развалилась на части, я не думаю, что кому-то это было удобно. Всё неспроста: трёхразовое питание, постоянный медицинский и дисциплинарный контроль – чувствую себя свиньёй, выращенной на убой.

Олег попытал счастья, но медсестра ничего ему не сказа-

ла – только улыбнулась. Нам это всё не нравится. Интересно, стал бы я думать об этом, если бы никому не выдали эти тетради? Стал бы вообще задавать себе какие-то вопросы о происходящем вокруг? Или так же бы продолжать бездумно жить? Кажется, размышления становятся моей привычкой.

Олег сказал, что пишет в тетрадь только самочувствие и рацион питания. Иногда погоду. Иван Иванович говорит то же самое. Степан пока отказывается что-либо записывать вообще.

На обед – солянка, гречка с котлетой, солёный огурец, компот.

Олегу удалось вытянуть кое-какую информацию из медсестры. Оказывается, врача зовут Валентин Евстратович. Это мало нам что даёт, но теперь в один прекрасный день мы сможем вспомнить доктора даже по имени. Правда, это всё, что удалось разузнать.

На ужин – ряженка, рогалики с вишней, груша. Иван Иванович не отказался.

25 марта 1993 г.

Больше месяца прошло с тех пор, как я попал сюда. Чувствую себя узником, разлагающимся от еды, что они дают, от воды, что моет моё тело, от слов, что слышу и говорю сам, от стуков каблучков медсестёр, от щелкающей ручки врача, от так рано выключающегося света. Ещё немного, и я буду пахнуть, как гниющий труп.

А что там, где теперь нас нет? Как Наталья? Как сын и его семья? На что они живут? Вспоминают ли обо мне? Надеюсь, что эти записи когда-нибудь, хоть через 100 лет, дойдут до них, и они узнают, что я храню их в своей памяти и сердце. Я люблю вас, дорогие мои. Никогда, наверное, я так не любил, как теперь, отрезанный от данного мне свыше сокровища. Простите, если я в чём-то виноват перед вами. Простите.

На завтрак, обед и ужин давали еду. Съел всё.

26 марта 1993 г.

Проснулся и долго не мог понять, где я нахожусь. Мне казалось, что я дома, но все давным-давно разбрелись по своим делам: жена – на работе, сын – в садике. А я лежу, глядя в потолок и понимая, что впервые в жизни проспал на работу. Вскочил и увидел таких же стариков, как я. Стариков со вздутыми венами и пожелтевшими белками. Грустно.

Валентин Евстратович сильно удивился, когда мы обратились к нему, но лишних вопросов не задавал. Надеюсь, мы не подставили ту медсестру, случайно выдавшую нам его имя. Странно, что весь персонал скрывает от нас свои личности, будто мы собираемся вломиться в их дома и устроить там погром. Даже женщина, убирающая наши комнаты, никогда не представлялась.

Врач спросил о самочувствии. На вопрос о тетрадах сказал, что не видит смысла в их чтении, во всяком случае пока. О переезде ничего не упоминал.

Олег хотел было снова попытаться счастья, но медсестра избегает его.

В соседней комнате скончался 90-летний старик.

На растяжке уснул, погрузившись в себя. В следующий раз пойду на зарядку.

Перед выключением света снова обсуждали прошлое. Степан рассказал, что ему дали немного времени на сборы,

поэтому он, в отличие от меня, порядком попрощался с женой. Его везли два дня в небольшом автомобиле люди в форме. Они, конечно же, не представились. Когда подъехали к воротам, один вышел и что-то произнёс в микрофон. Ворота открылись тут же. На первом этаже Степана досмотрели, поскольку собирался он без ведома людей в форме, изъяли то, что считалось вредным: газеты, деньги, кухонный нож, швейцарский нож. Степан сказал, что двери на этажах под нами тяжёлые, железные, только на нашем этаже, почему-то обычные, деревянные.

27 марта 1993 г.

После завтрака Олег ушёл смотреть телевизор, но скоро вернулся, позвал нас.

Я не знаю такого вопиющего бесчеловечия и безразличия к чужой жизни.

28 марта 1993 г.

Послезавтра, в крайнем случае через три дня, нас отсюда увезут. Но чёрта с два это будет концентрационный лагерь. Они назвали это Зоной отчуждения. Отчуждения от социально приемлемых граждан. Мы, словно чумные, словно подопытные кролики, будем жить на земле, которую не знаем, с людьми, которых никогда в жизни не видели в глаза. Нас запустят туда и больше никогда не выпустят. Так они сказали. Умно придумано: избавиться от людей, что уже не будут так эффективны, как молодые, здоровые, сознательные. Устроить для них мусорку. Пусть живут там, как хотят. Тем более нам даже не надо территорию освободить: мы облагородили землю недавней катастрофы, почему бы не сослать туда людей? Всё равно там никто не живёт.

На экране показывали два высоченных серых дома, где нас держат, документальные кадры катастрофы и фотографии места, каким приятным оно стало сейчас. Мужчина с гладко выбритым подбородком и торчащим из-под чёрного пиджака белым рукавом зачитывал слова по бумажке, выражал сочувствие пострадавшим и, называя нас добровольцами, представил «экспериментальный проект». Проект по отделению «социально непригодных людей». Он уверял, что всё сделано для лучшей жизни «нашего общества», для его «постоянного ударного функционирования». А мы? Нас

можно списывать со счётов? Конечно, наши волосы поседе-ли, у других ноги не двигаются, третьи отсидели полжизни за решёткой – разве возможно нам быть в рядах прекрасного общества! Теперь каждый станет бояться и скрывать до последнего, что что-то колет у него в боку, что вчера он не праздновал 60-ый день рождения, что он истинный гражданин. Так-то правды никогда не узнаешь, а сейчас и подавно.

Но, главное, обидно неведение, дурацкое ожидание не пойми чего, всякая оторванность от внешнего мира. Мы, словно мышки в клетке, бегаем туда-сюда, не понимая, что происходит, хрустим вкусными щами, сладко потягиваемся после долгого сна, мнём ноги на массажах и зарядках, чтобы однажды нас выпустили в клетку побольше. А там... кто знает, что случится там?

Старики, сидящие перед телевизором, молча смотрели на новостную заставку, а потом на начавшийся мелодраматичный сериал. Никому не хотелось говорить о своей судьбе. Мне тоже.

29 марта 1993 г.

Валентин Евстратович осмотрел нас в последний раз, как обычно что-то чиркнул в блокноте, но сегодня задержался, плотнее закрыв дверь в комнате. Я попробую записать то, что он сказал.

«Знаете, мне никогда не приходилось работать с такими пациентами, как вы или как те, что живут на других этажах. И у вас это всё происходит впервые. Надеюсь, что между нами не было ни зла, ни обид. Не хочу, чтобы вы уезжали с тяжёлым сердцем. Простите, если был слишком отстранённым, но я не мог ничего рассказать: меня связывают те же обязательства, которые есть у каждого, кого заставляют работать на «общество». Нам тоже ничего не рассказывали: поставили перед фактом, и хоть стой, хоть падай. Вы будете первыми, вы будете встречать других людей, которые придут позже. Вы должны сделать то место пригодным для жизни».

Он попросил, чтобы каждый из нас высказал своё «последнее» по эту сторону баррикад желание.

Олег сказал Валентину Евстратовичу, чтобы он больше никогда не скрывал своё имя от таких, как мы. Врач улыбнулся, когда услышал просьбу. Иван Иваныч попросил грелку, чтобы там она напоминала ему о полутора месяцах здесь, впрочем, неплохом месте. Степан упомянул о своём швейцарском ноже. Я не знал, можно ли выполнить такую просьбу.

бу, но раз другой шанс мне мог не выпасть, попросил звонок. Врач согласился и очень охотно.

Медсестра Ольга, что упорно сохраняла тайну и случайно выдала нам имя врача, проводила меня до ординаторской. Столики, состыкованные друг с другом, полные всяких папок и бумаг, рисовали собой фигуру странного зверя. Телефон стоял на тумбочке у окна. Рядом – пепельница с дымившей сигаретой. Меня по привычке потянуло прижать окурок и помахать ладонью перед лицом. Я улыбнулся этой старой, юношеской, привычке.

Стоя у телефона, я ощущал безмерную пустоту в животе и трепыхание в груди. Пальцы соскальзывали, дрожали и будто специально не попадали на кнопки. Ольга поинтересовалась, не подсказать ли мне или не набрать ли ей за меня. Я отказался и, облизнув ссохшиеся губы, попробовал в третий раз.

Трубку взяла Наталья. Голос звучал слабо, едва-едва различимо, почти безжизненно. Пока я молчал, как партизан, а она допытывалась, кто же мог ей позвонить, Ольга ретировалась из кабинета.

«Здравствуй, родная», – только и мог я сказать.

Всё сдавило, в голове помутилось. Наталья заплакала навзрыд. Потом трубку взял Пашок.

«Батя?» – спросил он осторожно.

«Я, я, сынок».

«Батя, живой. Ты где?» – он тоже заревел, как мальчонка.

«Там, где и все. Видел недавно..?»

«Зачем вас шлют туда?»

«Не я начальник. Не мне решать».

«Что он говорит, Пашок?» – всё ещё плача, спросила Наталья. – «Что он там говорит?»

«Батя, как так?»

«Почём я знаю, сынок. Мелкому человеку не говорят всей правды: её и большой-то не всегда знает. Как вы живы там?»

«Матка больна, как тебя увезли, не ест и не пьёт. Хорошо, что ты позвонил. Раньше не давали?»

«Никому не давали. Это было желание, Пашок, «последнее» здесь желание».

«Спасибо, батя», – шепнул он и передал трубку Наталье.

«Антон...» – хриплым, срывающимся голосом проговорила она.

«Здравствуй, родная. Как ты?»

«Устала без тебя. Умру я, пока ты там».

«Не говори так. Я же живой и планирую жить до ста лет. Вот и ты живи. Внуков наших расти. И не придумывай, Наталья».

Она не ответила мне: плакала и плакала.

«Я люблю вас, очень сильно люблю, мои родные. Пашука люблю, его жену-дуру люблю, внучку-красавицу люблю, тебя люблю, слышишь? Я попрошу передать вам мои записи, что я вёл тут. Их немного, но они обязательно должны дойти до вас. Я люблю вас...»

«Антон...» – пролепетала она сквозь слёзы.

«Мне пора», – сказал я, когда в ординаторскую зашёл Валентин Евстратович. – «Целуй всех. Киснуть не смей».

Телефон жалобно звякнул. В горле сдавило. Видимо, выглядел я паршиво, раз врач поинтересовался, хорошо ли я себя чувствую. Никак. Никак я себя не чувствую.

Вернувшись в комнату, выпил всю воду, что каждый день обновляют в графине. Никогда не понимал, когда говорили, что внутри образовалась пустота. А теперь понимаю.

30 марта 1993 г.

На завтрак – суп с курицей. С собой – несколько бутербродов и чай в пакетиках.

Попросил Валентина Евстратовича передать мою тетрадь родным, но он отказался, потому что это не разрешено. Он сказал, что там она мне может понадобиться.

Оказалось, что больше ни в чью комнату врач вчера не заходил и не произносил монологи. Видимо, наша напористость произвела впечатление.

В 12 часов на нашем этаже появился мужчина в форме и приказал собирать вещи. Я был готов с утра. Сумки, рюкзаки, баулы составлены у входа на этаж. Нас попросили построиться. Старики стояли парочками, как пионеры.

Видимо, нас вывели первыми, потому что двери других этажей были закрыты, а во дворе находился только один автобус. Мы забрались, наши вещи снесли плечистые мужчины, а тот, что приходил за нами, провёл перекличку и захлопнул створку, когда ушёл. Люди с серыми лицами, недавно бывшие пациентами этой странной больницы, оглядывались по сторонам и смотрели друг на друга. Когда мужчины в форме спустились, а наш водитель вернулся в автобус, в ворота въехал такой же агрегат как тот, в котором сидели мы. Водитель сбросил пиджак, нажал дважды на клаксон, закрыл дверь, и автобус покати.

Опустошение.

Многие скоро уснули, только Олег всё шептался с Иван Иванычем и убеждал его, что нас везут на мясо. Шутка перестала быть смешной. Степан не мог пристроить свои беспокойные ноги: в автобусе в позе лотоса не посидишь. Я посчитал головы, а потом посчитал их ещё раз. Нас ехало 20 человек: кого-то, слишком тяжёлого, оставили там.

Дорога наша тянется через пустыри и леса. Кажется, что водитель специально выбирает такие безлюдные дороги, далёкие от городов. Куда нас везут? И для чего?

Часа через 3 после того, как мы выехали из ворот больницы, водитель остановил автобус и разрешил нам выйти. Мы со Степаном стояли на ветру, глядя вдаль. Не знаю, как он, но я мысленно прощался со всем, что случилось со мной, и готовился к худшему. Будто, и правда, наш автобус смерти везёт нас в лагерь. Во время остановки мне удалось записать пару строк.

Долгая-долгая дорога.

31 марта 1993 г.

Ночью снова была остановка. Старики выползали из автобуса, чтобы облегчиться, поразмять свои кости, вдохнуть немного свежего воздуха. Некоторым плохо, но водитель предлагает лишь глубоко дышать и рассасывать карамель. Очень хочется есть, но я оставил свои бутерброды до приезда, надеясь, что мы скоро прибудем.

Утро пришло слишком быстро. Я, всё ещё голодный и уставший от долгой поездки, смотрел на солнце, будто на небесный дар. Кто знает, вдруг там его не будет. Кто вообще знает, что нас ждёт там?

Снова останавливались. Иван Иванович разделил со мной свои бутерброды. Чувствую сытую радость и благодарную преданность. Не видел, чтобы водитель что-то ел: он только курит и изредка пьёт из бутылки. Все устали. Все на пределе.

На вечерней остановке съели мои бутерброды. Мне надоело хранить их на чёрный день, тем более что они могли не дожить до него, только если бы сами стали чёрными. У Ивана Ивановича впали глаза, лицо Олега осунулось, Степан пока бодр и свеж. А я не хочу знать, как выгляжу.

Ночью кто-то выбросил тетрадь в окно. Не думаю, что её найдут и, тем более прочитают.

1 апреля 1993 г.

Мы остановились в какой-то полуразвалившейся беседке, одиноко торчащей посреди поля. Водитель достал из багажника небольшие коробочки с закусками и раздал их по штуке на двоих. Мы с Иван Ивановичем снова разделили наш обед. Почему-то именно с ним я чувствую связь и готов отдать ему последнее. Остальные для меня существуют постольку-поскольку.

В голове бьёт только единственное желание – приехать.

Останавливались в беседке неслучайно: один из стариков не выдержал и испустил свой бранный дух. Похоронили, кто-то даже прочитал молитву. Разве так мы должны были позаботиться о человеке? Разве так должна была закончиться его жизнь, там, на пустыре? Кто-нибудь даст знать его родным, что он лежит неизвестно где, посреди непонятно чего?

2 апреля 1993 г.

Может, нас обманули, и мы едем совсем не в то место, о котором говорили по телевизору? На вопрос «Как долго ещё ехать?» водитель пожал плечами и сказал, что впервые едет этой дорогой. Может, мы сбились с пути? Может, мы ездим по кругу? Водитель кажется спокойным.

Руки не тянутся к письму. Заставил себя. Солнце греет повесенному, снег в лесах лежит нетронутым, а на полях уже тает. Летают птицы, но к автобусу они не приближаются. Наверное, мы и правда прокляты и едем в лагерь смерти. Мои мысли заняты только грядущим, будто я смирился с тем, что оставил там семью: мою маленькую плачущую жену и чувствительного сына. Я как будто распрощался с ними, когда положил трубку телефона, принял как должное, что больше не увижу их. Я боюсь, что так делаю только хуже, что лишаю себя всего. Особенно прошлого. Я не забыл вас, родные мои. Я люблю вас.

Ночью остановились около двухэтажного здания. Не слишком присматривался, что вокруг. Нас загнали в барак с двухэтажными кроватями. Я и Степан легли сверху.

3 апреля 1993 г.

По-человечески пожалели: дали доспать. Мужчина в форме с погонами высокого звания построил нас и других, которых я видел впервые. Тут были молодые парни и старые женщины, неизвестно для чего упечённые вместе с нами, стояли мужчины с серыми татуировками на руках, женщины с обвисшими грудями и синими веками, но что их объединяло с нами, старыми и немощными, – я не понимал. Главный говорил, но толком не знал, о чём сказать: что нас ждёт, никто даже не представлял. Он лишь пробурчал, что после того, как мы выйдем из этого здания, вся наша прошлая жизнь будет «стёрта в порошок, а новая возвращена на нём». Мне это не понравилось.

Кормили пюре с огромными комками, разведённым на воде, непрожаренными котлетами и еле тёплым чаем. Я был рад и такой еде. Наконец боль в животе улеглась. Кто-то пожаловался на качество обеда, но главный лишь строго посмотрел на него и молча удалился.

К вечеру прибыло ещё два автобуса. Нас снова собрали и посчитали. 984 человека. И всех нас отправляют в Зону отчуждения.

4 апреля 1993 г.

Каждому дали счётчик Гейгера и набор первой необходимости, где лежат два бинта, йод-карандаш, обезболивающее, пластыри. Почти половине выдали особый набор для поддержания здоровья; думаю, чтобы не смели умирать прямо сейчас. Главный спросил, есть ли среди нас врачи, несколько человек откликнулись. Звал людей с военным прошлым, Степан отправился и вернулся навьюченным автоматом и коробкой патронов к нему. Тем, кто назвался водителем, выдали по канистре бензина. К чему они нас готовят? К войне что ли?

Разобрали вещи, в спешке схваченные с собой, упаковали рюкзаки. Нуждающимся выдавали форму и обувь. Всем раздали карту, словно нарисованную в учебнике по ориентированию – просто и схематично.

Нас снова согнали в огромный холл, посчитали и отправили в душевые. Всех мужчин постригли налысо. Мой неровный череп блестел во влажном зеркале. Я походил на постаревшую и помутневшую копию себя. Больше никогда не буду смотреться в зеркала – пусть не обманывают.

К вечеру приходили люди в форме, проверяли нашу готовность. Говорили, что умерло ещё двое.

Поели пюре, такого же ужасного, как и в прошлый раз, с котлетами из остаток вчерашнего фарша и картофельных

кубиков.

Завтра уезжаем.

5 апреля 1993 г.

Главный прочитал вдохновенную речь, на этот раз подготовленную. Нас выпустили из запасного выхода и посадили в небольшую электричку.

Мы огромными, плачущими, боязливыми, растерянными глазами смотрели в окна. Впереди нас ждала неизвестность.

Когда люди начали вскакивать с мест, я увидел длинные вереницы гаражей, за которыми появлялись жилые дома. Такие же, как и везде: серые и бежевые панельные дома с оранжевыми и чёрными пятнами балконов. Но эти здания казались старыми, облезлыми, сиротливыми, как выброшенная на помойку кукла. То, что показывали по телевизору, было ложью, красивой сказкой для дурачков. Мне не хотелось бы жить в таких домах, но моего мнения никто не спрашивал.

Что это за место? Что за люди в нём жили? Какая катастрофа случилась с ними? И почему на всём пути от больницы до барака, от барака до этих брошенных панельных домов мы не встретили ни одной живой души: ни пролетающей мимо птицы, ни убегающего от грохота машин зверя, ни бредущего по своим делам человека?

Нас бросят здесь, не поинтересовавшись, кто же остался там после нас, что хорошего или плохого мы сделали, о чём мечтали и какие мечты сбылись. До этого нет никому дела. Нас схватили, как глупых беззащитных щенят, и швырнули

в речку. Выживешь – хорошо, не выживешь – не к нам вопросы. Их власть может упечь нас туда, но распространяется ли она на территории Зоны?

Электричка остановилась. Пара мужчин в форме спрыгнули и скрылись из вида. Немного погодя раздался тягучий скрип железа, и электричка поехала дальше. Кто-то начал готовиться на выход. Но после ворот мы почти не ехали – плелись. От ворот тянулись бетонные заборы, увенчанные колючей проволокой. На поле со всех сторон, словно рассыпанные горошины, виднелись бугорки, незаметно прикрывающие мины. «Для дезертиров,» – шепнул Олег, глядя в окно безумными глазами.

Двери электрички раскрылись, народ высыпал на перрон. Перед нами был серый вокзал и серая станция. Люди с рюкзаками и сумками стояли вдоль перрона и смотрели, как люди в форме проверяют, не остался ли кто внутри. Двери захлопнулись, раздался скрежет, заглушивший гудок, и электричка поплыла в обратную сторону. Мы остались на месте.

Вот она, Зона. Наш новый дом, который никто себе опять-таки не выбирал. Вот эти люди, оторванные от прошлой жизни, такие же, как я, как Иван Иванович, как Олег, как Степан, как те, кто не дотянул до приезда сюда. Мы, словно судьи чьим-то могущественным дыханием зонтики одуванчика, шлёпнулись в грязь, и никогда нам отсюда не выбраться.

Толпа людей разного сорта долго толкалась на перроне. Бледные, испуганные лица вытягивались. Не знающие, что

делать, куда пристроиться, руки беспомощно болтались на весу, лениво тащили сигарету из губ, шарили по карманам, в последней попытке вернуть себя в мир по ту сторону ворот. Люди оглядывались по сторонам, рыдала женщина, мужчины закидывали на плечи рюкзаки и снова ставили их на землю. Мы не знали, как быть.

– Послушайте! Внимание! – раздался надрывающийся голос. Парнишка явно никогда не выступал перед столь многочисленной аудиторией.

Его и слушать никто не хотел: шум толпы проглатывал слабые потуги парня. Раздался громкий хлопок, и толпа затихла. Люди закрыли уши и, как кривые деревья, пригнулись к земле. Парнишка в форме держал дымящееся оружие.

– Послушайте! Нам надо держаться вместе. Быть одной семьей...

– Слышь, ты! – около парнишки появился мужчина, которых в наше беспокойное время называют «бандитами». – Чё это ещё значит «надо»? Кто сказал, что это «надо»?

– Я. А я, между прочим, наделён некоторой властью! – думаю, в тот момент парнишка хотел и провалиться сквозь землю, и выиграть в этом споре. Его робкий взгляд то стрелял в сжатое до предела лицо бандита, то виновато опускался на носки потрёпанных сапог.

– Засунь себе эту власть в одно место и поверни для удовольствия! Нас сюда запихнули такие, как ты, «наделённые властью», и нами же здесь управляют «наделённые вла-

стью»! – бандит вырвал из рук парнишки оружие и поднял его над головой. – Сосите вы свою власть, а у нас власти не будет!

На перроне поднялся гул. Мужские голоса одобряли.

Вдохновлённые силой бандита, отобравшего оружие, подняли сумки, рюкзаки, баулы и двинулись за ним. Они шли по широкой дороге вверх и скрылись за голыми кустами, уходящими влево. В здании вокзала, как это выяснилось после непродолжительной прогулки по перрону, мы расположились на сломанных стульях, кто-то сидел на полу, подстелив старые газеты, кто-то решил остаться на ногах. С нами остались старухи, несколько больных женщин, бледно-синих парней, чёрно-серых мужчин, толкущихся в углу. Половина.

То ли мы ждали, что мужчины в форме сжалются над нами и вернутся, то ли боялись сделать на новом месте что-то не так, за что потом придётся расплачиваться. Никто не сходил дальше вокзала, но многие со страхом и любопытством поглядывали на широкую дорогу.

Иван Иванович, проглатывая хлеб, спросил:

– Что нам теперь делать? Сидеть здесь и ждать, когда по-мрём?

– Ё-моё, именно так они и думали! – поддержал разговор Олег. – Что привезут сюда больных и безнадёжных людей и мы сразу тут все поляжем: у кого сердце откажет, кто застрелится, а кто и застрелит. Проблем меньше.

– Бесчеловечный замысел, не думаешь?

– А нас с Вами не спрашивали, – Олег, делая вид, что ему всё равно на свою дальнейшую судьбу, откусил от краюшки.

– И то верно. Но разве они не подумали, как нам жить? Где вода, отопление, свет? Откуда брать еду? Можно ли её здесь выращивать?

– Слишком много вопросов для свободного человека, – отозвался Степан, потирая плечо.

– Не слишком. Я не планирую помереть прямо сейчас, когда ворота только закрылись. Хочу понять, как можно жить на этой... Зоне.

– Ёлки-палки, как хочешь – так и живи! – хмыкнул Олег. Кивнув в сторону дороги, он продолжил: Этот схватил оружие и повёл за собой народ. Ни у кого ничего не спросил – всё сам.

– А мы кого поведём? Кто ж за нами-то пойдёт? – спросил я.

– Все, кто здесь остался, те и пойдут. Только их позвать надо правильно, – подмигнул Олег.

– Как это «правильно»? Не вижу тут никого, кто бы ещё пытался устанавливать власть и грозить оружием.

– Правильно. Это пока. А потом...

– Потом будет потом. Сейчас надо понять, что делать и куда идти, – снова вступил Иван Иванович. Я, как всегда, был с ним согласен.

– Ёлки-палки! – выругался Олег, поднимаясь с громко скрипнувшего стула. – Вы можете делать всё, что хотите. По-

нимаєте? Всё.

– Но ведь так не бывает.

– Бывает. Ё-моё, поймите: те, что забросили нас сюда, не имеют никакого плана относительно нашей жизни. Мы – лишние люди. Мы – Печорин и Ленский, или как его там? Да не важно. Вся власть кончилась, как только за нами закрыли ворота, – тот мужик абсолютно прав, – Олег пытался вдолбить нам простую мысль, которая никак не укладывалась в головы людей, столько лет проживших по плану, назначаемому кем-то сверху. Иван Иванович пусто смотрел в пол, покрытый битым стеклом, и молчал. Степан, казалось, не слушал вовсе и наблюдал за окружающими. Я же вновь чувствовал себя выжатым и опустошённым. – Может, надо было идти за тем, у кого есть план.

– За ним? За этим бандитом? – спросил я.

– С чего ты взял, что он бандит? Разве у него на лице было написано? Он всего лишь свободнее, чем мы с вами, а потому так легко взял и совершил секундный переворот. Ё-моё, кто знает, где бы мы сейчас были, если бы не он. Всё, – Олег выдохнул и кинул рюкзак на плечо, – двинули.

– А чего это ты командуешь? – съехидничал Иван Иванович. – У нас власти нет.

Он поднялся и прошёл к регистрационной стойке, единственному вертикально стоящему здесь предмету. С необыкновенной лёгкостью он забрался на неё и, громко кашлянув, обратился ко всем, кто ещё оставался на вокзале:

– Друзья по судьбе. Возможно, тот, кто недавно ушёл по дороге и увёл за собою людей, прав, и вся власть кончается до этих ворот. Раз это так, и никто не указывает нам, что делать, куда идти, чем и с кем жить, мы свободны в действиях и помыслах.

Люди, глядящие на Ивана Ивановича снизу вверх, прижимали ко рту ладони, беззвучно хлопали глазами, закусывали губы. Странно и волнительно было смотреть на «раскрепощение» тех, кто всю свою жизнь посвящает чужой воле, кто почти никогда не выбирает путь собственного удовольствия и счастья. Слушая оратора, я начинал осознавать, почему главный с погонями важной шишки говорил о пепле прошлой жизни. Там ничего нет и, кажется, никогда не было. Сейчас есть всё: освобождающий из рабских пут Иван Иванович, довольный Олег, Степан, сидящий в позе лотоса, я, записывающий происходящее, и ещё сотни людей, жмущихся друг к другу, не верящих своим глазам и ушам. Сейчас есть свобода, и её уже никому не отнять у нас. Знают ли об этом те, кто насильно запихал нас?

– ... Мы можем организовать вече, как на Древней Руси, а можем – республику, как в Древнем Риме, или создать что-то новое. Никто не диктует нам правил, никто не ставит условий и не предъявляет требований. Мы сейчас творим историю Зоны отчуждения. Пусть они там думают, что мы загниваем здесь, что мы убиваем друг друга. Мы же будем жить, как хотим, как говорит нам сердце. Мы построим тот мир,

где каждому будет хорошо. Мы построим его из того, что у нас есть. Мы назовём его Зоной свободы, в нашу честь, в честь свободных людей.

Олег захлопал. Кто-то присоединился к нему, и вскоре весь вокзал наполнился гулом аплодисментов. Я не мог оставаться в стороне и, кажется, даже поднялся от волнения.

– Но помните, – продолжил Иван Иванович, – что, кроме вашей свободной воли, существует свободная воля других людей. Уважайте себя и окружающих. Ведите тех, кто потерялся в дороге судьбы, запутался в её сетях. Ведите, но не навязывайте им свою волю. Будьте свободными и делайте свободными других.

Он спустился так же ловко, как и забрался. Подошёл к нам, на лице – счастье и, да, чувство вкушённой свободы. Люди сначала робко подходили к нему, обращались, кто-то даже пожимал его старые обветренные руки, потом они собрали вещи и стали расходиться в разные стороны от вокзала. Мы, наша небольшая группа стариков, надела рюкзаки и двинулась к высоким жилым домам, видневшимся ещё из окон электрички.

Две десятиэтажки облюбованы многими. Почти все, кто остался днём на вокзале, перекочевали сюда. Заняли те квартиры, где всё ещё, словно манна небесная, были вода и свет. Мы сготовили овощи, которые нам выдавали в бараке, и улеглись на пыльные кровати.

В бараке нам дали приличное количество провианта: на

одного человека вышло три банки тушёнки, две банки консервов, два контейнера с порезанными овощами, штука чеснока, батон чёрного хлеба, сто грамм простых печений. Пакетированный чай у меня остался ещё из больницы. Один контейнер овощей и четверть булки хлеба съел за сегодня.

В рюкзаке: куртка осенняя, две толстые рубашки, кальсоны, брюки зимние и летние, военные берцы, кроссовки и туфли, кепка, шапка, варежки. На мне: военная тёплая куртка, свитер, майка, военные штаны, кальсоны, шерстяные носки, зимние полусапоги. Для весны здесь холодно. Тем более в неотапливаемом помещении.

Мужики уснули, я пишу под светом настольной лампы на кухне. Удивительно, что она работает. Удивительно, что всё здесь так похоже на наш мир, мир за воротами. Мы устроились на 8-ом этаже в четырёхкомнатной квартире. Из целого тут только кровати, плита, ванная, два стола. Шкаф и техника разворочены. Раковина, ванная покрыты странными пятнами, за обоями шурша обваливается штукатурка, пороги почти превратились в пыль и от наших ног разнеслись по комнатам. На углах висят тенёты, серые, мрачные.

Пишу о чём-то постороннем, когда надо писать самое важное. Мы в Зоне. Не там, где тебя избивают палками и яростными голосами требуют выполнять свою работу. А там, где свобода. Наверное, человеку её нельзя давать: это может обернуться плачевно. Кто знает, куда ушли эти люди во главе с бандитом и чем они сейчас занимаются. Может, он считает,

что не только нет власти, но нет и морали. Неважно. Важно, что прошёл целый день, что мы ещё живы, что теперь нам надо самим обозначать свои цели и самим двигаться к ним.

Но что делать? Какие цели ставить? Как существовать здесь, когда закончится еда, вода и свет? По каким законам жить, чему верить?

Совсем забыл, что я успел прихватить с собой бумажник. Разбирал его под светом лампы и нашёл в закромах фотографию с Натальей и Пашуком. Совсем из головы вылетело. Вот что значит не пользоваться деньгами. Наталья, с короткой стрижкой, в белом платье в цветочек, в кремовых босоножках на тонких ногах, с счастливой улыбкой, смотрела на меня из фотографии. Рядом стоял Пашук в коротеньких шортах и длинных носках, он держал букет и щурился от яркого солнца. Меня с ними не было, я стоял за кадром. Как всегда. Даже сейчас.

6 апреля 1993 г.

Я не могу уснуть. Пришлось снова сесть и продолжить писать.

Из окна видна дорога, по которой ушёл бандит. Она широкая, длинная, измятая, уходит далеко на север. Густо растут кусты, которые, как зловещие ночные тени, лезут со всех сторон, тянутся колючими, изломанными, голыми лапами за жертвой. Напротив нашего дома – остановка. Тут даже застрял чей-то голубовато-ржавый «Москвич». По правую сторону от нас – скрывшийся за деревьями магазин.

Обыкновенный город. Похожий на сотни таких же.

Степан проснулся от света лампы, хотя я закрыл дверь. Утверждает, что хотел пить. Достал флягу из бокового кармана рюкзака и опрокинул её содержимое, как лихой моряк.

Отдал свою тетрадь, чтобы я писал в ней, когда моя закончится. Сам до сих пор не понимаю, почему я не бросил запечатлевать всё, что с нами происходит. Всё же и так понятно: нас отослали как неугодных обществу, тянущих его в непроглядное дно, и тут мы можем делать всё, что захотим. Разве нужно говорить о чём-то ещё? Каждый из нас лишился прошлого и самого дорогого: семьи, предприятия, счёта в банке, кремовой «Волги», мягкой подушки под головой, семи-часового чая с бабушкой и дедушкой или счастливой улыбки дочери. Мы пожертвовали половиной, если не целым, серд-

ца, чтобы те, кто остался за воротами, смогли жить полной жизнью. Хотя какая это может быть полная жизнь без члена семьи?

От наших разговоров проснулись все. Иван Иванович улыбнулся, когда увидел, что я всё ещё веду тетрадь, отданную врачом. Он сел рядом и сказал:

– Может, однажды кто-нибудь прочитает эти записи и сжалится над нашими жалкими душами.

– А кому мы нужны? – бросил Степан. – Оставшимся там тоже как-то надо жить.

– Никто не спорит. Пока мы не умерли, нам тоже надо.

– Как раз об этом, – на кухню зашёл Олег. – Куда пойдём дальше?

– Между прочим, я немного изучил карту, – Степан разложил свой экземпляр на столе. Мне пришлось потесниться. – Эти дома в радиусе нескольких метров прекрасная точка, пригодная для жизни. Во всяком случае сейчас. Было бы неплохо устроить здесь привал, или лагерь, или как это ещё называется? для тех, кто сюда только приходит.

– Что ты предлагаешь? Оставить своих людей в случае чего?

– «Своих»? – тихо прыснул Олег.

– Мы не можем заставлять других делать то, что хотим мы, – нравоучительно сказал Иван Иванович. – Пусть будет, как есть. Нам надо позаботиться о себе.

– О себе – это понятно, вот только для чего?

– Знаешь, люди кочуют испокон веков, и очень странно, что у них никогда не возникает вопросов, зачем они это делают, – с неудовольствием старик смотрел на Степана. – Они перемещаются, потому что жизнь заставляет их так делать. А мы...

– Ну, то жизнь. А нас заставили такие же люди, как и мы, ё-моё! – выкрикнул Олег, чуть не ударив по столу.

– Жизнь несправедлива, сынок, если ты ещё не заметил этого, – тихо ответил Иван Иванович, прикидываясь отцом. – Мы всего лишь привыкли сидеть на одном месте, где есть всё.

– Зажрались?

– Что-то вроде, – он кивнул. – Мы сейчас находимся в том моменте, когда можем решить всю дальнейшую судьбу, понимаете? Ты сам вчера говорил всем про свободу, убеждал нас, а потом и я выступал перед людьми, дал им надежду на продолжение нормальной жизни здесь, на этой земле. А сейчас ты говоришь, что во всём виноваты люди. Да, они виноваты, но не мы...

– В том-то и дело, что не мы. Но мы должны выбрать путь, по которому идти.

– Вы не слушаете друг друга, – сказал я. – Ткните пальцем в любую точку на карте, и мы пойдём сегодня туда. Какая разница, куда нам двигаться, если рано или поздно мы должны обжить эту территорию полностью. Она – наша.

– Ты прав, – выдохнул Олег. – Тогда даже тыкать не обя-

зательно, мы просто пойдём вперёд.

Пусть все и согласились со мной, в воздухе висела недосказанность и лёгкое неудовольствие чужим мнением. Спустя некоторое время мы поели консервов с хлебом, запаслись водой, я взял с собой маленький матрац и ощутил тяжесть рюкзака; Олег сложил лёгкое одеяло.

Привал в одном из домов, стоящих вдоль широкой дороги. Комнатка на первом этаже; окна во двор. Большие качели с облупившейся краской, стенка с перекладинами и кругами разных размеров, вдали стоит слон-горка с хоботом, вросшим в землю, две разбитые скамейки, песочница без песка, но с парой поблёклых детских игрушек. Дома вокруг пустыми глазницами смотрят на нас, бесцеремонно ворвавшихся в их спокойный и размеренный мир.

Мы наведались в тот магазин, что располагается недалеко от двух десятиэтажек, но, видимо, он попал в поле зрения толпы бандита и был беспощадно разграблен. Нам достались несколько пачек карамельных конфет, быстрозавариваемые лапша и картошка, испорченные мясо- и сыропродукты, коробки соков ужасного качества, пара консервированных салатов. Иван Иванович предлагал взять что-нибудь из хозяйственных принадлежностей, но Олег отказался, потому что дома у нас как такового не было, наводить порядки негде. Мы согласились пока идти налегке.

Степан с Олегом готовят на электрической плите суп из псевдолапши с тушёнкой. На столе, пару минут назад быв-

шем покрытым толстенным слоем пыли, оказались салат из морской капусты, разрезанная булка хлеба, четыре кружки с чаем, четыре тарелки с супом. Не сказал бы, что наелся, но это лучше, чем ничего.

К вечеру добрались до огромного здания, похожего на древнегреческий храм, но счётчики начали трещать, и мы решили не подходить к нему близко. Остановились в длинном пятиэтажном доме, недалеко от здания, на 4-ом этаже. Повезло находить квартиры с водой и светом.

Сижу за столом в комнате, на кровати сидит Степан, заломив ноги, на кухне устраивают ужин Олег и Иван Иванович.

Целый день мы шли вдоль или близко к главной широкой дороге, заглядывали во дворы, но ничего особенного не увидели: одинаковые серые дома, скорчившиеся деревья и кусты, пласты грязного снега, разбитые остановки, маленькие магазинчики, развороченный асфальт, отторгнутый природой. Как ни странно, никто на нашем пути не встречался. Либо так мало нас на этой территории, либо все мы двигаемся в одну сторону с одинаковой скоростью.

7 апреля 1993 г.

Как только проснулись, позавтракали остатками ужина, собрались и вышли снова в дорогу. Вернувшись к зданию с огромными греческими колоннами, мы снова услышали треск счётчиков. «Дворец» – значилось на фасаде под треугольной крышей. Необычный Дворец. Степан обвел его на карте. Мы двинулись выше, поднялись к верхним улицам, но треск прекратился, лишь когда мы оказались позади домов. Совсем недалеко располагался лес. Посмотришь вокруг: один лес, и нет никаких заборов, закрытых ворот, колючей проволоки.

Весь день шли по лесу. Иногда спускались ниже, но счётчики начинали трещать, и мы не рисковали подбираться ближе. Внезапно Олег, с криками о чёртовой матери, с комьями земли, взрытой ногами и руками, полетел вниз. Мы аккуратно спустились, в канаве счётчик затрещал настойчивее, и нам пришлось поторопиться. Олег схватился за руку Степана и моё плечо, мы рванули: всё обошлось.

Ночуем в лесу: я и Иван Иванович на матраце, Степан – на куртке, Олег, трясущийся, с грязными пальцами и щеками, завёрнутый в одеяло, – под деревом. Набрали хворосту, еле разожгли огонь, нажарили хлеба, запили его из фляжки Степана.

8 апреля 1993 г.

Двинулись дальше. Справа – лес, высокий, поднимающийся по горе, весь в рыжих пятнах. Слева – бело-красные трубы, кирпичные и бетонные корпуса, огороженные забором, заржавленной колючей проволокой. Временами попадаются брошенные машины без колёс, без дверей и двигателей, здания с выбитыми окнами, поваленные столбы и светофоры. Остановились в здании без домашних удобств: видимо, раньше здесь кто-то работал, а не жил. Сломанные столы сброшены в угол, в другой – коробки, бумаги, под ногами – стекло и куски пластика. На стенах висят блёклые плакаты с расписанием дежурств, с вдохновляющими на работу словами, с серым профилем мужчины, знакомым каждому ребёнку.

Я разложил матрац и каким-то чудом уснул. Последние дни мне не спалось, а сегодня отрубился, даже не поняв этого. Иван Иванович долго шикал на Олега, чтобы тот замолчал и не смел меня будить. Ничего не имею против разговоров, пока я сплю; удивился заботе Ивана Ивановича. Проснулся, когда солнце заходило, когда Степан отправился к соседнему зданию, чтобы не сидеть без дела. Голова кружилась; ни думать, ни двигаться не хотелось. Вот так всегда: уснёшь днём – полжизни потеряешь.

– В нескольких метрах отсюда в четырёхэтажном доме

кто-то сидит, – объявил Степан, вернувшись из разведки. – Костёр разжёт.

– Надо сходить туда, – решил Иван Иваныч.

– Зачем? Чтобы нам голову снесли? А вдруг там эти, ну, те, что ушли с мужиком? – громко возражал Олег, махая руками.

– Это неважно. Кто бы там ни был, мы пойти посмотреть, что они там делают, хорошие ли это люди, да и вообще не помешает сказать, что не имеем ничего против них.

– А вдруг они имеют что-то против нас?

– «А вдруг», «а вдруг», – грубо передразнил старик. – Сходим и узнаем. Готов? – спросил он меня.

Я был более чем готов. После того, как мы решили, что будем просто идти вперёд, пока не обойдём все места или не умрём, я уже был готов к худшему. Прогулка по Зоне – вам не поездка по Золотому Кольцу.

Четырёхэтажное здание с широкими дверями стояло на небольшой площадке, визуально приподнимая дом над всеми соседними сооружениями. Уже постаревшее, но всё ещё добротное, оно красовалось выкрашенным в бежевую краску фасадом, аккуратным козырьком над входом и сероватой табличкой. Золота давно стёрлась, развеялась по ветру, но силуэты букв всё ещё складывались в слова: «Государственный архив». Архив молчаливо стоял посреди других серых зданий, взрытых снегом и грязью, засохших травой дорожек, кривых голых деревьев и густой тишины. Большая дверь со

скрипом поддалась и громко ударилась о стену, но никто не выглянул, никто не спросил, кто пришёл. Пахло сыростью и крашеным деревом. В кабинетах на первом этаже лежали перевернутые стулья, столы; пыль толстыми слоями покоилась на полу, подоконниках, сваленных шкафах. Под ногами шуршала бумага, испещрённая мелкими буквами, печатями и витиеватыми подписями.

– Вы кто такие? – услышали мы зычный голос в коридоре.

Невысокий плечистый мужчина, держа в руках винтовку, шагнул в кабинет и, хрустнув шейей, повторил свой вопрос.

– Не волнуйтесь, мы не собираемся тут ничего трогать, – миролюбиво ответил Иван Иванович.

– Эт верно, иначе я вышибу тебе мозги.

Услышав жестокое заявление, Степан нахмурился и потянулся к автомату. Спокойно положив руку ему на плечо, Иван Иванович покачал головой.

– А что это за место, товарищ? – вежливо поинтересовался он у мужчины.

– Еть. Ты сюда шёл и не знал, што это за место? Старый, ты дубу дал? – коренастый захохотал, не выпуская из рук оружия.

– Мы просто шли и..

– Говорю один раз, – перебил его мужчина, – тут главный – Витя Первый, хоть что с ним случится – полетят ваши бошки.

Он махнул головой в сторону коридора и вышел. Мы по-

слушно последовали за ним, переглянувшись. Что за странное прозвище «Первый»? Как у императора прям.

Коренастый вёл наверх, пресекая любое наше желание остановиться и оглядеться. Второй этаж ничем не отличался от первого: кабинеты, перевернутая мебель, рассыпанные по полу документы. Дверь на третий этаж была закрыта. На четвёртом этаже нас встретил рой любопытных взглядов и гул шепчущихся голосов. Люди стояли в две линии, тянувшиеся вдоль стен. Многие были одеты в форму, выданную ещё в бараке, за спинами и в руках – автоматы или длинные тесаки. Казалось, что идём мы на живодёрню. Олег нервозно поглядывал на людей, Степан смотрел на потолок, Иван Иваныч старался держаться решительно и стойко. Я же просто шёл вместе с ними и понимал, что либо сейчас мы подружимся с этим Витей Первым, либо разругаемся навсегда, и никто не сможет восстановить тот мир, который был в Зоне на протяжении трёх дней после нашего заселения.

Перед нами открыли дверь, осыпаящуюся бежевой краской, и мы вошли в широкий кабинет. Чудом уцелевший стол, пара шкафов, флаг страны, в которой мы так долго жили, и мягкий чёрный стул. На нём и восседал тот самый Первый. Бритый, с щетиной и шрамами на лице, худой, даже несколько суховатый, мужик отнял у власти имущего пистолет на вокзале. Он оторвался от пожелтевших листов, которые рассматривал перед нашим приходом, и улыбнулся.

– Здравствуйте. Чем я могу помочь Вам?

От его жаргона, лившегося на вокзале, словно не осталось и следа.

– Добрый вечер. Мы увидели в этом доме свет и решили зайти. Уже два дня мы не встречали людей на пути, а тут так получилось.

– Добро пожаловать в нашу скромную обитель. Витя Первый, – поднявшись, он представился и, поздоровавшись с каждым за руку, сел на кожаный трон. – Чем могу помочь? У нас есть и крыша над головой, и вода, и еда: оставайтесь! – подняв брови, спросил Первый.

– Спасибо, но пока нам всего хватает, да и не везде мы ещё походили.

– А чего ходить да смотреть? Мои молодцы уже пошли: вот вернутся через пару недель с полной картой, вот можно и расселяться тогда.

– Пожалуй, можно и так, – Иван Иванович оглянул нас, но мы молчали, как перекрытые краны. – Разве Вы запрещаете нам..?

– «Запрещать»? Я? Ну что вы! – Витя хохотнул, обнажая металлические коронки. – В Зоне – свобода, и кто я такой, чтобы кому-то да что-то запрещать!

– Забавно выходит: молодчик на входе угрожал, мол, волос упадёт и всё – секир башка! – язвительно выпалил Олег, проводя пальцем по кровавой корочке огромной Конституции.

– Ну, что ж, для своих я как-никак не последний чело-

век, – Витя пожал плечами.

– «Своих»? – шепнул Олег, облизываясь.

Тот, видимо, не услышал и, подняв брови, вопросительно посмотрел на Ивана Ивановича, считая его главным среди нас.

– Так всё же: чем могу помочь вам?

Его вежливость и чрезмерный такт настораживали меня и, пожалуй, всех стоящих перед Витей. Олег, осмотрев шкафы, ровно стоящие книги, целёхонькие стулья, ветхие памятки и флаги над головой Первого, цокнул. Степан вздохнул.

– Просите за нескромный вопрос, но чем вы здесь занимаетесь?

– Занимаемся? – ясный взгляд Первого затуманился, он слегка склонил голову, вытянув губы трубочкой, расправил плечи и ответил: Много чем занимаемся: кто по кухне мастак, кто за порядком следит, да кто в медицине, а может, и в машинах шарит, кто дыру в полу заделает – вот все общее дело и делаем.

– А что за «общее дело»?

Бесшумно Витя выругался. Он поднялся, чтобы загладить неловкое молчание, вышел из-за стола и многозначительно поднял глаза на карту нашей утерянной страны. Степан что-то шепнул за спиной, и Первый, услышав неладные шорохи, обратился к нам, сложив руки в миролюбивом жесте. Неудивительно, что такой, как он, смог повести за собой толпу. Когда нужно – топнет ногой, заорёт, ударит под дых, а

когда нужно – улыбнётся, обсыплет «спасибо» и «пожалуйста», расшибётся в лести и миролюбии.

– Дак наше, мировое, дело! – восторженно воскликнул он. – Что наши отцы пытались сделать, но не получилось. Да вот у нас, здесь, в Зоне, обязательно получится!

– Разве мы какие-то особенные?

– Конечно, особенные. Нам почти что дали шанс начать всё сначала, устроить так, чтобы все были равны, да каждый получил то, что наработал.

– И кто же всё это будет давать, ё-моё? У кого тут есть широкий карман, полный еды, тепла и работы? – фыркнул Олег.

– Да хотя бы у меня! – посмеялся Витя, разбрасывая руки.

– Откуда Вы возьмёте еду, когда запасы магазинов закончатся? Или как добывать тепло, когда там сообразят, что они всё ещё подают отопление?

– Человек может всё, стоит только захотеть, – заискивающе улыбнулся Первый. – Разобьём плодородную землю на участки, посадим тех, кто захочет выращивать, да те, кто откажется, пусть занимается лесом – чем не топливо?

– Предлагаете рубить деревья? – в голосе Степана дрогнул ужас.

– А что делать? Приходится жертвовать чем-то для спасения собственной шкуры. Да и потом, всё вырубить не получится: пока одно рубим, другое вырастет.

– Посмотрим, что Вы скажете, когда вместо деревьев оста-

нутся сгнившие пеньки, а на участках взойдут сорняки.

– Да что я могу сказать? – нахмурился Витя. – Только от-
дать распоряжение да сделать.

Иван Иванович помялся, он закусывал губу, словно насиль-
но удерживал в себе какой-то вопрос, умирал его пыл. Олег
слегка топнул ногой, то ли проверяя прочность полов, то ли
привлекая внимание мужчины у широкого стола.

– «Отдать распоряжение» – значит управлять чужой судь-
бой. «Разбить участки» – значит указать, где чьи границы.
Ё-моё! Где ж обещанная свобода?

– Свобода настанет, когда мы все приложимся к делу, ко-
гда каждый встанет в строй, закрутится, как винтик в огром-
ном механизме.

– Винтики и маленькие, и большие бывают.

– Истинно. Но что ж я сделаю, если именно я отобрал
оружие у этого хмыря? Мне ж тогда хотелось, чтобы всё не
пошло к чёртовой бабушке сразу, как только мы встали на
новую землю. А вот они, – он ткнул в дверь, – чего-то за
мною все пошли.

Витя пожал плечами и вернулся на своё кожаное место.
Взял пальцами желтоватую бумагу, повертел её и сунул в
ящичек. Я сомневался, правду ли говорит этот тип или пы-
тается выгородить диктатуру красивыми словами. Червячок
неверия и гадливости поселился во мне.

– Значит, нет Вашей заслуги в том, что сейчас Вы сидите
на этом троне, а не я или один из тех молодчиков? – ехидно

спросил Олег, бросая за спину большой палец.

– Отчасти. Ведь что один человек в сравнении с толпой? Она взяла и понесла, а мне либо плыть по течению, либо барахтаться. Так она же меня с потрохами сожрёт. Да и разве Вы не поступили бы так же?

Олег промолчал. Витя снова поднялся, заглянул в окно, вернулся к столу.

– Я не мог допустить, чтобы здесь наступила такая же диктатура, что и там, за воротами, – голос Первого становился холодным и жёстким. – В Зоне не может процветать власть продажных шкур и сучих ублюдков.

– Ё-моё, разве не все мы хотим того же самого? Так почему люди с винтовками в руках охраняют Вас, а не кого-нибудь другого? – выпалил Олег, покраснев.

– Тебя что ли? Или, может, его, – он ткнул в меня, в Ивана Иваныча, потом и в Степана, – или его, или его? Или бегемота на первом этаже? – Первый засмеялся, уперев руки в бока, словно важный барин. – Вы можете быть слишком упрямыми, слишком честными да слишком умными, но вы всего лишь старики, которые пришли сюда доживать свой век. Да они не имеют ни малейшего понятия, как управлять людьми. А я, – он пожал плечами, – я буду строить новое государство.

– Каким образом? Загнать всех под дуло отобранного пистолета? – уши Олега приобретали алый оттенок.

– Смелый, – хмыкнул Первый. – Айда к нам в строй.

– Этот винтик сломает тебе механизм, – зло прошипел

Олег, отворачиваясь от него и готовясь уйти.

Бандит нахмурился, поняв, что вежливый разговор давно прекратил своё существование и возвращение к нему оказалось бы чрезмерно лживым, фарсовым. Он выдохнул, сжимая челюсти. Короткие пальцы сложились в замок, перекрывая чёрно-серые слова «Витя» и «Хмыр». В дверь забарабанил тяжёлый кулак, и Первый, словно проснувшись, поднял голову.

– Витя, мужики вернулись, – в проёме показалась кирпичная голова «бегемота».

Тот жестом отпустил его и уже в который раз поднялся, но силы держаться не было, и он погрузился в кресло.

– Прошу прощения, но меня ждут дела. Надеюсь, следующая наша встреча будет более приятной.

Ядовитый и гордый взгляд проводил нас. Люди всё ещё стояли на своих постах, то ли боясь послушаться главного, то ли не имея никаких других дел. Олег, первым выйдя из кабинета, подошёл к женщине и, едва не крича, выпалил:

– Убирались бы вы отсюда, пока не поздно.

Казалось, что мы совсем зря пришли сюда: что нового мы узнали? Только то, что никакой этот Витя Первый не освободитель умов людских, а очередной тиран и самодур, стремящийся усилить власть, запугивая и шантажируя людей. Его блатные воровские законы перекочевали в Зону и ничуть не изменились.

Мы поспешили подальше уйти от логова бандитов. Достав

карту, Степан вывел жирную букву «Б» на здании. Мне было противно.

9 апреля 1993 г.

Ночь провели на закрытой остановке. Поели псевдолапши, зажарили немного хлеба. Еды остаётся немного, но Иван Иваныч рассчитывает, что на сегодня хватит, а за день успеем найти какой-нибудь магазин. Олег выглядит подавленным. Степан всё так же бодр и свеж. Как ему это удаётся?

Вокруг один лес, сквозь него проложена дорога, но скоро, очень скоро, она порастёт зеленью: в трещинах проглядывают листья, местами асфальт поднялся, скукожился. Дорога фронтальная.

Встретили группу из пяти человек. Все в форме цвета хаки несли автоматы за спинами. Откуда они их взяли? Те ли это автоматы, что раздавали в бараке, или новые, найденные где-то здесь? Прошли мимо, ничего не сказали и ничего не спросили.

Остановились в огромном магазине. Сварили гречневой каши с тушёнкой, запаслись обычной лапшой и псевдолапшой, консервами, спичками. Старики уснули на моём матраце.

Сажу за кассовым столом. Места мало. Чувствую себя отщепенцем мира и жизни. Хоть я и иду вместе с Олегом, Степаном, Иван Иванычем, во мне нет никакой привязанности к этим людям. Я не думаю о их безопасности, здоровье, сытости, я не думаю о том времени, что дано им. Кажется, я

вообще перестал думать. В голове пустота, в груди – маета. Зачем иду вперёд? Зачем иду вместе с этими людьми, которые мне никто? Почему не остался в тех десятиэтажках, где есть вода и свет? От меня несёт гниющим мусором, безумно чешется борода и затылок, плечи и ноги стёрты. Временами прихватывает спину, болят колени, но приходится плестись по неизвестной дороге, идущей в никуда. Я устал и не могу взять себя в руки.

Всё слишком сумрачно, когда со мной нет вас, мои родные. Вот снова смотрю на ваши лица, и они кажутся такими далёкими, словно из другой жизни. А ведь прошло всего четыре дня с тех пор, как нас запустили сюда. Иду по разбитой дороге и думаю о вас, мои хорошие. Ем пресную лапшу, давлюсь и мечтаю вернуться к вам. Так дурно мне не было никогда.

10 апреля 1993 г.

Дошли до школы. Чувствую себя отвратительно.

11 апреля 1993 г.

Вкус у старых карамельных конфет похож на старый кожаный сапог: где ходил, всё впитал.

Вид школы, разбросанных учебников и тетрадей, исписанных неумелыми, только подрастающими руками, сваленных в кучи столов и стульев, отклеившихся обоев, отодранных половиц привел меня в ужас. Когда-то, всего несколько лет назад, здесь ходили маленькие ноги, желающие только одного, – спокойно жить. А теперь здесь ходим мы, выброшенные за ненадобностью люди, у которых за плечами болезнь, судимость, старость. И больше здесь никогда не будет весёлого смеха ребятишек, гонящихся друг за дружкой, никто не окликнет сорванцов, чтобы они не бегали по коридорам, они не соберутся за школой покататься с горки, как бы случайно не пробегут мимо и не поцелуют одноклассницу. Вместо них остались голые стены, запылившиеся портреты, забытые на подоконнике кроссовки, карандаши, всё ещё ожидающие своих хозяев, поблёклые галстуки и пилотки. Что случилось с этими милыми детьми, чьи радостные, полные надежд и веры в себя, светящиеся глаза смотрят на меня? Живы ли они или кто-то оказался жертвой несчастного случая? Как им теперь там, на чужих местах, вокруг чужих, среди чужих?

Остановливались в доме напротив магазина, некогда вы-

крашенного в жёлто-синие цвета. Степан вернулся с пакетом слежавшейся соли и килограммами рисовой крупы. Олег и Иван Иваныч сготовили обед. Без хлеба тяжело. Из дома видна главная дорога, магазин, небольшая площадь с детскими качелями на углу, противоположная улица с высокими домами. Видели там людей, но не сунулись.

Солнце, кажется, теплеет с каждым днём, хотя ветер всё ещё холодный, зимний. Приходится надевать две рубашки, чтобы сильно не мёрзнуть. Хорошо, что полусапоги не подводят и не рвутся – у Олега разошёлся шов, и из дыры торчал шерстяной носок. Степан одолжил свои берцы, выданные в бараке.

На ночь решили остаться в этой же квартире. Я побродил по другим этажам, пока старики готовили ужин, приходили в себя. Немногие квартиры были заперты: где-то двери выломало, где-то слегка лишь покосило. Картины одна другой печальнее: оставленные вещи, мебель, украшения, даже деньги. На кровати лежат покрытые толстым слоем пыли мужские брюки и игрушка Чебурашки с оторванным ухом. В шкафу, за кучей верхней одежды, приставлены к стене лыжи, вместе с обувью сброшены коньки. Уже несколько лет не тронутые духи с красноватой этикеткой всё ещё стоят на том месте, куда их определила хозяйка; на дне оставалось немного капель, но они всё так же пахли пряностями. Вид измятой детской кроватки будил мою совесть, и перед глазами всплывал образ Пашука-младенца на руках Натальи. Мне

всё кажется, что я недостойно занимаю чье-то место, когда там, за воротами, у меня есть своё, любимое, дорогое. Но деваться некуда, и я иду в соседнюю квартиру.

В доме кое-где ещё текла вода и было электричество. Конечно, не везде жива сантехника и лампочки, но удивляет, почему не каждый дом обеспечен простыми благами. Помылись. Чувствую себя обновлённым и сбросившим пяток лет. Перед сном закусили печеньем с чаем.

12 апреля 1993 г.

Наверное, наши празднуют сегодня. Потому что даже мы смогли устроить себе небольшое пиршество. Олег сходил в магазин и вернулся с бутылками шампанского и вина. Пахли они странно, но на вкус были ничего.

Снова видели людей через дорогу. Почему-то их больше интересуют высокие дома, чем низкие. Предполагают устроить штабы по всей Зоне, такие штабы, чтобы было видно из любой точки.

Ещё на ночь остались здесь же. По квартирам больше не пошёл: заброшенность, облезлость, сиротливость этого места давили меня, и в груди иногда побаливало.

13 апреля 1993 г.

Олег посмеялся надо мной, что я записываю практически всё, что мы делаем или говорим. Свою тетрадь он давно сжёг, когда готовил еду. Я хотел его уколоть, но не нашёлся. Всё же думаю, что когда-нибудь это прочитают люди, оставшиеся там. Надеюсь, эти записки попадут к моим родным. Хотя в душе я понимаю, что ничего этого не произойдёт: власть не даст и волосу, случайно вылетевшему с Зоны, упасть за ворота.

14 апреля 1993 г.

Двинулись дальше. Шагающие мимо нас дома выглядят такими одинаковыми, словно между ними уже давно царит диктатура. На небольшой площади, далее от того места, где мы останавливались, стоит фонтан. Вокруг него – лавочки, свисающие ветки деревьев. Нашли аптеку: взяли бинтов, йода с зелёнкой, просроченных обезболивающих таблеток.

Похоронили неизвестного мужчину. Лежал на дороге, простреленный в голову и живот. Сначала копали руками снег. Потом Степан сообразил поискать в округе лопаты или что-то в этом роде. К полуночи, передавая друг другу две заржавевшие, погнутые лопаты, положили беднягу за кустами. Чтобы другие меньше видели нашу топорную стариковскую работу, завалили снегом и ветками.

Думал: писать не смогу. Руки трясутся, но ничего. Стекланные безжизненные глаза, прямо смотрящие в небо, всё ещё маячат в голове. Когда мы спускали его в яму – не поворачивается язык назвать то могилой – сквозь одежду чувствовался холод тела. Даже сейчас, пока я сижу в комнате, пальцы стынют от близкого дыхания смерти. Жалко бедолагу. Умер, как скотина, а об этом даже родственники не узнают. Неужели со всеми так будет? Это общая наша судьба?

Ночевали недалеко от места захоронения. Идти было уже поздно.

Впервые почувствовал, как болит всё тело. В ноги будто вставляли мелкие иголки до упора и медленно вытаскивали их, снова втыкали, ещё более яростно, и снова вытаскивали, ещё медленнее. При каждом вдохе рёбра стонали и плакали. От каждой буквы ноет рука, другая притворяется, что с ней всё в порядке, пока я ей не пошевелю. На щеках замерли слёзы.

15 апреля 1993 г.

Решили остаться на месте. Слишком непривычна была для нас, старых и уставших, такая тренировка. Я до сих пор чувствую, как тянет колено, как ноют пальцы и лоб покрывается испариной от увиденного. Мысль, что на месте безмянного мужчины мог быть любой: я или Иван Иванович, женщина или девушка, старик или юноша – выжимала из моего сердца последние прекрасные чувства и вселяла злобу на бандитов. Вот как работало подчинение. Вместе со злобой приходил страх, страх за собственную шкуру и за последний вдох, призрачный и никому не нужный.

Олег выглядит слишком бледным, но на вопросы о самочувствии отвечает, что всё хорошо. Степан молчалив и половину дня спал, лишь к вечеру вышел проверить соседние дома. Иван Иванович непривычно задумчив. Вчерашнее приключение сильно задело нас всех.

Перешли в другой дом, где ещё есть вода. Как мало, окисляется, нужно человеку. Мы помылись и сразу преобразились. Заиграли взгляды довольством и спокойствием. Чувствуется подъём духа. Олег с энтузиазмом приготовил рис с консервами. Даже набил соли, чтобы слегка одухотворить наш ужин. Пока что это лучшее, что мы ели за всё время пребывания здесь.

Мужики разошлись по комнатам. Я сижу на кухне, но на

этот раз при свече. Нашёл её в холодильнике, в одном из ящичков. Запасливые хозяйки всегда покупают несколько и расталкивают их по разным углам квартиры. Две свечи приберёг на потом: вдруг света не окажется. Из окна виднеется тёмно-синее небо, местами мелькают золотые звёзды. Здесь раньше жили такие же люди, как мы, как оставшиеся в десятиэтажках, как бандиты и как те, что остались за воротами. Они ведь так же радовались воде и свету, отоплению и газу. Они так же ходили в магазины и брали то, что им нужно. Они так же общались со своими домашними, просили их о чём-то, ходили к соседям, хоронили родственников, праздновали дни рождения. Они были такими же, как мы. Что с ними случилось? Кажется, их переселили в чужие дома, в чужие города, а может, и страны. Их судьба ничуть не лучше нашей. Но за что нам всё это? За чьи грехи мы расплачиваемся: за собственные, за грехи предков или за ошибки власти? Почему мы? Почему я?

16 апреля 1993 г.

Ходили со Степаном в магазин через дорогу на второй этаж. Странно видеть его почти нетронутым: больше половины полок заполнены алкоголем – только там, где должны были стоять самые изысканные и дорогие, было пусто – взяли на пробу. На других полках лежали пачки с сухим пайком, корм для животных, закуски к стеклянным бутылочкам, манящим томным отблеском. Взяли консерв и псевдолапшу, которую я уже не могу есть.

Иван Иваныч выглядит неважно: губы в безнадёге опустились, щёки теперь кажутся мягкими и обвисшими, глаза словно покрылись плёнкой. Печально и настораживающе. Олег всё так же молчит и, когда ничего не делает, кутается в куртку и одеяло, притворяясь замёрзшим. Пришлось нам со Степаном готовить обед из того, что нашли. Впервые осталось слишком много, чтобы выбрасывать.

После полудня отправились дальше. Шли по главной дороге, такой же измученной и всклокоченной, как наши души. Местами в ней пробиваются не просто тоненькие травинки, но уже целые лужайки, которые скоро зацветут. Интересно, когда здесь наступает лето?

Над головой стемнело, когда мы оказались недалеко от церкви. Небольшая, кирпичная, с тремя позолоченными куполами, с которых слезла почти вся краска, церквушка сто-

яла в деревьях, и мы бы не увидели её, если бы Степан не сверился с картой. Ночевать на дороге никто не желал. Олег и Иван Иванович отказались ужинать. Мы со Степаном разделили банку консерв, он закусил картонной лапшой, у меня же не хватило сил на это.

Я обошёл маленькую церковку: в ней ничего особенного. Изысканно расписанные иконы, вставленные в железные рамы, покрашенные под дорогие металлы, смотрят на меня со всех сторон. Только что под ногами их нет, но и то нет-нет да и промелькнут в отражении пара карих глаз, с пониманием и укоризной глядящих сверху. Канделябры опустели, почернели от скуки, вокруг, брошенные, лежат свечки, некогда поставленные во здравие или за упокой. Помолитесь за нас, люди, оставшиеся там. Поднял свечки и еле зажѐг их. Только три горели долго, ярко. На секунду показалось, что в церкви снова много прихожан, склоняющих голову перед иконами, шепчущих молитвы, прикладывающих пальцы ко лбу и животу. Желание перекреститься отбил Олег, когда заметил, что я слишком внимательно смотрю на икону Божьей Матери.

– Псалтырь зачитай, – сказал он, и мне стало обидно.

Даже если сверху сказали, что веры нет, а есть власть и ничего, кроме власти, это не значит, что человек тут же, мгновенно и навсегда, прекратит верить во что-то. Необязательно верить в Иисуса Христа или Аллаха, это всё те же идолы, только более прилизанные и продаются лучше. Человек мо-

жет верить во что угодно, главное, чтобы эта вера приносила ему успокоение и внутреннее счастье. И, может, моя молитва, если бы её не спугнул Олег, была бы самой искренней, самой чистой моей молитвой, здесь, в этом Богом забытом уголке мира.

17 апреля 1993 г.

Утром вышли на голодный желудок. Добре́ли до последних домов, точнее, до последних построек. Голые стены, пустые отверстия для окон, кое-где даже крышу поставить не успели, а провести воду – тем более. За домами и далее до линии горизонта тянется хвойный лес, тёмно-зелёный, трясущийся от порывов ветра и гулко поющий. Повернули на запад.

Тонкая тропинка увела нас в посёлок. Деревянные домики, крашенные и сломанные, стоят по краям петляющей автодороги и следуют за ней прямо за гору и к озеру, вытянувшись в форме неправильного сердца. Мы остались сидеть в баре-магазине, где насилу перекусили. Подобраться к воде нам не удалось: счётчики начинали так трещать, что мутилась голова. Степан отправился на гору, чтобы осмотреть местность.

На складе нашёл твёрдые соль и сахар, консервированные огурцы с помидорами, салаты, банки с заплесневевшим вареньем и соками. По всему складу разносился смрадный запах гниения.

Олег сегодня кажется живее, чем раньше: шутит и постоянно сыплет своими «ё-моё» и «ёлки-палки»; а Иван Иванович, видно, совсем погрузился в себя: на вопросы отвечает угрюмо, чуть ли не отмахивается. Мне не нравится такое по-

ложение дел. Я не готов к тому, чтобы хоронить своих.

Степан вернулся через два часа и сообщил, что на горе всё безопасно и по сторону есть домики с водой.

– Давайте разделимся, – вдруг предложил Иван Иванович.

Мы долго смотрели на него, пока он снова не заговорил. Я совсем не готов. Не готов отпускать людей, которые шли со мной рука об руку последние дни, страдали наравне со мной. Не готов.

– Мы поднимемся туда, и каждый пойдёт в свою сторону.

– Но мы обошли ещё не весь город, ё-моё! – возразил Олег слабым голосом, полным недовольствия.

– Я знаю. А также я знаю, что мы держимся друг за друга, хотя могли бы идти по одиночке.

– Разве мы все не согласились идти вперёд и не разделяться? – во мне клокотало непонимание и неприятие такого безрассудного предложения.

– Мы согласились, потому что не знали, что ждёт нас здесь. А теперь мы кое-что уже посмотрели, узнали, что тут всё-таки есть еда, можно найти воду и свет. Поэтому мы можем разойтись, чтобы не быть друг другу в тягость, – устало проговорил Иван Иванович. – Я предлагаю это не ради себя, хоть я и вымотался, и чувствую, что мне становится хуже; я предлагаю это ради вас, чтобы потом мы не ссорились и не вешали на другого вину.

– Это звучит неумно.

Как бы сильно я ни уважал Ивана Ивановича и ни восхи-

щался его мудростью, в тот момент я хотел ударить его.

– Пусть так. Но мне кажется, что это будет хорошим решением.

– Решением для чего? – спросил Олег, поднимаясь.

– Решением для нормальной жизни здесь. Поймите, чтобы тут продолжалась жизнь, мы не можем так кочевать по дорогам день и ночь: нам надо осесть. И осесть надо всем в разных местах, чтобы люди, которые бы приходили к нам, оставались с нами навсегда или временно.

– Не понял. Ты предлагаешь организовать колонии что ли? – взбесился Олег. – Ёлки-палки, ты хоть понимаешь, о чём говоришь?

– Я говорю не про колонии, но про лагеря, куда будут приходить такие же, как мы. И мы им всё расскажем: где найти еду, воду и свет...

– Для этого и надо обойти всю территорию, – прервал его Степан.

– Я больше не могу... идти так далеко, – выдохнул Иван Иваныч и закрыл глаза. – Хочу осесть и тихо умереть через двадцать лет.

– Ты хочешь, чтобы мы разделились, а ты остался здесь?

– Да.

– Надеюсь, ты очень хорошо осознаёшь, что делаешь.

– Саныч, – последнее время Иван Иваныч только так называл Степана, – я бы молчал, если бы не осознавал. Если мы не хотим потерять людей, которые пришли с нами и которые

придут потом, нам надо сделать хоть что-то. Витя Первый, или как его там, не остановится, пока не подгрёбёт под себя всю Зону. А мы, мы – свободные люди, решили, что в Зоне власти нет! И надо, – он закашлялся, его глаза заслезились, – надо... защитить людей от жестокости.

– Почему ты так надеешься на нас? – спросил я.

– Вы единственные, с кем я общался здесь долгое время, и я видел, на что каждый из вас способен. В конце концов... вы же не такие старые пердуны, как я.

В магазине послышались неуверенные смешки. Мысль о разделении нашей маленькой компании врезалась в меня, как грузовик в фонарный столб, и взбурлила во мне непонимание и неповиновение. Мне думалось, что эти мужики, с которыми я каждый день хожу бок о бок и сплю нос к затылку, ничуть не близки мне, и в любой момент я смогу помахать им рукой. Но теперь, когда Иван Иваныч выпалил своё предложение, мне было тяжело и неприятно. Словно он прочитал мои мысли и озвучил их, чтобы мужики тыкали в меня пальцами и плевали под ноги.

– Подумайте до завтра. А пока пойдёмте к цивилизации.

Его ранее прямая и широкая спина стала круглой и щуплой. Внутри меня сжалось комом и дрожало от необходимости принятия решения. Остальные тоже выглядели задумчивыми, даже погружёнными в одну-единственную мысль. Разделиться – шутка ли.

18 апреля 1993 г.

Не спится. Я всё думаю и думаю о предложении Ивана Иваныча. Мне не представляется, как я буду в одиночку продолжать путь, как буду искать место для сна, для еды, как буду готовить только для себя, как буду говорить только с самим собой, как буду ночами писать о прошедших днях, зажигая свечи. От такого становится дурно и одиноко. Что бы ни сказали остальные, я буду голосовать против.

Олег плохо спал всю ночь и встал за час до рассвета. Он зашёл в комнату, где я должен был спать со Степаном, но, не найдя меня, продвинулся на кухню. Домик небольшой: всего две комнаты, кухня, предбанник и кладовая. Для одного это может быть хорошим жильём. В темноте мы ещё разглядели огород, поросший сорняками, сарай, покосившийся от старости или запустения. Олег тоже выказывает желание остаться здесь, но не думаю, что Иван Иваныч согласится на такое. Я бы не решился останавливаться рядом с водоёмом, от приближения к которому трещит счётчик. Хотя в городе такие места тоже есть: впереди вроде ничего нет, но треск из кармана всё равно раздаётся. Быть может, они решили, что мы сойдём с ума, когда услышим этот звук, и переубиваем друг друга к чёртовой матери.

Когда за столом все собрались, над лесом поднялось солнце. Утренние лучи легли на сонную хвою и покрасили её в

радостный яблочный цвет. Внутри стало хорошо, и я поймал себя на мысли, что тоже хочу остаться здесь. Пейзаж напомнил мне о детских временах, когда я, мелкий, вставал чуть рань и бежал на речку – нет, не чтобы позлить только что проснувшуюся бабушку. Мне нравилось смотреть, как утром неторопливо бежит река, словно никто и никогда не купался в ней, будто ни за что по ней не пускали кораблики и в неё не кидали камешки. Нравилось возвращаться домой и нести на коже тёплый запах утренней речки, болтать бабушке про чудесные драгоценности, которыми будто бы были камешки невообразимых цветов и размеров; нравилось слышать её доброе ворчание и подначивания, чтобы я ел её горячие оладушки, пахнувшие молоком. И вот здесь, в таком месте, на горе и в брошенном доме я вижу то, что видел там, за воротами. Чудесна ли эта земля или меня околдовали? Почему именно тут я вспоминаю то, что не вспомнил бы ещё за тысячу лет?

Восточный склон горы осветился, и мелкие капельки на траве, на иголках заискрились. Нет, здесь всё не такое, как там. Но и здесь можно жить человеку, и здесь можно любить землю, если понимать её. Мы же, ещё пока чужие и посторонние, совсем-совсем её не знаем, но чего-то уже требуем от неё. Наверное, человеку будет мало, даже если ему предложат всё.

Иван Иваныч отверг наше предложение поселиться всем здесь.

– ... Дурни, вы чего? Я остаюсь здесь, потому что устал и больше не могу продолжать путь, – он слабо посмеялся. – А вы идите себе подобру-поздорову, тоже осядьте где-нибудь.

– Эвона как. И что нам делать, пока мы так осядаем? – спросил Олег.

– Как чего? Людей встречайте, рассказывайте им, где и что есть, кто и где живёт...

– Так, я понял. Ты тоже навязываешь нам свою волю. Хрен тебе, понял? – вспылил тот. – Предлагаю тебе, – толстым пальцем Олег показал на Ивана Ивановича, – остаться тут и куковать до конца своих дней, а мы сами как-нибудь позаботимся о себе. Пойдём дальше осматривать Зону, может, и осядем где-то, но уже после того, как двинуть кони.

– Нет, ты не понял. Мы привязаны друг к другу, а потому не можем повести за собой других.

– «Повести»? Я не ослышался? Ты что, как тот Витя, что ли? Подменяешь одно другим?

– Я не это имел в виду. Если мы разделимся, то так вероятность будет больше, что люди будут защищены от власти того бандита.

– Ёлки-палки, ты всё равно навязываешь нам свою волю, – подытожил Олег, отворачиваясь к окну.

– Это всего лишь предложение, и вы в праве отказаться от него.

– Отлично, – он хлопнул по столу, – я отказываюсь.

– И я, – быстро подхватил я.

Степан молчал.

– Тогда что же вы будете делать после того, как уйдёте отсюда?

– Грабить и насиловать, – резко ответил Олег. – Ё-моё, мы ещё так мало увидели здесь, что я не вижу смысла основывать лагерь для кого-то. Да и когда они соизволят отправить кого-нибудь – мы не знаем. Мы ничего не знаем.

– Не для «кого-нибудь», а для таких же, как мы.

– Ты думаешь, они так и ждут, когда мы придём и сядем в ожидании их голодных, грязных лиц? Да ёлки-палки, они уже давно всё организовали сами – для этого не нужны мы. Как думаете, почему кто-то остался в тех десятиэтажках, а кто-то, как мы, как те бандиты, двинулись куда-то? Это всё сидит в человеке, и потому кто-то испугался перед участью быть запертым в четырёх стенах, но другие побороли этот страх и пошли исследовать эти четыре стены.

– Тогда почему именно мы двинулись?

– Мы... наверное, просто сумасшедшие, – выдохнул Степан.

– Называй вещи своими именами – пизданутые. Мы могли с тем же успехом остаться там, каждый день при воде и еде, но нет, мы попёрли в другую часть Зоны, и ещё не факт, что уйдём отсюда живыми. Но вот нахрена мы попёрли – этого я не понимаю.

– Ладно, – Иван Иваныч сдался, опуская голову. – Всё равно это ничто не изменит. Кто-то должен организовать эти

лагеря...

– Зачем? Чтобы захватывать власть?

– Для чего тебе власть? Это всего лишь идол неуверенных в себе людей. Ты же сам говорил, что в Зоне власти нет, и все в это поверили. Но теперь нужно не утвердить её, как пытаются сделать Витя-бандит, а до конца рассеять, что я пытался сделать там, на вокзале, но... испугался.

– Вера в свободу? – хмыкнул Олег.

– Она самая. Потому что люди, столько лет прячущиеся в собственных раковинах, совсем её не знают.

– Звучит как-то по-христиански.

– Не подменяй одно другим.

Они замолчали. Все смотрели в окно, где белый, яркий диск солнца поднялся над посёлком и заиграл лучами по крышам.

– А я, наверное, пойду своей дорогой, – произнёс Степан.

– Почему?

– Красиво здесь, а любоваться этой красотой с вами я не могу.

– Экий ты, буддист, – ехидно бросил Олег, цокнув.

– Я не буддист, но это неважно. Раз так вышло, что нас заперли здесь, я бы хотел потратить своё время по собственному усмотрению.

– Буддист-буддист. Да ладно тебе, иди на все пятьсот дорог, – он радушно хлопнул Степана по плечу.

– Заберите только от меня это чудовище, иначе я с ним в

одиначку не засну, – он протянул автомат и патроны.

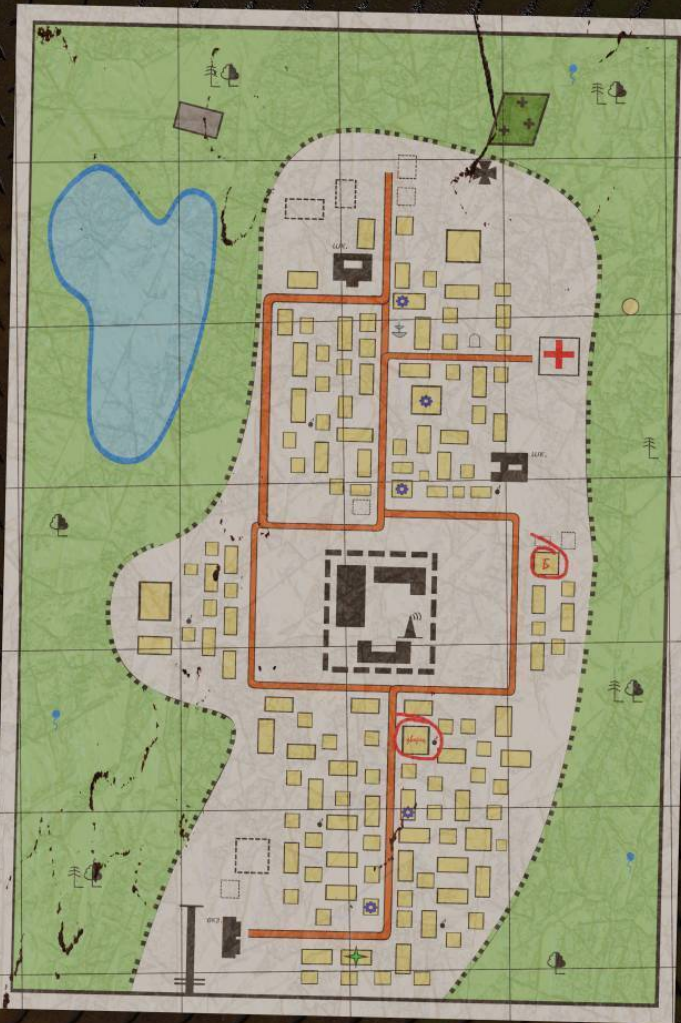
Олег засмеялся.

– А как же волки, медведи?

– Не думаю, что они здесь водятся. В крайнем случае залезу на дерево.

– Во даёт. Как говорится, парень ты не промах. Я буду спокоен за тебя.

Автомат я взял себе, поэтому пришлось часть провианта дать Олегу, чтобы не загнуться под рюкзаком. Иван Иванович приготовил нам гречки с тушёнкой, заварил чай чудовищным образом – в самоваре. Распрощались сытые, не держащие ни на кого зла, горящие разными целями. Степан двинулся за гору, в лес. Мы с Олегом направились по южной объездной дороге.

19 апреля 1993 г.

Объездная дорога с левой стороны огорожена лесом, за ним проглядывают дома, мимо которых мы шли ранее. По левую руку блестит тающий лёд озера. Оно, словно неправильная раковина, растянулось с севера на юг. Потом дорога делится на две: половинка уходит в лес, другая – к городу. Мы двигались по объездной и вышли на главную дорогу, по которой проходили ранее из другой части города. Ненадолго остановились в том же большом магазине, где уже были. Непривычно и одиноко смотреть на те места, давно пройденные, но вместе с дорогими людьми. Теперь я могу их назвать по-настоящему дорогими.

Олег всё время пытается шутить и рассказывать небывлицы. Меня хватило ненадолго поддерживать такой тон. К вечеру и он сдался.

Решили переночевать здесь, в тепле, рядом с едой и относительным комфортом. Я бросил матрац в углу, недалеко от полок с хлебом, здесь не дуло и не так явно был слышен запах протухшей еды. На секунду подумал о Степане, у которого не было ни матраца, ни одеяла, только рюкзак и он сам. Вздыхнул об Иване Ивановиче и утешил себя тем, что наконец старик получил бесплатный загородный дом с огородом. Теперь он может расслабиться. Олег улёгся на свою половину, оставив мне краешек одеяла, и тут же заснул.

Мне не дают покоя слова Ивана Ивановича о защите людей от бандитов. Неправильно называть их так, но ничего не могу поделать с собой: лицо Вити Первого не внушает мне доверия. Конечно, кто-то должен взять на себя большую долю ответственности и всё же создать лагерь, где бы люди могли полноценно жить и чувствовать себя в безопасности, где бы они смогли не просто есть и спать, но, если нужно и если это ещё возможно, образовывать пары и семьи. Но кто может взвалить на свои плечи такую ношу? А что, если кто-то уже сделал это? Мы не встречали людей, которые могли бы рассказать нам новости из другой части Зоны. И нужны ли вообще такие лагеря? Что, если задумка была иной и нам просто нужно умереть здесь? Внутри меня всё горит и шумит. Я был бы готов взять на себя ответственность, но я не уверен, что смогу, что смогу и доведу дело до конца. Что люди пойдут за мной. Кто-то всё же должен...

20 апреля 1993 г.

Странное чувство – готовить завтрак на двоих. Олег ещё спал, когда я закусывал перловку хрустящими хлебцами. За нами больше некому наблюдать, поэтому и не перед кем чувствовать себя виноватым. Может, то, что я испытывал к Ивану Ивановичу было вовсе не уважение, а страх? обыкновенный детский страх перед взрослым?

Мы собирались уходить, как только в магазин зашла женщина. Её странно вытянутая голова, бледные губы просили у меня жалости. Она теребила верёвки, свисающие из рюкзака, и смотрела на нас большими серыми глазами, которые, казалось, ещё секунда – и заполнятся слезами.

– Здравствуйте, – проговорила она.

– Здравствуйте, – ответил я, пребывая в неменьшем одеревенении, чем она. Необыкновенным было слышать чужой голос, такой не похожий на мужской.

– Вам повезло: здесь ещё много чего осталось, – задорно сказал Олег.

– Спасибо, это будет кстати.

Думалось, что передо мной внеземное существо, сброшенное в эту дыру по какой-нибудь глупой ошибке. Женщина была одна, одета легко, с виду не вооружена, а её робкие оленьи глаза просили о помощи.

– Извините, – обратилась она, – вы не знаете, где здесь

ближайшее место с водой? Я шла-то из другой части и немного устала.

Олег попросил раскрыть её карту и, улыбаясь, отметил ей дом.

– Вы так много успели обойти! – удивлённо сказала женщина. – А я пока просидела там у вокзала, ничего толком-то и не видела.

– Зачем же Вы сюда шли?

– Тут, сказали, уровень загрязнения меньше и чистого воздуха больше.

– Что верно, то верно. Только у озера счётчик всё равно трещит.

– Я у воды жить не буду, – она слегка улыбнулась, – своё уже отплавала. Сяду в уголке в какой-то-нибудь комнате и засну.

– А Вы... почему сюда попали? – осторожно спросил я, желая успокоить своё любопытство.

– Это слишком странная и долгая история.

Мы снова разложили матрац в углу магазина, приготовили на троих макароны с тушёнкой, и она, сидя на маленьком раскладном стуле, рассказала свою историю.

– Никогда бы не подумала, что после продолжительного лечения рака за границей буду упечена за железные-то ворота и выброшена, как использованный платок. У меня уже началась ремиссия, когда дочка прислала письмо, что что-то не в порядке с нашей документацией на недвижимость и авто-

мобиль, – говорила она, махая в воздухе ложкой. – Она могла бы сама всё сделать, но проблема-то в том, что всё оформлено на меня, и только моя рука должна подписать бумаги. Отправлять почтой они не захотели: вроде как, забоялись, что где-то что-то потеряется, – она медленно пожевала. – Это сейчас мне понятно, что они под любыми предлогами хотели выманить меня. А тогда-то я и не подозревала ни о чём; знаете, прямо помутнение в голове. Веришь их чистым, лживым глазам, а сам идёшь прямо в капкан и сделать ничего не можешь, – женщина вздохнула. – Вот мне и пришлось вернуться домой, дав подписку о возвращении. А тут мне и опомниться-то не дали, как я уже оказалась в какой-то больнице на краю земли, а потом и за воротами, как преступница.

– Значит, Вас тоже насильно затолкали сюда?

– Конечно, насильно. Думаете, кто-то будет соглашаться на такое?

– Как же так? Почему меня никто не заталкивал в чёрные автомобили и никто не вламывался в мою квартиру? – хмыкнул Олег.

– Может, Вы слишком уважаемое лицо? – спросила она, пожимая плечами.

– Да какой! Всю жизнь баранку кручу: я с 52-ого года на троллейбусах, а с 83-его, как мы с женой развелись, и на таксах по ночам да по выходным. Мне до министров далеко, ё-моё, – вздохнул он, глядя в тарелку.

– Всякое бывает. А вот Вы вспомните, наверняка подпи-

сали бумагу-то, где мелкими буквами внизу говорилось, что согласны на госпитализацию в любом состоянии ума и духа.

– Ничего такого не было. Медосмотр прошёл, докторица штемпеля поставила и дала расписаться... – задумчиво ответил он и тут же погрузнел.

– Идолы и изверги затолкали нас туда, где нам-то и не место, – с некоторой злостью проговорила женщина. – Самое ужасное, что мы с вами – не последние, кого постигла та же участь.

– Это да. А как Вы думаете, можно было бы людям здесь жить? – поинтересовался я, стараясь не смотреть в её глаза.

– «Жить»? Пожалуй-то, можно. Если бы нас так не запикивали сюда, то можно было бы и жить, – пожалала она плечами. – Неужели Вам нравится здесь?

– Нас о том никто не спрашивал, когда закрывали ворота. Но раз мы здесь, то всё, что остаётся, – это сделать Зону годным для жизни местом.

– О, ёлки-палки, и ты туда же? – вспыхнул Олег, цокая.

– О чём это вы?

– Да так. Мы до этого ещё с двумя ходили, так вот один задвигал, что, мол, надо в людей вселять веру в лучшее, – оскаливаясь говорил он.

– Хорошая мысль-то, но трудноосуществимая. Как утопия.

– Утопия, точно! – Олег засверкал глазами от счастливого чувства метко подобранного слова. – Все же разные, и все

здесь свободные.

– Мы-то? свободные? – женщина странно хихикнула. – Вы глубоко заблуждаетесь. В любом коллективе, в любом стаде, в любом косяке всегда найдётся вожак, который-то и ведёт его.

– В «стаде»? Ох, ёлки-палки. Да, мы стадо, но без пастуха, – он гордо выпятил грудь, словно защищал свою идею на поле философского боя.

– Стадо же без пастуха разбежится и превратится в волков. А дальше-то, думаю, Вы понимаете, что случится.

– Нет, честно говоря, не очень.

– Волки-то – коллективные существа, как, впрочем, и люди, а потому у них есть вожаки и, так скажем, челядь. Не может быть-то такого, что в стае из 50 волков все 50 – вожаки. Это уже не вожаки, а безмозглые самодуры, оказавшиеся же без собственной челяди. И они скорее загрызут друг друга-то, чем устроят мирные переговоры.

Она жевала макароны, остывшие от нашей долгой беседы. Острые скулы двигались, словно тяжёлые жернова. Впалые щёки, серые усталые веки, костлявые пальцы, обхватывающие ложку, – всё в этой женщине казалось живым воплощением нашей жизни. Будто с огромной, величавой Родины-Матери содрали платье, каменные мускулы, горящее пламенем свободы сердце вырвали из груди, а меч согнули в баранку; и бедную женщину, мучающуюся за наши, неизвестные даже нам грехи, бросили в глухую яму. Наверное,

к такой незамысловатой, безвкусной, нежирной еде она привыкнет ещё не скоро.

– Что ж, вполне логично, – сдался Олег, кивая.

– Это не логика, а закон природы. Потому-то жить здесь можно, но не в полной свободе, как Вы говорите.

– А как же тогда?

– Конечно, под чьим-то строгим надзором, под чьими-то знамёнами, – она улыбнулась, проглотив ещё ложку сурового мужского обеда. – Людям, несмотря ни на что, надо во что-то верить.

– Вера в свободу? – вопрос Олега разнёсся по пустому магазину и повис на потолке, некогда отражавшем сотни голов покупающих еду людей.

– Свободы нет, не дурите людям головы-то, – хихикнула женщина.

– А как же там, на вокзале, неужели никто не поверил в речь Ивана Ивановича? – досада распирала меня, и хотелось, чтобы наша собеседница хоть немного оправдала то, во что я верю.

– Кто-то поверил, но не все. Верить незнакомому человеку-то невозможно.

– Но ведь все же пошли за ним!

– Они пошли от безысходности – это совсем другое. Теперь, когда каждый-то из заброшенных сюда определился с тем, чем он будет заниматься здесь, как распорядится данной-то землёй, люди пойдут только за тем, кто будет им бли-

же всего. Вы дадите им воду, и они будут до конца дней целовать Ваши-то пятки. Или дайте им еды, и они станут вашими псами – всё просто. Главное, не только получать-то, но и одаривать.

– Неужели все определились?

– Ну, может, и не все... – задумалась она. – Но многие-то точно.

– И где же теперь все люди?

– Кто-то до сих пор уходит не дальше вокзала или первых домов, кто-то прошёл на север, – она снова пожала плечами. – Бессмысленный вопрос. Люди-то давно уже разошлись по разным углам, хотя не все ещё нашли землю своей мечты.

– А если её здесь нет?

– Такого не может быть, – прыснула она, утирая уголки губ. – Хороший вожак-то убедил бы, что всё, что есть здесь, и есть-то мечта жизни.

– А плохой?

– Плохой не знал бы, что такое мечта.

Женщина назвала себя Лысой, отказавшись произносить своё настоящее имя. Сняв шапку, она продемонстрировала нам белую сверкающую голову и по-детски похлопала по затылку. Вечером мы бродили по магазину, выбросили всю протухшую еду в мусорные контейнеры, и без того заполненные всяким хламом. Поджечь не решились, хотя глаза Олега очень просили огня.

Легли на матрац, разложив вокруг него смятые коробки.

Твёрдо, но спать можно. Перед сном Лысая сказала:

– Ты-то похож на Оленя, – обратилась она к Олегу, – такой же быстрый и неуловимый. А ты, – она повернула голову ко мне, – на Медведя-то. Такой же одинокий и задумчивый. «Мишка-медведь, где твоя Большая Медведица?» – тихо пропела она, ложась на бок.

21 апреля 1993 г.

Проводили Лысую до того дома, где сами недавно ночевали, что стоит напротив жёлто-синего магазина на площади. Она поблагодарила нас и грустным взглядом, унылым махом ладони попрощалась с балкона. Наверное, это нелегко постоянно чувствовать, что изнутри грызёт неумолчная болезнь. Поэтому я не предложил ей продолжить путь с нами. Да и всё-таки женщина.

Вернулись с Олегом на объездную дорогу и двинулись в другую сторону от развилки, к лесу. На пути стояла вереница машин, маленьких и больших, проржавевших насквозь и слегка облупившихся. Дороги в городе тоже усеяны автомобилями, но их будто сдвинули, припрятали, специально расчистив проходы; здесь же они стоят так, как их покинули хозяева, нос к задку, в ожидании движения. В середине вереницы несколько машин сжались друг в друга, а далее очередь делилась на тех, кто старался успеть уехать из города, и на тех, кто думал, что северный выезд не такой проблемный. Около машин счётчик начинал неистово трещать, и я не отважился даже заглянуть в них, хотя Олегу явно это хотелось.

– Как думаешь, есть ли здесь хоть один костюм от излучения? – спросил он.

– Этот город слишком непонятный: не военный, не мирный...

– Почему «не мирный»?

– А откуда бандиты достали столько оружия?

– Так в бараке же выдавали тем, кто хотя бы его просто умеет держать, – прыснул Олег, поправляя на спине рюкзак.

– Но не каждому же второму.

– Ё-моё, твоя правда. Наверное, просто стоит поискать.

– Слушай, мы и половину города не обошли: шатаемся по дорогам и ничего толком не видим, – зло проговорил я. На секунду мне стало обидно, что человек, который в самом начале кричал за свободу, тащится прямо по дорогам и боится ступить мимо.

– А что ты предлагаешь? – Олег кинул камень в дверь некогда бывшей малиновой «Волги», с душераздирающим скрипом она приоткрылась и, покачавшись, замерла.

На сидении лежала багажная сумка, людей не было. У меня засвербело в носу.

– Предлагаю... предлагаю разделиться.

– «Разделиться»? Ёлки-палки... и куда же ты пойдёшь?

– Куда-нибудь, – нехотя ответил я. Что ему за дело, куда я направлюсь, если нам не по пути?

– Вернёшься к Иванычу и будешь сажать с ним морковь? – он сплюнул в грязный снег. – Вот только он тебя и за дверь не пустит. За Степаном тебе не угнаться: давно в горах свистит. Куда ты двинешься, а, одинокий Медведь?

– Куда надо, туда и двинусь, беспечный Олень.

Олег сбросил с плеча рюкзак, выложил матрац и протянул

ладонь в ожидании его доли обеда. Прицепив матрац, я отдал ему консервов и не-лапши. Когда говорить стало не о чем, он снова сплюнул и пошёл рядом с дорогой, полной брошенных машин.

Пишу, сидя в магазине, где мы ночевали вчера. Чувствую себя предателем, но утешаюсь тем, что наконец я достиг той самой свободы, о которой Иваныч говорил всем на вокзале. Как же так случилось, что я сказал то, чего совсем не хотел говорить? Или хотел, но только боялся? Что случилось, то случилось; сейчас это уже не так важно, как то, что я остался один и у меня нет цели двигаться вперёд.

22 апреля 1993 г.

Утро для меня почти не наступало: я просидел на матрасе всю ночь, прижимая к себе автомат. Внутренне я всё ещё продолжаю винить себя в такой скороспелости и опрометчивости. Не стоило так грубо отвечать Олегу – мы не враги. Теперь он, наверное, злится, что я забрал всё: и спальное место, и оружие, и еду. Ничего, в городе полно магазинов, он выкрутится.

Наскоро поев, я собрал вещи и отправился на восток, к горе. За жилыми домами стоит школа танкообразного плана: к прямоугольному корпусу добавлены две пристройки, делающие его похожим на военного бога. За школой развернулся лес, всё ещё полный нетронутого снега. Странно видеть такие же деревья с голыми ветками, такие же панельные и кирпичные дома, выкрашенные в одинаковые цвета, такие же детские площадки, с ржавыми слонами, с погнутыми кругами, с некогда крашенными шинами, здесь, в этом городе, далёком от родных мест. Здесь всё такое же, похожее, почти знакомое, но совсем чужое. Снег скрипел под топорными сапогами, приветствуя первого человека за столько лет. Он отзывался на все лады – от грустного до радостного – и пытался что-то рассказывать на своём языке. Стало хорошо. Я давно не гулял по лесу, весеннему лесу, ждущему своего момента цветения, но ещё полному зимнего настро-

ния. Вдыхая свежий воздух, удивлялся, как же здесь, в этом проклятом городе, может быть замечательно.

Посидел на снегу, замочив матрац.

Чуть после полудня добрался до садов. Заросшие участки, огороженные разными заборами – на любой цвет и размер, полные снега и грязи в местах, где чаще всего появляется солнце, стоят в несколько рядов и ждут возвращения натруженных рук. Зашёл в первый попавшийся домик, зелёный с желтоватой крышей, сварил на маленькой печке риса с тушёнкой, забыл посолить, ел так, в тишине и с внутренним спокойствием.

Обошёл все дачи, нигде не оказалось воды. Только садовые баки стояли полные льда и снега, которые к лету отойдут. Возможно, здесь хорошая земля, раз тут разбиты участки, и когда-нибудь в домах снова заселятся люди, вскопают почву, найдут старые семена и посадят их, а через несколько месяцев снимут небольшой урожай, будто герои «Таинственного острова». Им и не снилось, что случилось с нами.

Торопиться было некуда, поэтому я вернулся в тот зелёно-жёлтый дом, улёгся на кровать и ещё долго разглядывал фотографию. Два улыбающихся любимых лица смотрели на меня, но не произносили ни слова, будто боялись, что они или даже я исчезнем и наша связь порвётся навечно. Милые мои, мы всегда будем вместе, пусть и на разных концах планеты. Ничего не бойтесь, никому не говорите, что боитесь, ни о чём не просите. Ни вы, ни я не виноваты в том, что так

случилось, что я лежу на чужой постели, пишу о том, что совершенно далеко для вас, и думаю о вашей судьбе. Мы ничего не сделали плохого, на наших плечах нет вины, нет ответственности за чужие жизни, нет ноющей совести о будущем. Но если этого нет у нас, то этого подавно нет и у них. Я не кидаю камни в чужие огороды, и я не призываю вас к этому. Наверное, у них есть высшие планы, для которых мы – средство. Правда, эта мысль всё чаще появляется в голове, и из-за неё просыпаются гнев и обида. Вот она, жажда свободы. Нас привели сюда и сказали: «Сидеть!» Мы покорно пришли и сели, но как долго мы будем сидеть – того не знает никто. Лысая сказала, что люди уже разбрелись по местам, значит, люди перестали сидеть. Они ищут место для жизни. Для той короткой жизни, которая была прервана там и продолжена здесь, которая ещё, может быть, порадует или больше огорчит. Мои дорогие, мы всегда будем вместе: вы – в моем сердце и на этом оставшемся кусочке бумаге из того мира.

23 апреля 1993 г.

Оказалось, что недалеко от этого сада, если пройти дальше на север, организован ещё один сад. Я обошёл его кругом, ничего примечательного мне не встретилось и спустился с горы, обратно в город. Думалось, что с возвышенности будет хороша видна низина, но всё обман: лес, даже зимой, настолько густой, что ни сквозь него, ни над ним не видно, что же творится внизу; только крыши однообразных домов и верхушки деревьев торчат. Вышел прямо к тем высоким домам, что прекрасно просматривались с нашего недавнего убежища, где сейчас должна была находиться Лысая. Побродил вокруг в страхе, что снова замечу тут бандитов, но устал и заглянул в первый же подъезд. Повезло, что на втором этаже была вода: умылся, переоделся, с пустым ещё со вчерашнего вечера желудком постирал вещи, приготовил обед и наелся до отвала. Запасов становилось не очень много, но внутреннее чутьё говорило мне, что их стоит попридержать и не использовать, пока сильно не пришибёт. В ожидании, когда высохнет бельё, я улёгся спать.

Часа через два, а может, и три, на лестничной клетке раздались голоса. Я сразу понял, что бандиты вернулись в своё логово: облюбованное место пусто не бывает. Их тяжёлые ноги стучали по ступеням, их громкие вопли эхом отражались от голых стен коридоров. Временами они передёргива-

ли затворами и гоготали, что мне становилось страшно. За те минуты, что они поднимались в своё гнездо, я думал, что растворюсь в собственном страхе, оставив после себя только лужицу. Я жалел, что распрощался с Олегом – хоть какая-то защита; я жалел, что дал Иванычу нас так легко выпинать из своего убежища – мы могли бы жить там вчетвером; я жалел и едва не плакал, потому что над моей головой живут бандиты – пах! – и нет меня.

Когда все звуки стихли, я очнулся под одеялом, мокрый, горячий, словно после болезни. Сильное желание бежать отсюда толкало меня, но я усадил себя на кровать и заставил подождать: вещи всё равно ещё не высохли. Чёрт меня дёрнул выстираться, будто я и без этого не смог бы прожить. Глядя в окно на соседний дом, я считал себя уже мертвецом. Если бандиты решат осмотреть каждую квартиру, они наверняка посчитают меня шпионом или кем-то в этом роде, хоть я таким и не являюсь. Какой шпион? Будут допытываться, что я тут делаю и почему именно сейчас, когда они тоже пришли в этот дом. Что я им скажу? Что пришёл постирать одежду? Они разбираться не станут: дуло в лоб, и всё, готов.

Немного погодя, когда лестничная клетка всё ещё молчала, когда бельё почти высохло, я собрал рюкзак и вышел из квартиры. Никто за мной не гнался, никто не тыкал мне в спину стволом, никто не увещевал меня во лжи. Насколько мог тихо, я покинул дом и, проходя близко к стенам, чтобы сверху меня не заметили, спрятался за соседним зданием. С

успокоившимся сердцем спустился к площади магазина, набрал немного еды, пересёк пустынную дорогу и постучался в уже знакомую дверь.

– Кто? – спросил удивлённый голос.

– Ээ... – я совсем забыл, что мы с Олегом не представлялись ей, и сказал: Медведь.

– А, – она тут же распахнула дверь и, улыбнувшись, добавила: – Входите.

В этой двухкомнатной квартире было довольно чисто, чем там, где мы бывали до сих пор. Наверное, Лысая уже успела привести её в порядок, подготовить к постоянной жизни. Она пригласила меня на кухню, закрыв проход в одну из комнат, поставила чайник и села рядом со мной за овальный стол.

– Что-то случилось? Олень-то ускакал от тебя? – снова улынулась она. Её тонкие губы, казалось, никогда не показывают её прекрасной, искренней улыбки, полной и завершённой; она скорее похожа на неосторожный мазок юного художника.

– Нет, я сам ушёл от него.

– Понятно, этого-то я и боялась.

– Почему?

– Тебе удобнее идти с кем-то, чем одному: одиночество-то не так заедает, верно?

– Не знаю, ещё только день прошёл, чтобы о чём-то говорить.

Она встретила меня, словно старого приятеля, чью жизнь знает от и до. Её обращение на «ты» удивило и вместе с тем приблизило меня к ней. Всё-таки я был не так одинок, как казалось.

– Ну, ты же пришёл ко мне, а не в пустую квартиру-то, – она подмигнула и поднялась, поставила на стол кружки и залила их кипятком. В воде качались два пакетика.

– Когда испугаешься за собственную голову до смерти, не хочется оставаться с мыслями наедине, – я приложил рюкзак к стене и осторожно уселся на табурет. Не хотелось рассказывать о собственной слабости и трусости, но, чтобы не быть пустозвоном, произнёс: – Встретился с бандитами.

– С «бандитами»? Кто это-то такие? – она высыпала в блюдце изюма и кураги.

– Ты видела людей в здании по восточной объездной дороге?

– Нет, я-то никуда не заходила там: счётчик так стрелял, что я хотела просто убраться оттуда-то. А что?

– Там обосновались «бандиты» – те, что ушли вместе с мужиком, который отобрал оружие у представителя власти, помнишь?

– Лихо же вы их окрестили-то. За что? – она пригубила чаю, открыто глядя на меня.

– Уж больно на бандитов они похожи: лица воровские, в руках – автоматы, в голове – понятия. Да ещё этот, главный их, назвался Витей Первым...

Лысая засмеялась. Крошечные капельки упали на стол. Она, продолжая смеяться, вытерла щёку, и выдала:

– Вот номер-то! Вот это самомнение у человека!

Я кивнул. Чай показался напитком божественным, пусть и собран он был миллионы лет назад. Аромат сохранился и витал над кружкой, щекоча в носу. Трясущиеся руки словно прилепились к горячей кружке.

– Не стоило называть людей бандитами-то, потому что они так выглядят или так говорят, – сказала Лысая, успокоившись. – Ты-то тоже не похож на добропорядочного человека, будем честными.

– Правда?

– Ещё как. Одного твоего голодного, обречённого взгляда-то хватает, чтобы убежать в другой конец-то мира. Наверное, это всё из-за бороды и отросших волос. И всё-таки они этого не заслужили, ведь они-то же ещё никого не ограбили и не убили, верно?

– Спорный вопрос, – ответил я, вспоминая застреленного на дороге мужчину.

– Поэтому-то ты побоялся, что они убьют-то тебя, как только увидят? – размахивая курагой в руке, поинтересовалась женщина.

– Конечно.

– У тебя у самого-то оружие ведь есть, чего бояться?

– В тот момент я совсем про него не думал, меня больше волновала моя шкура.

– То-то, – цокнула она, – каждого волнует только своя собственная шкура, правда, по-разному.

– О чём ты?

– Как я поняла, этот Витя-то Первый, – она хмыкнула, – заперся в том здании на восточной объездной, окружил себя вооружёнными людьми, кого-то отправил в разные стороны, чтобы распространять свою власть-то. Вот вам и первый вариант-то спасения шкуры. Ну, или просто запираемся в квартире, бежим от одного безопасного места до другого, боязливо вглядываемся в щёлочки – вот и второй вариант-то.

– Тебя послушать, так получится, что все мы только и делаем, что спасаем себя.

Её слова задели меня, и я, обидевшись, глотнул горячего чаю. На глазах выступили слёзы, губы и язык горели, будто калёного железа лизнул. Маленький червячок шевелился в душе и шептал, что она права. Бесконечно права. А на правду нельзя обижаться.

– Разве это не так? Все наши попытки заработать денег – любыми способами – по ту-то сторону ворот, все наши знакомства, отношения – вернее, их выбор-то, все образы обустройства домов, ведения садоводства, разведения скота: разве всё это не спасение нас-то самих? Мы делаем всё, лишь бы спасти себя, оправдать в чём-то, хоть немного приподнять в собственных или чужих глазах – спасти себя...

Она вздохнула, уставившись в кружку. Её серые уставшие

глаза безразлично смотрели на чай и почти не мигали. С минуту я боролся с желанием взять её за руку: «Кто я такой?» – спрашивал я себя, – «Нужна ли ей моя поддержка?» – мысленно добавлял. Положив руку на стол, я обхватил ручку кружки и поднёс её ко рту, но тут же поставил на место.

– Значит, те тоже спасают свою шкуру? – спросил я тихо.

– Конечно. Бояться-то можно чего угодно, тем более фиктивной войны, а это ещё хуже, – она залпом опрокинула чай, вымыла кружку и ушла с кухни.

Что бы мы ни думали о другом человеке, в сущности, все одинаковы, и всеми нами движет одна сила – страх лишиться собственной шкуры. Быть может, даже мои чувства к вам, мои родные, – это желание спастись, выйти молодцом из всего дерьма, что на нас опрокинули те, кто тоже заволновался о своей голове. Так и живём: нет смысла кого-то винить в эгоизме, мы все поступаем похожим образом.

Лысая предложила мне остаться у неё переночевать, но я отказался.

– Куда ты теперь идёшь, Медведь-шатун? – спросила она, словно обращаясь к эфемерному медведю.

– Не знаю, – пожал я плечами, внутренне радуясь её точному сравнению.

– Если не знаешь, то спроси у сердца-то, чего оно хочет.

– А если оно молчит?

– Оно никогда не молчит, – улыбнулась она. – Просто иногда ты-то говоришь громче его, и тебе сложно разобрать его

шёпот.

– Что же оно должно сказать?

– То, что ты желаешь на самом деле.

Стоя на лестничной клетке, я махнул ей на прощание, в тайне надеясь ещё встретить эту чудную женщину. Лысая улыбнулась и кивнула мне.

На ночь пришёл в соседний дом. Вода здесь текла еле-еле и вот-вот грозилась закончиться. Я развешал сырую одежду, приготовил на ужин супа с лапшой и сел у окна.

Сердце моё с самого прибытия сюда рвалось только назад, только к моим дорогим, и ничего оно так сильно не хочет, кроме как оказаться рядом с ними. Но что я могу сделать? Сотворить из картона их куклы и усадить их рядом с собой в ожидании смерти? Бесплезная трата времени и сил. Пусть они лучше остаются в сердце и всегда светят оттуда радостным светом любви.

Лысая как всегда права: мне нужно куда-то идти, мне нужно выбрать куда идти. Я хочу обойти всю Зону, чтобы знать, где что есть, куда можно, а куда нельзя отправлять людей. Как много времени мне потребуется для этого? Месяц? Два? Я не тороплюсь, но до следующего прихода людей из внешнего мира я должен уже всё знать про эту Зону, чувствовать каждый её уголок. Звучит слишком романтично и слишком тривиально.

24 апреля 1993 г.

Утром пришлось идти по мокрым улицам: всю ночь барабанил дождь, словно из разорванной трубы. Воздух снова похолодал; кажется, что зима здесь никогда не кончится. Снег тёмными комками расползся по тротуарам, проезжим частям, бывшим клумбам, канавам, остановкам, площадкам у домов, затвердел или притворился твердым. Под ногами скрипело и хлюпало, шлёпало и хрустело. Проходя мимо тех же самых домов, что мы уже видели, в которых мы даже ночевали, я чувствовал боль расставания с Иванычем и Степаном; по Олегу я несколько не скучал. Где теперь они все, куда забрела их дорога?

Фонтан, облупившийся от времени, ветра и дождя, стоял посреди небольшого парка, выстроенного между двумя домами. Когда-то давно здесь бежала вода и крикливые ребятишки плескались, разбрызгивая её. Родители, оживлённо болтающие о своих взрослых проблемах, смотрели на мокрую одежду детей и внутренне досадовали за их беспечность. Старушки и старички готовы были отдать всё на свете, чтобы хоть на мгновение превратиться в крохотных девчонок и мальчишек, окунуть в воду молодые, не стёртые временем, руки, шлёпнуть по бурлящему жерлу и почувствовать прохладные капли на лбу, шее, на плечах и во рту, если далеко-далеко высунуть язык. Теперь здесь остались сломанные

скамейки, поваленные ограждения, вывернутые растущими сорняками дорожки, одичавшие деревья, свесившиеся над фонтаном. Вряд ли парк вернёт себе былую славу.

За домами, чуть поднявшись в гору, я увидел площадку с памятником, куда вели несколько тропинок. Площадка почти ровным полукругом огораживала высокие серые фигуры. Наверное, ещё та, старая, уже умершая, страна воздвигла их, и до сих пор они стоят, гордые, глядящие вперёд, словно ничто в этом городе не произошло, и ничего не произошло во всём мире. Пять статуй, три мужчины и две женщины, безмолвно смотрели за горизонт, не обращая на меня никакого внимания. Я сел рядом с ними на маленький выступ и на секунду пожалел, что у меня не оказалось ни одного цветка. Надписей на памятнике я не увидел, возможно, это обыкновенный мемориал, что ставили в напоминание о прошлом, на славу настоящему и в назидание будущему. Одна женщина, в лёгком платье, с распущенными волосами, развевающимися по железному ветру, держала у груди огромный колос, пышный, богатый, едва не светящийся золотом урожая. Другая женщина, с заплетёнными в тугую косу волосами, прижимала к сердцу руку и ободряла мужчину, положив ему на плечо ладонь. Её товарищ, играя твёрдыми мускулами, поднимал над головой большую пятиконечную звезду. Мужчина, что был поставлен с правой стороны от первой женщины как бы спиной к зрителю, трубил в рог победы. На его голову небрежно набросили армейскую шапку древних времен, за-

вязки болтались на свободе; за спиной разлетелся длинный плащ, похожий на зимний камзол офицеров Первой Мировой. По другую сторону от женщины с закрученными на лбу волосами и целеустремлённым взглядом в небо стоял мужчина. В его руке покоился шарообразный шлем, ожидающий яркого света далёкого солнца.

На площади было спокойно. Казалось, что кроме меня, на всей Зоне никого нет, а наша вчерашняя встреча с Лысой, и шаги на лестнице, и всё предыдущее путешествие со стариками были всего лишь миражом, воображением старого дурака. Такая благодать царила на этом кусочке мира, такое умиротворение жило здесь, что все беды, бесконечные заботы, смерти, великие обманы казались сущими пустяками. Я долго сидел рядом с памятником, и мне не хотелось никуда идти. По небу плыли тяжёлые облака, серо-синие, молчаливые, так и не выдавившие из себя ни снежинки. Ветер почти не шумел. В лесу, что поднимался прямо за жилыми домами, за памятником, за бело-зеленоватым зданием позади, угукали и перещёлкивались птицы. Доносились тихие скрипы уставших от холода и грязи деревьев, их пустозвонные постукивания ветки о ветку.

Когда я пришёл в себя, солнце скрывалось за западными лесами, там, где простиралось озеро. Зашёл в первый попавшийся дом и решил остаться на ночь, даже не проверив, есть ли тут вода.

25 апреля 1993 г.

Утром, по пути в гору, я снова заглянул к своим молчаливым серым товарищам. Их лица, жаждущие светлого будущего, ничуть не исказились при моём появлении. Я оставил их в надежде на свершение мечты.

Зеленоватое здание, с трёх сторон окружённое лесом, оказалось больницей. Все четыре этажа полнились разбитыми стёклами, брошенными каталками, с которых содрали матрацы, выдвинутыми из кабинетов креслами и койками, перевёрнутыми горшками и засохшими растениями, сломанными шкафами и кучами пыльных бумаг. Больница вселяла уныние.

На первом этаже за длинной стойкой регистрации были свалены амбулаторные карты. Где-то до сих пор ещё читались имена и даты рождения. Наверное, всех этих Василиев Немцовых, Марин Крайних, Наташ Львовых, Петров Свягайло, Олегов Кругловых, Елен Свиридовых, Александров Александровых, Евгений Манн и других, и других, и других... увозили в автобусах-буханках, полных духоты, сумок и неизвестности. Сейчас нельзя узнать, где все они, чем занимаются, вспоминают ли о своей прошлой жизни, хотят ли вернуться сюда. Я об этом наверняка не узнаю.

Среди поломанной мебели валялись посеревшие халаты, сменные тапочки, стетоскопы, корпуса шприцов, высохшие

ручки и резиновые игрушки. Жалобный писк пронёсся едва ли не по всей больнице, когда я случайно наступил на побелевшего утёнка, с растёкшимся глазом, раскрытым в крике клювом и именем, выведенным нетвёрдой детской рукой: «Маша». Бедная девочка! Бедные мы...

Все шкафчики, некогда заполненные аптечками и лекарствами, вынесены, выпотрошены и брошены пустыми. Удивительным чудом я нашёл небольшие рулончики бинтов. Когда город покидали, все медицинские учреждения перевозили тоже: негоже пропадать государственному добру. Но, может, всё было по-другому: несколько лет город стоял совершенно пустой, и только позже пришли те, кто оценил его как прекрасное место для доживания. Они вывезли что-то, избавив нас от ненужных стачек или, наоборот, сделав их смыслом нашей мизерной жизни. В любом случае, на этажах оставалось слишком мало медикаментов, которые могут понадобиться; найденное я снёс в одно место и взял с собой немного – на крайний случай. Схоронил всё в сестринской на втором этаже: от выхода довольно близко, но и если места не знать, можно здорово заблудиться. Аптечек, выданных нам в бараке, не хватит, если что-то возникнет серьёзное, трудно излечимое.

Выбрался из больницы к вечеру: скрывающееся солнце бросило мне прощальный луч и исчезло за синими горами. Переночевал в том же доме, что и вчера.

26 апреля 1993 г.

Чувствую, как начинаю задыхаться от одиночества. Кажется, Лысая снова была права: мне нельзя ходить одному. Я слишком погружён в себя, и даже записи в дневнике не спасают. Казалось бы, что я должен рассказывать всё, что происходит в моей голове, что я вижу и подмечаю, что ощущаю, но ни одно слово сверх того, что написано, не выдавливается из меня. Я один, и теперь у меня есть время подумать над тем, куда идти, зачем туда идти, что там делать, но моя голова не занята этими мыслями. Шатаюсь туда-сюда, хожу по местам, бывшим некогда кому-то родными, но никак не могу поговорить с самим собой на такую важную тему, от которой зависит едва ли не судьба Зоны. Конечно, люди давно разбрелись в поисках лучшей земли, но они не ждут, когда кто-нибудь, такой олух, как я, придёт и крикнет им: «Эй, соберите свои вещи, мы идём в землю обетованную!» Они лишь ждут, когда откроют ворота и скажут: «Помотались и хватит. Возвращайтесь домой!» Но этого, к сожалению, никогда не случится.

Что я могу сделать для всех? Что я могу сделать для себя?

Нет, я не решаюсь принимать такую судьбу. Судьбу, где я, какой-то жалкий сантехник, бестолковый торгаш, беру опеку над всеми людьми Зоны. Что же это за судьба такая? Почему именно я должен сделать это? Кто сказал такое, что именно

я поведу за собой людей? Чей неосторожный и глупый язык повернулся сказать такое? Нет и нет. Я не тот, кто должен этим заниматься. Иван Иваныч, Олег, Степан – пожалуйста. Но не я. Кто я, чёрт возьми, такой, чтобы брать и говорить кому-то что делать? Нет, Иваныч сказал, что не надо указывать, но надо рассказывать. А что я им, бюро справок что ли? Толку им от моего рассказа? Пойдут и сами всё увидят!

27 апреля 1993 г.

За больницей, как подниматься в гору, стоит старая водонапорная башня. Воды в ней, конечно же, не оказалось. Заложённый кирпичом проход я разломал – не так уж крепок был их раствор – защита от детей и подростков. Внутри темно, ничего не разглядишь; только сверху маячит крошечная толика света. Оттуда спускается лестница, которая то ли сломана, то ли прячется в темноте. Стены башни изрисованы, исписаны бранными словами. За ней идёт лес, густой, тёмный.

Побродив по лесу, замочив сапоги, наткнулся на разваленную сторожевую будку. Ничего примечательного, но то ли я стал придирается к каждому углу в Зоне, то ли просто устал, я заглянул внутрь. Под кучами сгнивших досок, пакетов и пыли торчала массивная крышка, похожая на колодезную, но с вентиляем. Чтобы её открыть, надо очень сильными руками повернуть красную ручку вокруг своей оси; но мне не хватило силы. Я просидел в будке около часа в бездумном ожидании. Чего я ждал, непонятно: прохожего, который помог бы мне, инструмента, которым бы я ослабил хватку ручки, или знака выше. Потом вернулся к крышке и снова её подёргал – старая упрямая железяка не хотела открываться. От усталости и злости я пнул её. Не знаю, было ли это задумано или по прошествии лет механизм заржавел, но что-

то под крышкой щёлкнуло, и, попытавшись снова, я открыл дверь. Внизу было темно, пахло сыростью. Осознание, что у меня до сих пор нет ни ручного фонарика, ни зажигалки, наконец пришло ко мне. Выбросив все доски из будки, я обнаружил в углу истёртое годами тело. На нём пылилась куртка охранника, в кармашке на свою удачу нашёл фонарь. Но удача на этом и закончилась: он был сломан.

К вечеру я вернулся к больнице. Ноги ныли и просились в тепло. Разведя костёр из обломков стульев, разулся, приготовил ужин и немного согрелся. Оставив ботинки у костра, я нацепил военные берцы и, бросив пару деревяшек в огонь, двинулся снова обследовать кабинеты. Мне всё казалось, что за столами сидят женщины в очках и гнусаво спрашивают у пациентов: «На что жалуетесь?» Открывая двери, чувствовал себя очередным больным, который зашёл, чтобы только спросить. Вот только кабинеты не отвечали мне: ни фонаря, ни зажигалки, ни того, что бы могло осветить мне дорогу, не находилось. Вернувшись, я потрогал сапоги: всё ещё мокрые; отправился на другую сторону. Видимо, мои мысли были услышаны кем-то сверху, и почти сразу я наткнулся на огромный хозяйственный фонарь, что используется в поисковых работах. Свет долго не желал гореть, пришлось пару раз шлёпнуть фонарь по корпусу: слабая струя упала на соседнюю стену. Решил, что с этим уже можно было жить.

28 апреля 1993 г.

Полусапоги заставили меня ночевать в больнице. К утру, когда лопнуло терпение, они соизволили высохнуть. Отправился к будке по уже протоптанной дорожке: крышка всё ещё оставалась открытой. Посветив фонарём, увидел тёмный пол. Я огляделся у будки – на всякий случай.

Пишу уже спустя долгое время. Я оказался в бункере. Никому не открытом бункере для простого народа. Крохотные комнатёнки с одинаковыми кроватями, полками для вещей, тумбочками, складными столами располагались глубоко под землёй. Спустившись по вертикальной лестнице, я попал в узкий коридор, уходящий в темноту. На стенах были прилеплены плакаты о поведении в чрезвычайных ситуациях, о нужных и ненужных вещах во время техногенных катастроф. С глянцевых выцветших поверхностей глядели белобрысые мальчики и девочки, мужчины и женщины. Все ступени в коридоре уходили только вниз; я не ставил такую цель сосчитать их, но, думаю, наберётся порядка трёх сотен. Когда ступени кончились, открылся муравейник: комнаты справа и слева, комнаты в конце коридора, комнаты в соседних блоках, также растолканные слева и справа.

Я сел на кровать в первой комнате, и на минуту стало дурно. Вещи стояли абсолютно нетронутыми, словно никто и никогда не касался их, даже пальцем. Электричество и воду

провели, мебель привезли и составили, плакаты приклеили и замуровали этот бункер. Думалось, что люди придут сюда, чтобы спастись от опасности, чтобы переждать её и снова выйти на поверхность, продолжить прерванную жизнь. Но здесь не было ни единой души, эти непроницаемые стены не слышали ни единого разговора, ни единого смеха, ни единого плача. Их всех увезли, разбросали по местам и сказали: «Живите!» Вот они и живут. А могли бы вернуться к своим огородам, квартирам, работам, мечтам. Я ударил кулаком по складному столу, крепления жалобно заскрипели. Они ждали, они ждали, когда случится что-то такое, что позволит им претворить в жизнь план. И вот случилась эта катастрофа 7 лет назад; чем не прекрасное место для тех, кому уже не нужны удобства, а всего лишь – место для смерти. И вот эти койки, застеленные тёмно-синими одеялами, с белыми подушками, с чёрными подставками, остались ждать так и не пришедших к ним людей.

Бункер оказался набитым доверху: склад, который впили в угол между комнатками, наполнился стеллажами с едой, медикаментами, одеждой. Нашёл даже противогазы в специальных сумочках и бронежилеты на самый крайний случай. Мне не хотелось забирать эти вещи, оставленные людям, давно жившим в этом городе, но рассудок говорил, что лучше было бы взять хоть что-то. На всякий случай. Рюкзак заметно отяжелел, когда я положил в него противогаз.

Глядя на стопки мутно-зелёных штанов, я вспомнил наш

разговор с Олегом про костюмы, защищающие от радиации. Такие тонкие одежды не спасут даже при маленьком облучении, и не будет никакой возможности, чтобы пробраться в труднодоступные места. Мы ещё тогда все вместе обходили строения, огороженные забором с колючей проволокой, или взять то же озеро: к нему и на пять шагов не подойти. Расселятся люди там, где можно будет хоть немного прилично существовать. А про костюмы всё же надо каким-то образом узнать. И как узнать?

Я всю ночь шатался по комнаткам, открывая и закрывая бесшумные двери, заглядывая в тумбочки, под подушки, проводя по полочкам, чтобы найти какую-нибудь безделушку, мелочь, любое упоминание о том, что здесь жили люди. Ничего мне не попало, ни чёрточки. Простыни чистые, словно вчера застеленные, стены белые, будто вчера покрашенные. Может, оно и к лучшему, что я не нашёл здесь ничего.

29 апреля 1993 г.

Лёг уже утром, когда солнце предвещало показаться над горизонтом. В глазах стояли однообразные комнатки, мелькающие то слева, то справа. Вставал с боем; веки не желали подниматься, голова налилась тяжестью, руки и ноги перехватило тугой ленью. Еле открыл глаза и уставился в посеревший потолок. Как много раз человек, спавший на этой кровати, делал так же? О чём он думал, о чём были его мысли? Этого я никогда не узнаю. Я часто не понимаю своих мыслей, а чужие – тем более. Уже два месяца я веду этот дневник, как мне кажется, для вас, мои дорогие, но всё больше понимаю, что для себя. Кого я обманываю, когда обращаюсь к вам? Я никогда не увижу ваших живых лиц, меняющихся, стареющих, взрослеющих. Я никогда не узнаю, родили ли Пашук со своей женой ещё кого-то, как там Натальино здоровье и не изменила ли она свою привычку читать по вечерам газеты. Всё ещё надеюсь, маленькая, но сильная вера живёт во мне, а ведь и так всё понятно. У меня нет будущего среди вас, мои дорогие; у меня есть будущее только здесь, за бетонным забором, за воротами и проволокой. Остаются призраки, постоянно улыбающиеся с малюсеньких карточек, хранящие вечное молчание и берегущие нас от новых вестей.

Весь день идёт дождь. Наверное, поэтому тело ныло и не

слушалось меня. Поел скудно, но теперь не до размашистых обедов. Нашёл в шкафу книги, почитал стихи Маяковского, и почему-то стало гадко в душе. Взял «Мёртвые души», и ощущение гадливости расползлось на всю квартиру. Я ходил из угла в угол, глядя на дождь, потом собрал вещи и вышел.

Холодноватые капли падали на лицо, освежая его и успокаивая душу. Сел под дерево, расстелив матрац. Жизнь, думал я, что-то даёт тебе, а что-то потом забирает. Сегодня ты сыт и обут, а завтра все твои друзья лежат на помойке с перерезанными глотками. Тебе ни за что её не опередить, не предотвратить то, что должно случиться. Жили люди, делали свои дела: растили детей, копили деньги, ухаживали за дедушками, ходили на работу, пекли пироги, сажали деревья, умывались; а потом – раз! – и случилось то, что случилось. Всех согнали, лишив их самого простого – крыши над головой. Что чужая крыша: чужая крыша, как тёща, – никогда не приголубит. И нас согнали, тех, у кого тоже были семьи, и желания, и дела, и заботы, но они не спросили ни о чём – захлопнули над нами крышку и с любопытством наблюдают. То, что они когда-то забрали у нас, будет отобрано и у них. Такова жизнь.

30 апреля 1993 г.

Улицы превратились в грязное месиво. Снег во многих местах стоял, и то, что от него осталось, развалилось посреди дорог и тротуаров. Над слякотью и вязкими лужами покачивались голые кривые деревья. Город скорее напоминал осеннюю резиденцию: весной здесь не пахло.

Не доходя до церкви, в которой мы когда-то ночевали, я увидел недалеко расположившийся спортивный дворец. Мы его тогда не заметили совсем: со всех сторон его скрывают ели, а старый лестничный проход осыпался и разнёсся под снегами и дождями. Толстые колонны, подпирающие козырёк у входа в здание спорта, почернели от ветра и времени. Дверь с густым скрипом открылась, с громким хлопком закрылась. Просторный холл, некогда встречавший гостей, приветствовал меня остатками былой славы из треснувшей плитки, кусков крашеного пластика, стекла, брошенных кукол дельфина и белого медведя. Вешалки гардеробной пустовали: казалось, что на них никогда не было курток, пальто, пуховиков, пакетов с шапками и сапогами, школьных рюкзаков. Лестница наверх привела в большой баскетбольный зал. Жёлтые отколупившиеся половицы одиноко лежали на своих неизменных местах, только одна, почти на самом краю поля, поднялась над всеми и своевольно, как выбившийся из причёски волос, торчала. Полинявшие корзины

ки уже давно забыли прикосновения мячей, трибуны – нервозность зрителей, табло – горячие счёты и крики «Судью на мыло!» Я бродил между лавками, сидел в разных концах зала, и чем дольше я смотрел на пустое поле, тем жутче становилось. Этот давящий дух брошенности не исчез с моим присутствием, и он не исчезнет, даже если все места будут заняты. Неужели однажды покидая территорию, ты никогда не сможешь вновь заселить её?

Лестница, уходящая вниз, привела в продолговатую комнату со шкафчиками. В них лежали бесполезные для меня тряпки, полотенца, купальники. Дальше шли душевые, где не оказалось воды, и бассейн, грязный, покрытый плесенью. На тумбах – стёртые ногами неправильные круги, в углу – забытые шлёпанцы. Иногда мне думалось, что это так, иллюзия, временная блажь воображения, и вот-вот раздадутся звонкие детские голоса, девчонки усядутся на скамейке, чтобы пошептаться о косых взглядах Мишки из параллельного класса, заплещется вода, замаячат белые руки и ноги, засвистит строгий тренер, призывая к точности движений. Но ничего не происходило, и я всё так же стоял на краю бассейна, глядящий в мутное прошлое этого места.

Смотреть здесь больше было нечего: что взять со спортивных комнат, набитых старым инвентарём? Я распахнул входную дверь, почувствовав свежий воздух и увидев целившихся в меня мужчин. Один, с безобразной родинкой на носу, крикнул мне:

– Ты кто? Что делал в этом здании?

Я поднял руки машинально, пытаясь показать свою беззащитность. Хотя к рюкзаку был привязан автомат.

– Это бассейн, там ничего интересного нет.

– Спасибо, читать могём, – хмыкнул тот, кивая на табличку. – Тебя-то как зовут?

Я колебался, потому что не хотел выдавать незнакомым людям, держащим меня на мушке, своего настоящего имени, пусть бы они меня потом и не встретили.

– Медведь.

Мужики переглянулись и засмеялись.

– Здорова, Медведь, – заговорил второй с золотыми коронками. – А чего имя такое странное-престранное?

– С прошлым расстаюсь.

Мужики снова принялись гоготать, на этот раз одобрительно.

– Говоришь, в бассейне ничего интересного? А чё ж ты там тогда делал?

– Зашёл посмотреть, есть ли там что-то.

– Но там ничего нет, зачем ты тогда туда заходил? – златокороночный не думал отступать от меня в надежде, что я скажу что-то, что будет ему полезным.

– Мимо проходил, думал: вдруг полезного чего найду.

– Но ты не нашёл?

– Нашёл. Мусор и грязь.

Мужики опустили оружие.

– Ладно, иди, чёрт с тобой, Медведь, – бородавочный сплюнул под ноги. – Но больше, чтобы мы тебя здесь не видели, понял?

– Понял, мужики, понял. А вы сами-то чего сюда пришли?

– А один блатной сказал: здесь места хорошие есть, и людей тут пока мало.

– Ага, мало! – заговорил третий в чёрной шапке. – Мы уже пятого встречаем. Этот блатной липовую инфу толкнул!

– Ладно ты, надо уже присесть где-то, а мы всё сиськи мнём.

– Слышишь, Медведь? А где здесь ещё что есть? – спросил бородавочный.

– Знаю: на севере – церковь, а больше не в курсе.

– Ладно, – протянул золотозубый и ступил вперёд, желая лично убедиться, что в здании и правда нет ничего полезного.

Мужики последовали за ним. Стараясь отвести от себя внимание, я уткнул взгляд в землю и спустился по остаткам лестницы. Через секунду раздались свист и крик:

– Эй, Медведь! Если осядем тут, приходи как-нибудь.

Я махнул рукой в знак согласия и вышел на дорогу.

1 мая 1993 г.

Ночевал в одном из домов рядом с церковью. Света нет, воды нет. Вышел голодный. Продолжил идти к лесу, где заканчивались постройки и начиналась пригородная дорога. Не вытерпел и через час развёл костёр, едва не сжёг все пальцы, пока грел банку тушёнки над огнём. Котелок всегда был у Олега, а теперь без него, как без рук.

Я решил не рисковать и не сворачивать с дороги. Скоро наткнулся на деревню или село. Деревянные домики, около которых находилось всё: огород, загон, будка, палисадник, кадушка, баня – стояли неровными рядами-улицами. Всё заброшено и уныло; на участках лежит серый снег, переходящий в грязь, грядки проросли сорняками, заполнились мёртвой листвой, крылечки заметены пылью, а где-то разодраны, развалены, чтобы никто не смог пробраться в дом. Обойдя несколько домиков, я всё же нашёл в одном железную печь. Развёл огонь и с наслаждением пообедал.

За улицами продолжался лес, густой, дикий. Я бы ничуть не удивился, если бы встретил здесь хищное животное, но, на моё счастье, рядом никого не оказалось. Лишь над головой раздавалось тихое хлопанье крыльев. Почувствовал, что берцы начинают намочать от расходящегося под ногами снега. Рыхлый и почти растаявший, он скорее создавал видимость существования, чем существовал на самом деле. Вско-

ре среди голых сучьев и пышных ёлок я увидел серый забор. Он казался таким чуждым и ненужным, словно поданный ключ на 12 для гайки с крестовиной. Он не был исписан, изрисован или изломан, как многие старые, видевшие виды, заборы; он девственно чисто стоял на одном месте и отделял лес от леса. Как и людей от людей. Я коснулся его, чтобы удостовериться в его реальности; грубый, шершавый, не чета молодым листьям, которые скоро появятся и будут биться об него. А колючки, что сверху были приделаны каким-то жестоким человеком, расцарапают налившиеся жизнью ветви.

Вернулся в деревню под вечер. Солнце садилось всё позже и позже, сегодня оно оставило после себя ярко-красный след, медленно угасавший и отпечатывавшийся на облаках. Я разогрел печку, сварил себе супу с консервами, умылся ледяной водой из кадучки и уселся читать со свечой. Долго читал; уже зажглись звёзды и весело замигали мне. Рассыпчатые, почти прозрачные тёмно-серые облака не могли скрыть глубокую синеву неба и позолоту огоньков. Чудесны здесь ночи. Они преображают Зону до неузнаваемости. Сидя за деревянным, скорее всего самодельным столом, я думал, что снова попал к бабушке в деревню и испытываю себя на стойкость – не ложусь спать, пока не бухнусь. Сейчас зайдёт бабушка и шикнет грозным шёпотом, что я проказник и мне давно надо быть в постели. И я лягу, конечно, лягу, но потом снова, стараясь не скрипнуть кроватью, подойду к окну и буду смотреть на небо, на мигающие точки, на уплы-

вающие облака. В душе будет хорошо и спокойно; ни тебе проблем, ни тебе волнений. Одно лишь сплошное детство и сплошное созерцание.

2 мая 1993 г.

Проснулся, услышав гомон. Подбежал к окну, слегка выглянув. По улице шёл отряд из шести человек, вооружённых и одетых в военную одежду. Я сразу понял, что это были люди Первого, только они могли так бесцеремонно врываться в чужую жизнь. Пока они обследовали дома на противоположной стороне, собрал вещи и осторожно вышел. Пробежав по двору, спрятался за кадушкой, потом рванул через огород к другому участку, чувствуя на разгорячённом лице холодный ветер. Отдышался и двинулся вон из деревни. Очухался уже в городе: стою посреди дороги, бездумно глазаю вперёд. Посидел на остановке, послушал, что вокруг творится: гудит ветер, бежит вода с горы, лес наверху трещит и стонет, вдалеке шлёпают ноги – вокруг кипела жизнь. И странное дело: она бы и дальше шла, бежала, без меня, если бы те заметили меня и вынесли.

Схоронился в последнем достроенном доме. Воды нет, света нет. Лёг натошак.

3 мая 1993 г.

Не понимаю, зачем я постоянно убегаю от бандитов, спасаю свою голову. Может, они не настолько плохие люди, как мне кажется? Может, Лысая права, и во мне сидят предрассудки, не дающие спокойно жить? Утром встал бы, позавтракал и двинулся бы дальше; но я как с цепи сорвался.

Вовсю светило солнце, когда поднялся. Время перестало для меня существовать совсем: определяю его только утром и вечером.

Поел в соседнем доме. Снова в окне видел группу Первого, шли на юг. Его парни, видимо, прошерстили северную часть от и до, теперь возвращаются на базу, чтобы доложить, где и что есть. А я, как пень ленивый, только восточную сторону немного осмотрел, всё до тех десятиэтажек добраться не могу, чтобы посмотреть, как там живут, что там изменилось.

Недалеко отсюда располагается школа. Заглянул в неё: ничего примечательного. Кучи шкафов, сваленных и развороченных, кипы учебников и тетрадей, будто специально разбросанных по кабинетам, сломанные стулья и столы, разорванные плакаты, раскрошившийся мел, лежащий в баночках, припудренные пылью отличные оценки в дневнике, пара забытых кроссовок, оставленная на будущий год мишура и вырезанные человечки. Нашёл колокольчик, звеня-

щий на каждой торжественной линейке; его пронзительный стук оглушил пустые, сиротливые стены. Этот звон больше никогда не позовёт малышню в классы, чтобы считать цифры и писать буквы, под этот звоночек больше никогда Ванька-проказник не дернет за косичку Светку-красавицу, и Марья Васильевна больше никогда не нахмурится, заметив Димочку, бросающего шпаргалку соседу-двоечнику. Тысячи маленьких и больших ног оттопали своё по этим длинным, посыпанным штукатуркой коридорам, любопытные глаза отсмотрели на коричневатые доски, заплывшие мелом и пылью, смех и вечный гомон отзвучали.

На всём лежал отпечаток ушедшего, воспоминания, которые никогда мною не будут воспроизведены. С тяжёлым сердцем я вышел из школы, бродил по дворам и заглядывал в окна. Этот город всё больше и больше утягивает меня в дрезину прошлого, делая его частью. Как бы я ни старался, ни взывал к дорогим мне людям, ни погружался в свою память, чувствовалось, что я становлюсь единым пятном с этим местом. Может, через несколько лет сюда придут люди, которых так же сослали умирать, и увидят мой труп; они сразу поймут, как долго я бродил по Зоне и вглядывался в неё, вглядывался. Как сроднился я с ней, но родным ей так и не стал.

4 мая 1993 г.

Утро заглянуло ярким лучом в маленькую комнату, где раньше жил подросток. Я влюбился в эту квартиру сразу, как только зашёл: в воздухе пахло не пылью, как везде, а жареными оладушками. Будто мама только что приготовила завтрак, накрыла на стол и села в ожидании сына. Приятный аромат сладковатого теста разнёсся по квартире и разбудил мальчишку. Он сбросил одеяло и как был, в пижаме, сползшей с плеча, с растрёпанными волосами и босыми ногами, прибежал на кухню. Я улыбнулся, когда представил себе счастливую семью, жившую здесь. Наверное, слишком уж я фантазирую, пытаюсь сохранить прошлое этого места.

Шёл по западным дворам. Некоторые дома, близко стоящие к объездной дороге, заросли толстыми гибкими стволами. Их тёмно-зелёные ветки оплетались паутиной, затягивая чёрные дыры окон и входов. Близко подходить к ним я не рискнул: побоялся, что счётчик снова затрещит. Услышать этот звук – подставить себя, обречь на мучительные последние минуты.

Остановившись в недостроенном доме, напротив магазина у перекрёстка, я устроил небольшой лагерь, сготовил обед, проверил провизию и лёг вздремнуть. Когда путешествие требует терпения и ясной головы, дневной сон – то, что надо. Вот только насладиться спокойствием и одиночеством

не удалось: на улице грянули, будто землетрясение, треск и грохот. Я выглянул из пустого проёма и увидел летящий по разбитой дороге «КамАЗ». Водитель то ли очень спешил по срочным делам, то ли не знал, как управлять дьявольской машиной: он подпрыгивал и извивался, словно червяк. Нужно ли говорить, что Витя Первый не тратит время зря: заставил своих ребят найти машины на ходу и разослал их, чтобы те собрали провизию, утварь и оружие. Как внезапно грузовик возник на улице, так же скоро он и пропал, оставив за собой дорогу грязи и следы огромных шин.

Я решил, что дойду до другой части города до завтрашнего утра во что бы то ни стало. Выползая из своего укрытия, будто испуганный хорёк, я побежал по объездной дороге. Всего несколько дней назад мы шли здесь вместе с Олегом, а где он теперь – не знаю. Я совсем ничего не знаю о тех, с кем встретился, с кем простился, кого оставил позади; наверное, и они уже забыли, кто я такой и когда мы познакомились. К ряду семь дней я не вспоминал об Иване Ивановиче, Степане и Олеге. Переходя от автомобиля к автомобилю, я погрузился в те странные дни, что мы провели в больнице, снова ощутил горькую неопределённость, когда тебя отправляют за решётку и не называют причины, горящую злость, оттого что в тебя тыкают пальцем на всю страну, и мучительную жажду справедливости.

Мне пришлось сесть под густую ёлку: так кружилась голова. Жизнь изменилась в два щелчка чьих-то пальцев: и я, и

сотни таких же, как я, гниют здесь, пытаюсь оправдать политику, общественное мнение, пытаюсь выгородить тех, что по ту сторону ворот, дать им последний шанс. Но этот шанс им не нужен: наши никчёмные душонки не входят в их планы и никогда не будут входить. Чего проще избавиться от тяжёлого, почти гниющего балласта.

Объездная дорога спускается под гору, сверху видны остатки улиц, словно разбомблённых на войне. Я остановился на девятом этаже дома, расположенного дальше от разрушенных. Отсюда открывается прекрасный вид на город: далеко неприступной крепостью стоят синие горы с беловатыми шапками, перед ними маячат трубы завода или какого-то промышленного учреждения, отдымившие давным-давно, а вокруг россыпью кремня лежат домики, разваленные, покосившиеся, пустующие. Я почти дошёл до Дворца, я почти дошёл до десятиэтажек: сегодня ближе, чем все те дни.

5 мая 1993 г.

– ...А, нет, смотри – живой, – услышал я, когда открыл глаза.

В комнате стояли двое мужчин в форме, выданной ещё в бараке. С виду не грозные, не злые, но осунувшиеся и замороженные. Я сел на матрасе и огляделся в поисках моего рюкзака: тот стоял у входа, закрытый, как я его и оставлял.

– А... А мы тут живём недалеко, – запинаясь, проговорил один. – На седьмом этаже. Услышали, вот и зашли... узнать, что за человек.

– Да свой я, ребята, – выдохнул я.

– Это-то ясно-красно, что свой, – грустно сказал другой и сел рядом со мной. – Слышь, есть чо пожевать? Тут ни черта нет, а идти к домам никак нельзя.

– Почему нельзя? – я поставил рюкзак между ног и достал две консервы. – Разве выхода к югу нет?

– Есть, но как там пройти, мы не знаем... забыли.

– Это ты, придурок, забыл! – закричал первый и угрожающе поднял указательный палец.

– Ничего я не забыл, это ты меня вечно не той дорогой вёл!

– Заткнись, понял!

– Сам заткнись!

Я громко кашлянул, напоминая о своём присутствии. Му-

жики тут же притихли и уткнулись в консервы.

– Так что случилось-то?

– Мы чапали по центральной дороге, а потом – счётчики – как затрещат! Мы тюкнулись куда-то на запад, а счётчики, гады, не заткнутся никак. Этот болван взял и разбил свой. Метнулись в дом, вроде, трещать перестали. Мы зыркнули, а как тут – не поняли. Хотели слиться отсюда, не получается: с востока трещит адски, с юга – болота, с севера – лес.

– Да вы чего? Я же только что с севера пришёл, там всё в порядке, пройти можно, – удивился я. Открыл и себе консерву, с ужасом обнаружив, что в руке оказалась последняя банка, а псевдолапша подходит к концу. Вчера я не смог набрать провизии из-за грузовика, выскочившего, как чёрт из табакерки.

– Ой ли?

– Конечно. С чего бы мне врать, мужики?

– Так вдруг ты из этих, из бандюков, – второй нахмурился и сплюнул на пол.

– Нет, видно ж по мне.

– А вот и не видно, – огрызнулся первый. – Встретились нам, ещё на той стороне, группка мужиков: с виду обыкновенные, шуточные, языкастые. А один сука, видимо, попался, говорит: выгребайте шмотки и хавку оставляйте. Те не спорят, а мы, ясно-красно, ничего отдавать не хотим: всё сами добывали. Тот достал перо и давай его красиво так вертеть в руках, а мы чо, нам живот жалко, оставили всё им и

сами драпанули.

– Ага, а там одежда, немного пайка оставалось, карта да аптечка, – вздохнул второй. – Спасибо, мужик, что покормил, – глаза его заблестели сытостью и спокойствием.

– Да не за что. Значит, выйти вы отсюда не можете?

– Нет, никак. Да ты оставайся с нами: втроём веселее.

– Чо мелешь, придурок? Ясно-ж-красно, у него дела.

– Какие дела в Зоне? Нас сюда кинули, как сук вшивых, а ты говоришь о делах! – второй разрыдался, всхлипывая и обиженно утирая нос.

В комнате повисла тишина. Я собрал матрац, забросил на плечи рюкзак и с беспокойством почувствовал его лёгкость. Мужики, казалось, ещё больше осунулись и побледнели.

– Если хотите, я попробую вас вывести отсюда. Или возьмите карту, перерисуйте, – уставившись на носки сапог, я со стыдом подумал, что предлагать иссякающий запас еды будет неразумно.

Как по команде, они подняли головы и с полными удивления взглядами уставились на меня. Первый, почесав отросшую бороду, крикнул:

– Да не. Какие у нас могут быть дела в Зоне. Я своё уже отмотал: жду вот, когда клюкнусь совсем. А ты иди, куда шёл. Людям «приветы» от нас, болванов, передавай.

Второй толкнул его в бок и зашипел:

– Чо ты отказываешься от помощи? Вдруг он последний, кого мы видели здесь?

– Слышь, придурок, мы всё просрали, и не ему наше говно убирать.

– Как хочешь, – отрезал тот.

Мне не представлялось возможным помирить их, дать им маленькую надежду на изменение курса в жизни. Поэтому я, не попрощавшись, ушёл.

Как только разрушенные улицы кончились, а дорога круто повернулась в сторону завода, счётчик затрещал. Я направился в сторону небольшого лесочка, что пролегал южнее от дороги и наверняка соединял обходную часть с центральной. Счётчик не унимался, и теперь я начал понимать, почему мужики так заволновались, когда я предложил им пойти вместе. Хотя в глазах всё же читалась надежда. Ступив на мокрую землю, полную диких растений, я почувствовал, что если не уберу ногу, то обязательно утону, свалюсь с рюкзаком в болото. Я остановился и задумался. Мужики бежали, не соображая ни о чём, вполне возможно, что их путь пролегал от границы.

Я двинулся туда, но крепкой дороги так и не нашёл. Бродя туда-сюда, рассчитывал, как они смогли пробраться, но не придумал лучшего объяснения: мужики бежали по дороге, ведущей к заводу. Они не доходили до самого завода, а лишь срезали угол, а потому не попали ни в болото, ни в сильную радиацию. Отдыхая на краю дороги, я думал о них, несчастных, беспечных, голодных. Чем они отличаются от меня? На их месте мог оказаться любой: я, Лысая, Олег, Иван Иванович

или Степан; и мы бы так же медленно уничтожали себя своей виной. Мы, загнанные в угол, загоняем себя в ещё более ужасные и ещё более глухие углы. Так кто же нам поможет, если не мы сами? Дядя извне? Но он собственноручно затолкал нас сюда и с хохотом удалился, чтобы вернуться позже и затолкать других. Если не мы, то кто?..

Встав на дорогу, я снова услышал треск счётчика, но отступать было некуда. Побежал. Увидев широкую площадь, заполненную сломанными сгоревшими машинами, услышав настойчивый треск счётчика, я свернул чуть в сторону и скрылся за кубом постовой будки. В паре шагов от меня синела крыша и валялись снесённые лавочки, некогда стоявшие под ней. Наверное, здесь был автомобильный вокзал или просто остановка: у обочин ожидали своих хозяев автобусы и троллейбусы. По ту сторону дороги задними колёсами кверху лежали автомобили. Их ни за что не увидеть, если идти со стороны перрона, куда нас привезли. А здесь они красовались во всю.

Я прошёл мимо остановки, не приближаясь к машинам, оказался на центральной улице и, дойдя до Дворца, наконец нашёл успокоение ногам и ушам.

6 мая 1993 г.

Голова разваливалась по швам то ли от вчерашнего глотка радиации, то ли от жуткой усталости и пустоты в желудке. Ноги еле-еле держали меня и нисколько не благодарили за бесцеремонно устроенный марафон. Я доел все свои запасы, с горечью и обидой думая о собственной слабости. До магазина было далеко, а в квартире, где остановился, не оказалось даже воды. Медленным шагом дополз до соседнего дома, плюхнулся в кровать на первом этаже и уснул крепким сном.

Открыв глаза, я не понял, где нахожусь. Мне снова казалось, что я дома, только что вернулся с рыбалки, грязный и голодный, как чёрт, через час придёт Наталья, стотовит уху, и мы все вместе поедем её. Ароматная, наваристая, жирненькая, она скользнёт в моё пустое брюхо и радостно будет плескаться там. Тепло растечётся по телу, и придёт успокоение, телесное и душевное. Поиграю на сытую голову с Пашуком, расскажу ему сказку об Иване-дурачке, получившем за храбрость и удаль полцарства, красавицу-царевну и волшебного коня, уложу спать в пока что большую для него кровать и выйду на балкон подышать вечерним воздухом. И тогда ничего не захочется более. Наступит счастье. Но счастье не наступало, сколько бы я ни лежал и ни мечтал об ухе.

Магазин, в который мы заходили ранее, был подчищен до

смертельной пустоты. Бандиты Первого уже успели сгрести всё и отвезти на базу. Я поблуждал по дворам, заглянул в скромный магазин-полуподвал, набрал провизии и стал выходить, как услышал громкие голоса.

– Ну и?

– А чо «ну и»? Я ему врезал разок, он вопросов больше не задавал.

Глупый смех отражался от стен и мелким страхом проникал в меня. Я знал, что эти ребята сейчас зайдут сюда, будут сметать всё с полок, потом повезут в их хранилище, а далее Первый начнёт воплощать свой план в реальность. Дверь открылась, и в магазин ввалились два плечистых малых, на лицах которых ум не особо блистал.

– Ты чо тут делаешь? – спросил один.

– Затариваюсь.

– Чего-чего?

– Затариваюсь, – сдержанно ответил я, внутренне желая послать его куда подальше.

– Ах, «затариваешься», – подразнил он меня. – Убирайся отсюда, это не твоя собственность. Выкладывай, что набрал.

Их кулаки предупредительно сжимались, зубы хищно скалились, а глаза смотрели на меня в упор.

– Я не буду ничего выкладывать: это моё.

– Чего-чего?

– Видимо, у Вас проблемы со слухом, раз Вы не слышите, что я говорю.

– Это у тебя сейчас проблемы будут! – он закричал и почти замахнулся на меня, но я вскинул автомат и направил его на бандитов.

– Кажется, вы меня не так поняли. Я взял то, что было ничьим. Теперь, когда оно лежит в моём рюкзаке, оно – моё, и вы не имеет никакого права отбирать у меня моё, – совсем не понимая, откуда взялось во мне столько храбрости и сил сказать всё это, я буравил их взглядом.

– Ладно, мужик, полегче. Это тебе не шутки.

– А кто здесь шутит? – дёрнул я автоматом, будто угрожая им.

– Мы не знали, что ты здесь. Нас Витя Первый послал, сказал, мол, еды надо собрать для голодных в одно место; вот мы и поехали.

– Я голодный, и это моё место. А теперь можете идти отсюда, – сдерживая злобу, возникшую во мне при упоминании имени этого ужасного человека, подхалима и вора, я проводил мужиков автоматом до их «КамАЗа».

Они молча уехали. Усевшись на лестницу, я испугался, что мой опрометчивый поступок изменит отношения с Первым. Мне совсем не стоило так вести себя, но, на секунду вспомнив того несчастного на дороге, двух безжалостно обворованных мужиков, жестокие действия и разговоры бандитов, хитрую ухмылку и наглое подхалимство Вити, я решил, что ничего страшного не случилось: они всего лишь встретили должное сопротивление. Отобрать еду может лю-

бой, но дать её просто так, безвозмездно, – не каждый.

Осмотрев полки, я вынес испорченное, поджѐг его за до-
мами, не заботясь о том, что меня заметят и вместо двух ам-
балов могут прийти четверо-пятеро-шестеро таких же. Вер-
нувшись в магазин, расположился. Морозильники, в кото-
рых когда-то хранили рыбу и мясо, я составил к облупленной
стене, чтобы в случае чего закрыть ими проход. Но в том же
самом «случае чего» я не смогу укрыться в этом месте. Вы-
ломав дверь в подсобное помещение, нашёл там шкафчик с
женской одеждой, сломанные и помятые коробки и ещё одну
плотно закрытую дверь. Перестаравшись, я оторвал ручку.
Вместо двери я выбил плечо; казалось, с обратной стороны
что-то держало и не давало двери открыться. Расстелив мат-
рац, я поужинал и уснул.

7 мая 1993 г.

В полуподвальном помещении горит всего одна тусклая лампочка, а узнать о времени суток совершенно невозможно, когда ты подолгу остаёшься внизу. Я вышел на улицу, как мне думалось, утром, а оказалось – вечером. Над городом, закрывая потемневшее небо, собирались тяжёлые тучи, бледным ровным диском луна показывалась из-за их воздушных кудрей. Опустились сумерки, и мне приходилось вглядываться, чтобы узнать, что находится передо мной, куда я двигаюсь. Вокруг были обыкновенные панельные дома, пугающие и ничем не отличающиеся друг от друга в темноте. Среди их однообразных стен и чёрных окон выглядывали железные слоники, погнутые кольца, взрытые песочницы. Ночью они казались ещё печальнее, ещё более осиротившими.

Я шёл между домами, и в какой-то момент осознал, что я хожу вокруг: мне постоянно встречается одна и та же пятиэтажка, расписанная с одной стороны уличным художником, и я вот уже в пятый раз читаю ругательное слово из трёх букв. Остановившись, огляделся и прислушался: ничто не двигалось, ничего не происходило. Я похлопал фонарик, но тот, видимо, почил в бозе и по-партизански молчал. Приходилось идти в темноте, на ощупь, полагаясь на внутренний зов. Как мне показалось, я нашёл нежилое здание. Улёгся у

входа, хотя спать не хотелось совсем. Зажёг остатки свечи и записал о сегодняшнем странном приключении.

8 мая 1993 г.

Почему, как только наступает утро, люди слетаются на моё сонное тело и жаждут склевать его? Мужчина в военной форме, абсолютно отличной от той, что нам выдали, с фуражкой на голове и сигаретой в зубах пнул мою ногу, тем самым пожелав мне добрейшего утра. Я вскочил, как ошпаренный, и уставился на него.

– Ты кто? – спросил он.

– А ты кто? – спросил я, ничего не понимая.

– Я – Алексей Петрович, для родных – Лёшка, для сослуживцев – Матрос.

– Чего-то форма у тебя не матросская, – улыбнулся я.

Но Алексей Петрович шутки не понял и, вытащив сигарету, прорычал:

– А ты кто такой-то, чтобы упрекать меня в чём-то?

– Зови меня Медведем, – поднялся я и начал убирать матрац.

– Эк-как, «Медведь». Ладно, чего ты тут забыл-то?

– Ночью заблудился, остановился там, где не мокро.

– Это ты хорошо сделал, что остановился у нас. Хочешь – оставайся с нами. У нас всегда тепло и сыто.

– А у вас откуда еда?

– Дак вчера парни мои принесли из большого магазина. Там ещё осталось: они сегодня снова пойдут.

– Понятно. Я вчера тоже одних встретил, еду собирали, да я им не дал.

– Чего так? Пожадничал? Может, они голодные были, или, может, они тоже устраивают точку выдачи еды, – Матрос сложил руки на груди, продолжая дымить сигаретой.

– Как же, устраивают. Бандиты они, вот кто. Сдалась им эта сытость другого, как телеге пятое колесо. Сманивают всех «благами», а потом заставляют убивать.

– Ты чего, Медведь, чушь какую-то несёшь? Кто ж так делает?

– Слышал про Витю Первого?

– Нет, – удивлённо проговорил мужчина, пепел упал на воротник, оставив сероватый след.

– Ну вот, услышишь ещё. И в не очень приятных словах.

Я собрался пойти дальше, но Алексей Петрович положил сильную руку на моё плечо и сказал:

– Да погоди ты. Расскажи толком, что случилось.

Выбора особого не было: в желудке – пусто, в голове – туманно. Я согласился, и Матрос, докурив, повёл меня по первому этажу. Сначала мимо одинаковых коек с тёмно-синими одеялами и белыми подушками, потом через квадратные столы с деревянными стульями. Протянул мне поднос, свалил на него тарелки с едой и посадил у окна.

– Выкладывай.

– Если помнишь ту стычку на вокзале, когда нас привезли...

– Когда у паренька пистолет отобрали? – он воткнул ложку в манную кашу и любовался ею, как Эйфелевой башней.

– Да, она самая.

– Помню. Потом эти люди ушли на север.

– Верно. Они осели в здании госархива, что по восточной обходной дороге. Главный у них там – Витя Первый, тот мужик, что пистолет отобрал, – я проглотил кашу в один присест, не заметив, что она так быстро кончилась.

– Ты-то откуда его знаешь?

– Ещё когда с мужиками был, ходили мы к нему, спросить, кто он, и понять для себя, что вообще из себя представляет. А он оказался гадом последним и лицемером мерзопакостным, – я, стараясь держать в себе злость, размазал по хлебцу масла и положил длинную тонкую шпроту. – Цели его просты: захватить власть в Зоне, заставить всех работать на него и иногда жаловать своё внимание людям.

– Знаешь, там, где хозяина нет, всегда будет борьба за власть. Вот ты услышал его и подумал: «А почему он? Почему не я?»

– Ничего я такого не думал, – фыркнул я, резко бросив бутерброд на тарелку.

– Ты ешь, а не выступай. Говорю тебе: только настоящий Хозяин – с большой буквы хэ – может ударить по столу и сказать: «Моё!». И все молчать будут, – он кивнул, будто согласился сам с собой. – Если этот Витя Первый не дурак, то,

скорее всего, вся Зона ляжет под него и его ребятки.

– Я не хочу подстраиваться, – шёпотом сказал я, будто провинившийся школьник, желающий оправдать себя. – Я хочу, чтобы в Зоне была та свобода, о которой все говорят с самого прибытия сюда.

– Свобода? – Матрос достал сигарету и, чиркнув зажигалкой, затянулся. – О чём ты?

– Помнишь, мужчина выступал на вокзале, когда бандиты ушли с Первым?

– Ну, помню.

– Этот мужчина... я не знаю – не то чтобы дорог мне, но уж очень я уважаю его – и хоть я часто не согласен с ним, он был мне вроде как наставником. И я... я поверил ему тогда, поверил в свободу, – я слегка хлопнул ладошкой по столу. – Знаешь, я не хочу, чтобы здесь было совсем как там, по ту сторону.

– Чтобы здесь не было так, как там, нужно перекроить людей.

– Зачем? Разве не каждый хочет свободы?

– Каждый хочет, твоя правда. Но не каждый возьмёт её, – Матрос наклонился ко мне, приблизив морщинистое лицо с седыми бровями и гладким подбородком. – Свободен будет лишь один, тот самый Хэзьяин, – хохотнул он, отклоняясь назад.

– Зачем ему власть?

– Руководить толпой. Ты представь только – ладно эти

три отщепенца, что сейчас бродят по Зоне, – а потом? Будут жить тысячи людей, и им нужно что-то делать, им нужно куда-то идти, к чему-то стремиться. Что сделает Хэзыин? Конечно, он им скажет, что делать.

– А как же свобода выбора?

– Человек, у которого в руках собственная жизнь, либо тут же умирает, либо худо-бедно пытается что-то сотворить с ней. И часто не получается ни хрена, – он вытряхнул пепел в грязную тарелку и кашлянул. – Я когда пошёл по Зоне, увидел это здание и сразу понял, что больше никуда не хочу: останусь здесь и буду свой век доживать. Со мной тогда отправились парни мои, штук десять, калеки и больные, но ничего: мы нашли незасохшую краску, выкрасили все этажи, мусор вынесли, заставили мебелью, а вчера вот за едой в масштабных объемах пошли. И что? Я взял это здание на себя, я здесь имею власть, а они, – он ткнул в сторону пустого проёма, – такие же свободные, как и те, что будут под властью всей Зоны.

– Значит, у тебя здесь навроде казармы? – спросил я, приканчивая завтрак.

– Так точно. А что, человек я военный: всю жизнь то туда, то сюда, но вот своего, – он развёл руками, – ни хрена не вышло. Тут как-то и проще было – ничьё же, и быстрее – никаких документов подавать не надо, никто над тобой не стоит.

– Сколько сейчас с тобой?

– Около тридцати нас. Многие больные, пара человек с

туманным прошлым, но крепкими руками, ещё пара стариков-медиков. Так что скоро будем открываться, – он радостно улыбнулся и поднялся.

– А чем заниматься будете?

Матрос замер, словно его огрели обухом по голове. Он цокнул и проговорил, будто это было давно известная истина:

– Как чем? Помогать людям будем: кому еды, кому воды, кому медицинская помощь, кому жилищная помощь.

Я умолчал о том, что его программа уж очень похожа на программу Первого. Матрос прижал сигарету к тарелке и поставил поднос на стол раздачи. Знаком он позвал меня за собой. Выйдя в широкий проём, мы снова оказались в казарменной, где рядами располагались кровати и деревянные тумбочки, подобранные одна к другой. На некоторых подоконниках стояли горшки с цветами, Матрос крикнул и выдал:

– Это девки. Нравится им ухаживать за травками, ну я и предложил поставить эти чуды-юды, – зеленоватые растения со склонёнными копьеобразными листьями грозились истыкать нас иголками. – Нашли их в какой-то оранжерее – как они сохранились, одному Яхве известно – пересадили, а они раскрылись так, что кажется, сейчас голову откусят.

– Это же алоэ.

– По чём мне знать? Девки этим занимаются.

– А много их?

Матрос поднялся на один пролёт и остановился.

– Кого? Травок или девок?

– Женщин.

– Пятеро всего, но золотые – с ума сойти. Одна кашеварит день и ночь, другая на медпомощи сидит, третья где-то нашла стиралки, четвёртая – бухгалтер от бога, пятая – тоже ничего.

Мы поднялись на второй этаж. Среди однообразных кроватей стояли столы с шахматами, шашками, нардами, домино и картами. Стены выкрашены в голубовато-зелёный цвет аккуратными мазками, словно работу выполнял мастер-маляр. Я подивился строгости казармы, её простоте и незатейливости. С уважением глядя на Матроса, сказал:

– Молодцы. Прелесть сделали из брошенного дома.

– Да чего там. Тут ещё работы знаешь сколько? В подвале – срач дикий, кладовки на третьем этаже до конца не разобраны, а полы, видишь? отмывать месяц придётся.

– Ничего. Вы раньше справитесь.

Мы спустились на крыльцо, где утром он нашёл меня. Я, пожав Матросу руку, взвалил рюкзак, наконец-то наполненный едой, и попрощался.

– Куда ты теперь? – крикнул он вслед.

– Не знаю.

9 мая 1993 г.

Вот уже 48 лет, как в мире царит мир и согласие. Вот уже 48 лет мы не видим того ужаса истёртых от непрерывного труда рук, голодных глаз ребёнка, ищущего в тебе спасение его крохотной жизни; мы давным-давно позабыли что такое, когда отрывают от груди только что появившегося на свет младенца, не дав ему почувствовать материнское тепло; когда бежишь через лес, возможно, полный опасностей, и всё, что бьётся в сердце – желание доставить, доставить во что бы то ни стало важную, жизненно необходимую информацию; когда товарищ заворачивает в грязный платок два крохотных куска хлеба и с надеждой говорит «На потом». Вот уже 48 лет прошло с Великой Победы. Но кто бы знал, что свои будут сажать своих за ворота, отнимать у них последнее дорогое и любимое. Кто бы это мог знать... Разве такой жизни желали нам отцы?

А что я? Я тогда мелким был, глупым, думал, что война делает человека непобедимым, почти героем, почти богатырём, а всё оказалось куда прозаичнее, куда страшнее.

Детство, конечно, тоже не ахти какое было: мать постоянно плакала, каждую неделю кого-нибудь да разбивали, лишали имущества, запасов, еды не хватало, делили по крохам и шарикам, потом то одного врага народа посадят, то другого ночью увезут. А жить как-то надо было: сидеть тише во-

ды, ниже травы, утирая солёные слёзы. Привыкли уже все, стали, хоть и с сомнением, но смотреть в светлое будущее. Я отходил три года в школу, чему-то даже научился, да и матери по дому изо дня в день помогал.

А потом отца забрали, с малюсенькой котомкой вещей и глубокими тенями под глазами; почти всех мужиков со временем из округи вызвали. Мать поплакала, обтёрла руки об передник и всучила мне батин топор: так я и стал мужчиной. Через год безвестия и страха нам пришла похоронка, тоненькая, маленькая, на ней чёрные буковки пляшут, а мать над ней рыдает. Она встала, снова обтёрла руки и пошла на завод работать, меня оставила за хозяйством глядеть. Ещё через год от хозяйства осталась квадратная грядочка около двери, коза и я. Мать приносила еду, когда могла, согревала собой, замерзая зимами и молча плача в подушку. Я едва ли не пил эти слёзы. Потом отец появился на пороге, без уха, почти без зубов и волос. Мать снова плакала, потом с завода ушла и вернулась в колхоз, а отец отправился на заработки; мы вдвоём глядели за хозяйством. Соседские мальчишки всё звали меня в шпионов «играть», но я отказался, а их потом в лесу перестреляли, когда они на базу возвращались. Не видел, но мне рассказывали, что их местные нашли: маленькие, синенькие, игрушечные тельца лежали в яме, прижатые друг к другу, будто в короткой дневной дреме. Так и прошли четыре года ужаса, голода, обездоленности. Мы лежали, укрытые измызганным годами полушубком, лежали и

верили, что тот, кто сидит наверху, заботится о нас, и это ничуть не его вина: смерть, желание власти, война – это не его, но, если мы не поможем ему справиться с этим, то тогда уже ничто не поможет. Я засыпал и свято верил, что завтра, а может послезавтра, но это обязательно случится, мы снова сядем все за стол и закусим пирогами с молоком, выпасем скотину, накопаем картошку.

В Зоне же я обречён на вечное страдание, на вечную войну.

11 мая 1993 г.

За два дня мне удалось добраться до десятиэтажек. Я бы смог повернуть это путешествие и за позавчера, но не сверился с картой и ушёл восточнее. Снова оказался на горе, где давно стояли огороды, и, к моему удивлению, я встретил там людей. Старик со старухой, пара одиночек и целая семья поселились здесь. Люди вымыли дома, натаскали вещей из соседних участков, а плохое, сломанное, ненужное выбросили. Каждый говорил, что им здесь нравится: кому вид доставлял удовольствие и напоминал о прошлой жизни, кто ждал тепла, чтобы посадить картошку, кто просто был рад помогать другим. Посидев со стариками за чаем, я осмотрел огород из окна и удивился, что даже здесь люди умудрялись существовать.

– К нам ещё хотели поселиться, но, видать, не срослось у них, – сказал старик.

– Не каркай, старый, может, ещё вернутся.

Они встретили двух девушек, Дарью и Веру, уж больно напомнивших им о внуках, предложили жить в соседних домах и помогать друг другу, но те пообещали, что вернутся, как только немного осмотрятся.

– Вернутся, как же. Не хотят они жить с такими, как мы, развалюхами.

Я не стал ничего обещать старикам: пусть их, может быть,

последние мечты согревают души. А девчонки либо уже в другой части обосновались, либо записались в ряды Первого, а может, давно лежат холодные на асфальте. Свои предположения пожилой паре, конечно же, не сказал.

Вчера добрёл до десятиэтажек, но вместо полных домов, шумных и живых, я нашёл лишь пару-тройку занятых квартир. Где-то рыдали, навзрыд, так скорбно, как можно плакать только по собственной судьбе. И я бы рад успокоить плачущего, но успокаивать было нечем. Где-то о чём-то рассказывали, приглушая голос, но, даже находясь за дверью, я слышал, что разговор шёл о прошлой жизни, о жизни за воротами. Измождение и скорбь звучали в словах говорящих. Где-то ругались: муж отыскивал ящик водки, и жена, виня во всём зелёного змия, бросала посуду, ором орала и кляла Зону на чём свет стоит.

В одной из квартир на верхних этажах, до куда я добирался с тяжёлым рюкзаком и слабыми ногами минут пятнадцать, раздавались гитарные переборы. Уставший, измотанный, я прислонился к стене и, услышав знакомую мелодию, снял рюкзак. Сначала игралась быстрая игривая цыганочка, потом её сменила «Славянка», от которой у меня пошли мурашки по коже, затем весело встряла хороводная, а её перекрыла печальная и полная надежды «Катюша». Звуки медленно и неожиданно перетекали друг в друга, складывались в бесконечную песню жизни. Когда гитара смолкла, я обнаружил, что щеки мои влажны, а ногти сильно вдавились в

ладонь. На лестницу вернулась тишина, упали прощальные лучи солнца, а я всё сидел на рюкзаке и чего-то ждал. Но гитара больше не отзывалась.

Вода и свет всё ещё были на месте, будто кто-то щедро изливал свои дары. Конечно, долго это не продлится, и нужны собственные источники чистой воды и яркого света. С шумом в голове, с взрывающимися криками женщины и с хрустальными переборами гитары я лёг спать.

На утро я не придумал ничего лучше, как спуститься к вокзалу. Побродил между столбов, держащих выгнутую крышу, на стёклах, хрустящих, словно первый снег, рядом со сломанными стульями, одиноко сваленными у стенок. Стоя в тишине, я с ужасом заметил, что снег, грязный и хлипкий, стаял, оставив после себя небольшие лужицы, что деревья слегка озеленились, набросив на себя точки-почки, что птицы уже не поют своих печальных песен, а вовсю чирикают весёлые гимны. Поздно, но всё же приходит весна в Зону.

Снял с себя свитер, натянул на майку рубашку, сдёрнул кальсоны и шерстяные носки. Почувствовал лёгкость, но вместе с ней понял, что зимнюю, тяжёлую и неудобную, одежду мне не унести с собой: если идти куда-то далеко, согнусь в начале и больше ни за что не двинусь. И тут я осознал всю простоту и прелесть слов Ивана Иваныча о том, что когда-нибудь мы осядем. Должно, обязательно должно быть такое место, куда ты мог бы прийти без зазрений совести, свалить с себя сапоги, засунуть ненужную пока что одежду в

шкаф, храпануть по всю Ивановскую, не боясь, что бандиты найдут тебя и поднимут на вилы. Должен быть дом.

К ночи я снова оказался у уже знакомой мне трёхэтажки. Матрос определил мне место и зевая сказал:

– Парни нашли магазин спецодежды, пойдёшь с нами на вылазку?

– Утро вечера мудренее, – ответил я, хотя мысленно согласился.

12 мая 1993 г.

Ровно в 6 утра Матрос с жаром ударил в колокольчик, висящий на первом этаже. Высокий и продолжительный звон разнёсся по всему зданию, спящие сбросили одеяла, молниеносно надели форму и вытянулись по стойке смирно рядом с кроватями. Проходя мимо меня, ещё сонного, ещё не совсем понимающего происходящее, медленно опускающего ноги на пол, Матрос небрежно отпустил:

– Что же, звонок придуман не для тебя?

– Не знал, что ночным поездом можно добраться до другого города.

Матрос хохотнул и тут же поднялся к другим. Влезая в одежду, я понял, что вскочившие люди – совсем не люди, а солдаты. Солдаты, исполняющие приказы главного, не обсуждающие и не осуждающие их. Даже старики, – такие же, как я, может, даже и старше, – стояли ровнёхонько и ждали новых указаний. Натянув наконец берцы, я встал у кровати: нас ничего не объединяет с этими людьми, я ни разу не видел их в лицо, ни разу не слышал их голосов, но краткое, почти незаметное мгновение схлестнуло нас. Руки держались вдоль, голова задёрнулась, и я даже испугался оттого, что вспомнил армию и красное лицо прапорщика. Всего какой-то звон колокольчика сотворил странное и почти необыкновенное чудо.

– Распорядок дня на сегодня, – Матрос, видимо, закончив инструктаж внизу, стоял перед нами с широко расставленными ногами. – Первое: Валерий, Роман, Леонид и Медведь под моим командованием отправляются за спецодеждой, – я едва не вздрогнул, когда он ровным голосом, безразличным и плоским, назвал моё имя, и ясно увидел огромную пропасть, разделяющую нас. – Второе: Олимпиада и Маэлс заканчивают покраску стен на третьем этаже. Третье: не забываем про график уборки; вернусь – проверю. Четвёртое: Антон, Ильич и Анисимов Пётр продолжают сбор провизии.

Люди, чьих имён он касался, либо незаметно кивали, либо опускали глаза в пол, словно их отчитывали, наказывали, унижали.

Скопом пошли в ваннные комнаты: женщины в левый конец этажа, мужчины – в правый. Три кабинки, двери которых едва держатся на петлях, не переставали бурлить и шипеть. Один за одним солдаты подходили к двум металлическим раковинам, брили с мылом, ополаскивали лица, чистили зубы, вытирались одинаковыми полотенцами в полоску и исчезали. Я выбрался из ванной самый последний, как новичок и как чуждый этому месту.

Матрос поднял руку, когда увидел меня, спустившегося в столовую. Почти все столы были заняты людьми, поедающими молочную кашу, сваренную на сгущёнке, и запивающими её только что сваренным компотом. Пышная и розовощёкая женщина, в розоватом переднике, в рубашке с за-

катанными рукавами, в прямой юбке, плотно облегающей её полные ноги, сидела вместе с Матросом; они что-то обсуждали и улыбались.

– Садись, Медведь. Я уж думал: ты пропал там, сгинул среди моих.

– Нормально всё, – отмахнулся я и приступил к завтраку.

– Как первая ночь?

– Спал, как младенец.

Он хлопнул меня по плечу и опрокинул компот. Женщина сверкала глазами, пока я за обе щёки уплетал кашу, и по-особенному счастливо улыбалась. Как будто блюдо в тарелке было заговорённое.

– Знакомься, Медведь, это Роза, наша повариха, – я тебе рассказывал.

– Очень вкусно, – похвалил я её творчество, отчего она улыbnулась ещё шире и ещё радостнее.

– На здоровье.

– Готов идти? – Матрос зажёг сигарету и аккуратно поднёс её к сухим губам.

– Конечно. Только один уговор, Матрос, ладно?

– Не вопрос, – бело-серый пепел плюхнулся в стакан и расплзся в жалких остатках компота.

– Спасибо, что дал мне угол и еду, но я пока не соглашался вступать в твою армию...

– Чего ты? Из-за утреннего? Перестань, я всего лишь подшутил. Понимаешь, – хмуря седые брови, затянулся он, –

мне важно держать дисциплину. Установить здесь порядок и всегда-всегда держать его. Как в казарме, ты сам говорил. Но ты человек чужой здесь, и я тебя заставлять не буду.

– Рад, что ты понял.

Покончив с завтраком, великодушно отблагодарив Розу, поймав её пресчастливую улыбку и поднявшись, я собрался в путь: оставил под кроватью сапоги, тяжёлые и толстые вещи толкнул в тумбочку. Ребята, высокие, плечистые, на вид здоровые и живые, ждали меня внизу. У всех: за спиной – автомат, на бедре – нож и пистолет, на голове – берет чёрного цвета, в глазах – полупогашенный фонарь.

Мы двинулись между домами на запад. Ребята молчали, Матрос изредка посапывал и кряхтел. В казарме особо не замечалось, что он прихрамывает на правую ногу – видимо, боевая рана, – а на улице плечи его волнами качались вверх и вниз. Ближе к проспекту мы услышали грохот, а потом увидели мчащийся по дороге «КамАЗ», тот же самый, что встретился мне по дороге в эту часть города.

– Вот ни хрена себе... – выдохнул Матрос. – Где этот гад нашёл такую красавицу?

– Знал, где искать, – высказался один из ребят.

Грузовик скрылся в дали улиц, оставив толстые кривые дорожки грязи.

– Ну, ничего. Мы тоже кое-что красивое найдём.

13 мая 1993 г.

И Матрос не соврал. В подвале, в закрытом хранилище магазина нас ждали нераскрытые коробки с противогазами и защитными костюмами. Как будто кто-то специально положил их в этот неприметный магазинчик почти на самом краю города. Несколько коробок мы перетаскали ещё вчера, оставшиеся ожидают своей очереди сегодня. Но чувствую, как ломит спину и руки: старость даёт знать о себе. Поэтому ребята отправились в магазин без меня, прихватив с собой ещё кого-то.

Матрос, конечно, рад такой необычной и неожиданной находке. Наверное, в его голове родилось множество планов: по спасению всех в Зоне, по её повсеместному освоению, по достижению территорий, недоступных без обмундирования. Я могу приукрашивать и выдумывать, но все видели, как загорелись его глаза, когда мы открыли крышку и несколько пар пустых стеклянных дыр уставились на нас.

Роза накормила нас, как она окрестила, «добытчиков», макаронами странной вогнутой формы с рыбными консервами и чаем с неизвестно откуда взявшимся мёдом. Слегка пригубив напиток, я едва не заплакал: перед глазами появилась бабушка, кудахчущая о «бедном милом Антошке», который ни в какую не хочет принимать лекарства. Она часто делала молоко с мёдом, когда кашель захватывал меня, но я

упорно отказывался пихать в себя круглые гадкие таблетки. Сладкий, слегка пряный запах влился в меня, взволновал и тут же успокоил. Ребяшня с не меньшим наслаждением распивала чаю, но, в отличие от меня, попросить добавки не решилась.

– Налей ему: заслужил, – улыбнулся Матрос, подмигивая мне.

Я ничего особенного не сделал, но, видимо, тем, что обошёл почти всю Зону, удостоился внимания этого солдата. Он добродушно, как старого товарища, хлопнул меня по плечу.

14 мая 1993 г.

Вот уже две ночи я провожу в казарме Матроса. Ловлю себя на чувстве, что мне хорошо здесь: тепло, сыто, приятная компания, безопасно. Вечером разговорились: я рассказывал о своём небольшом приключении, ребята поведали о нелёгкой судьбе и постоянных утратах. Странно, что меня слушали не перебивая, с некоторым упоением: я совершенно не умею рассказывать, постоянно сбиваюсь, повторяюсь; да и потом, что это за правда, переданная устами очевидца? Всего лишь ложь, страшная сказка.

Планы Матроса нисколько не удивляют меня: найти как можно больше провизии, одежды, оружия, чтобы здесь, в его Казарме, был абсолютный оплот счастливых людей. Тогда я сказал ему:

– Всех тебе не сделать счастливыми, – но понял, что, скорее, говорю это не для него, а для себя.

Я хотел, чтобы в Зоне поселилась Свобода, чтобы каждый мог без осуждений, без принуждений, без зависти выбрать то, что он считает важным и нужным для него. Но Матрос снова и снова доказывает: наверху сидит кто-то, кто говорит тебе быть счастливым или несчастным. И он, Матрос, становится именно тем «кем-то». Надеюсь, что он сдержит своё обещание не воспринимать меня, как своего подчинённого.

Что, собственно, есть счастье? Разве мне ответят на во-

прос? Наверняка, но ответов столько, что я потеряюсь в них и ни за что не найду истины. Потому что её нет. Ни истины, ни счастья, ни свободы нет. Ни там, за воротами, ни здесь, в Зоне.

15 мая 1993 г.

Всё найденное в магазине спецодежды Матрос снёс в подвал. Там же хранятся их запасы еды и оружия. Пока что не очень большие, но им хватит. Кому-то из ребят даже выпала честь примерить защитный костюм: огромный, тяжёлый, полужёсткий чёрный каркас лёг на него неуклюжим панцирем. Прозрачный, похожий на пластиковый, экран ширился от уха и до уха. Нацепив противогаз без патрона, парнишка смотрел малюсенькими глазками на любопытную толпу, едва находящуюся на грани экстаза. Он шагнул – раздался глухой, но громкий топот. В таком далеко не уйдёшь, а с собой тащить неудобно. Но, думаю, снаряжение такого плана прекрасно защитит от высокого уровня радиации, царствующего в центре Зоны.

Матросу я ничего не сказал: со временем он разберётся сам.

Пусть я каждый день окружён людьми – они постоянно что-то рассказывают, о чём-то рассуждают – я не чувствую себя их частью и, наверное, никогда не почувствую. Стена понимания или, наоборот, непонимания отделяет нас, и мне надо, надо скорее уйти отсюда, перебраться в другое место. Обеспечить людям жизнь в каком-нибудь доме, дать еды, воды, тепла, защиты и почувствовать ту самую свободу, которую я всё ещё тщетно ищу, зову, лелею. Стать маленьким ко-

рольком на крохотной территории. Взять и сказать им: «Всё хорошо, живите. Живите и размножайтесь». Сколько из них мне поверит? Сколько пойдёт за мной? Сколько воткнут мне нож в спину? Или, чтобы предотвратить предательство, нужна дисциплина, которой дорожит Матрос, или сильная рука, что сжимает горло подчинённых Первого. У меня нет ни того, ни другого, а значит, мне никогда не стать свободным, никогда не стать у власти. Никогда не понять Зону.

В тетради осталось несколько пустых строчек. Что мне написать на них? Напутственное слово будущим поколениям? Они никогда не простят, что какой-то мужик пытался их научить жить; да и нет в моих записях ни слова про это. Здесь нет ни про любовь, ни про дружбу, ни про радость, а только про одиночество, боль и смерть. Разве им станет лучше, если они прочитают о своей реальности, ещё раз столкнутся с ней? Разве они что-то изменят?..

Я хотел сделать эти страницы мемориалом своих чувств, чувств к вам, мои дорогие, но я потратил их впустую: написал глупую и невразумительную чушь о своей слабости. Неужели оставшееся время, отведённое мне в Зоне, я проведу в таких же бессмысленных и бесполезных попытках чего-то там к чему-нибудь? Неужели мы все к этому идём? Я не хочу верить в это; я не хочу, чтобы это оказалось правдой. Что там будет дальше – никто не знает. Но во мне всё сильнее и сильнее становится ощущение войны: как тогда, когда я был маленьким, внутри клокотало и сжималось, давило из-

нутри и разрывалось на части. Я не мог тогда ничем помочь – моё действие или решение не меняло течение войны; а теперь я могу сделать всё, чтобы предотвратить ужас и смерть. Я могу, но есть нечто намного круче, намного свободнее меня, наверное, это именно то, что называют судьбой.

Тетрадь вторая

27 августа 1993 г.

Некрасов писал: «Мужик что бык: втемяшится В башку какая блажь...», а я добавлю: «стволом её оттудова не выбьешь ни-за-что!»

Вчера перебирал вещи, нашёл пустую тетрадь с загнутыми и смятыми краями, едва не прослезился, вспомнив о Степане, но громкий зов Матроса выбил из меня всю лирику. Как же странно завершать один этап и начинать новый!

Только страницы первой тетради закончились, я плюнул на всё и перебрался в соседний дом за Казармой. Выбрал не самую плохую квартиру на втором этаже, прямо над остатками большого вино-водочного магазина; сначала долго любовался вещами старых хозяев, потом, мысленно попрощавшись с их памятью, всё выбросил. Ребятки-солдатки помогли притащить кровать с верхних этажей, прикатали один из казарменных шкафов. Остальное: стол, два стула, сантехнику, люстру, тумбочку для обуви – приволок сам, заглянув в пустующие квартиры и магазины. Почти две недели я радовался собственной квартире, а потом на меня свалилась скорбь по прошедшим временам, проведённым с семьёй в нашей маленькой квартирке в центре города. Всё казалось,

что сейчас из-за угла между комнатой и кухней покажется Наталья, в сине-зелёном переднике, с загнутыми рукавами кофты, влажными пальцами, попросит наточить нож или помочь Пашуку с домашний заданием. Или блудный сын, потерявший ключи на безумной перемене, тихонько постучится в дверь, или приведет к порогу девчонку, назовёт её женой, или завалится с внучкой, в белых бантиках и лакированных туфельках, держа её на руках. Но ничего не происходило: не появлялась Наталья, ни возникал Пашук, их голоса более не посещали меня, хотя всё, что было натолкано в этих четырёх стенах, стояло так, как в квартире за воротами.

Открывал глаза и думал, что вот-вот почувствую любимый запах Натальиной стряпни, пирожков с луком и яйцами или тонких масляных блинов; вот-вот Пашук толкнёт меня, всучит в руку динозаврика, потёртого на одном боку, придумает на ходу невообразимую историю и заставит рычать на всю квартиру голодным и грозным рыком. Но ничего не происходило: я лежал и смотрел в серый, треснутый потолок, слушал, как бежит секундная стрелка на часах, и изредка плакал. Нет, я скучал не по тем дням, когда жена кричала, обвиняла меня в нашем бедном положении, бросала под ноги тарелки и со слезами на глазах подбирала острые черепки, когда сын боялся подать голос и даже показываться, а я только и делал, что смотрел в пол. Эти воспоминания я стараюсь сразу прогонять; лишь что-то хорошее, приятное хочется помнить, чтобы думалось, словно только это и было

там.

Я плакал, потому что знал, что никто не откроет нам ворота, – это было ясно сразу – что никто не вспомнит о нас спустя какое-то время, кроме близких и родных; что никому мы не нужны: ни здесь, ни там. Будто мы, старые, больные, отсидевшие, неполноценные, и правда были какими-то лишними людьми. Лишними для новой системы, новой власти и нового общества.

И я бежал из квартиры к Матросу, единственному, кто, казалось, понимает меня или закрывает глаза на душевные дилеммы, просто предлагает, почти приказывает, заняться каким-нибудь делом.

Мы отделали третий этаж: отштукатурили потолок, вымазали стены в голубоватой краске, выгребли кладовки, заполнили их инструментами для садоводства, уборки, ремонта – к середине июня. Я собрал смесители из нескольких сломанных, заменил непригодные и дышащие на ладан журавлики, сливные трубы раковин, шланги в душевых – всё, что было по моей части. Странно и волнительно держать в руках то, что раньше заставляло вставать на ноги, даже приносило доход, а сейчас язвительно вкручивалось и будто говорило, что я на что-то годен.

Матрос был несказанно счастлив; в его комнатке только и слышались задорные посвистывания. В июле, когда наконец погода перестала истерить, то заливая нас трёхдневными дождями, то иссушая до безумства, и отметка старого термо-

метра прочно установилась на 19°C, мы превратили подвал в оружейную. Розданные ещё в бараке и найденные в Зоне автоматы, винтовки, пистолеты, пулемёты, гранаты, Молоты, ножи, топоры аккуратно разложили по ящикам. Матрос со своими несколько дней к ряду стругали самодельные пули: как и что у них получилось, я не понял, но уж больно они в тот момент похожи были на фокусников, лукаво демонстрирующих всем пустую шляпу, а затем вытаскивающих свинцового зайку. Каждый день, с 9 до 11, солдатики выстраивались в ровную линию и, вытянув руки, палили по кривым деревянным мишеням. Иногда Матрос насильно заставлял меня стрелять в пухлую, набитую тряпками голову моего противника. Я редко попадал, но Матрос с уважением кивал.

Временами я всё-таки возвращался в квартиру, поворачивая ключ в ржавом гаражном замке, снимая грязную обувь и сваливаясь на кровать. Казалось, что здесь душа находит успокоение, но стоило мне только попривыкнуть, тревога и маета приветствовали меня, как старого друга; и я снова появлялся в Казарме, Матрос приветственно хлопал по плечу и приглашал к обеду. Я не мог сидеть в одиночестве и смотреть, смотреть на шкаф, на кипящий чайник, на встающее и заходящее солнце. Чем дольше я оставался сам с собой, тем больше думал и вспоминал о родных и любимых людях, оторванных от меня, – о Наталье и Пашуке. Но, взваливая рюкзак, полный походной утвари, я забывал обо всём, словно

меня ударили тяжёлым обухом и наглухо перекрывали вентиль воспоминаний.

Август пришёл внезапно и принёс с собой новых солдатиков, неизлечимо больных и глубоко отсидевших. Как оказалось, они шли прямо из крохотного, но с каждым днём крепнущего королевства Вити Первого; вернее, не шли, а бежали оттуда. Цепляясь одной рукой за ложку, полную наваристого супа, другой – за кусок хлеба, они рассказывали, что с ними случилось. Бандит предлагал мизерный паёк, рассчитанный чуть ли не по граммам, и требовал непосильной работы. По словам новеньких, многие были против, но мало кто действительно мог встать и пойти ему наперекор. Лишь этим, доказавшим свою профнепригодность, удалось сбежать и почувствовать себя сытыми и спокойными.

Много чего они рассказали про Витю: про жестокость, про издевательства над провинившимися, редкие, но меткие убийства собственных же подчинённых, постоянно взращиваемую злость и ненависть ко всем, кто живёт в Зоне. Конечно, я несколько не был удивлён, а вот Матрос окончательно понял, что за игру ведёт Первый и какими методами руководствуется. Он даже предлагал какую-то спасительную миссию, но новенькие запротестовали, мол, бесполезно всё это: Витя отыскал где-то оружейный склад и теперь любому готов дать отпор. Матрос подумал, подумал и забыл про всё это дело, а потом в голове поселилась другая идея.

Найденные защитные костюмы и противогазы всё это вре-

мя лежали в уголке оружейной и дожидались своего звёздного часа. Матрос утром и вечером, вместо церковной службы, осматривал карту Зоны, что-то чертил на ней, стирал, снова соединял одно место с другим и, любуясь, отходил от плана местности. Мало-помалу он понимал, для чего на его голову свалился целый арсенал хорошей экипировки, почему к нему пришли ребята, а не поселились в садах вместе со стариками и семейными. Чем больше он думал и рассматривал дорожки, чем больше он крутился около ящиков и чем дольше смотрел в пустые глазницы костюмов, тем глубже в него проникала идея путешествия к центру Зоны.

– Идём, товарищи, идём! – выпалил он однажды.

И никто ему не возразил: то ли от неуверенности, то ли от страха, то ли от слепого доверия. И я молчал. Но молчал не потому, что считал Матроса мечтателем, неразумным лидером, а потому, что в мою голову заползла та же идея, та же навязчивая мысль.

28 августа 1993 г.

Найдя вчера тетрадь, я вернулся к себе, чтобы никто не отвлекал, и снова понял, что Иван Иванович был прав, вдалбливая нам мысль о доме. Должно, обязательно должно быть крохотное место, где на секунду чувствуешь себя собой. Вспоминая одного, воскрешаю в памяти других, и мне становится так жаль, так обидно, что мы разделились. А тогда бы я ни за что бы не встретил ни Матроса, ни солдатиков, ни стариков, ни Лысую.

За вечер собрался с мыслями и написал обо всём, что произошло за лето в Зоне. С утра, наскоро поев, сняв бельё с веревок, пришёл к Казарме, где Матрос с ребятками-солдатками ждали меня.

Двигаясь по широкой, вздыбленной, заваленной машинами главной дороге, мы достигли Дворца. Ребятки разбрелись, мы с Матросом остались посреди дороги. Запустение и одиночество до сих пор глубокой печатью лежали в Зоне: растрескавшиеся стены домов, погнутые ограждения, сиротливые чёрные окна, глухое эхо шагов, вывернутые телефонные будки, ржавый скрип качели. Только деревьям неважно: есть мы или нет нас – они набросили на себя зелень и каждую минуту радостно шелестели, щекочимые ветром.

– Завтра и отправимся, – вдруг сказал Матрос.

– Как завтра? Ты хотел ждать до осени.

– А что мне эти три дня? Они погоды не сделают, – он пошарил по карманам и цокнул: сигареты закончились. – Но вдруг этот Витя Первый заграбастает не только оружие, а ещё такой же арсенал, как у нас.

– Думаешь...

– Я не думаю, но под этого хера прогибаться я не собираюсь! – отрезал Матрос, складывая руки на груди. – У меня в подчинении целая сотня людей, и за каждый их волос я готов воевать. А эта падла срать хотела на всех и вся: ему лишь бы все плясали под его дудку, – он замолк, потёр шею и злобно зашипел: – Ведь если он там найдет чего, я всю жизнь себе этого не прощу.

Видимо, и правда Матрос прикипел душой и сердцем к своим ребятам. А я так, всё мучаюсь и не приткнусь никак.

Солдатики вернулись, рассказали, что вокруг завода творится: тишь да гладь, только на западе в одном из домов живут люди.

Вечером Матрос, поужинав, скрылся в кабинете, на мой стук не ответил, и я решил его не беспокоить. Пусть отмечает, рассчитывает, думает – это его дело. Завалился на кровать, раскрыл найденную в десятиэтажках «Кому на Руси жить хорошо» и снова погрузился в печаль, тянущуюся через всю нашу литературу. Ведь хорошо тому, кто верит в светлое будущее, а у нас, живущих в разваливающихся домах, поглощающих старую еду, глядящих в грязные зеркала, нет никакого будущего, ни светлого, ни тёмного.

За три месяца в Казарме умерло пятеро: кто-то слишком стар, кто-то слишком болен, кто-то слишком уставший. А кто ещё от чего умер? От пули, всаженной благоверной рукой лидера, от лжи, беспечно ляпнутой напарником, от глупой надежды в наше помилование и возвращение, от долгого ожидания, от дыры в сердце. Да я, пожалуй, что умер бы, если б так удачно не встретил Матроса. Дошёл бы до десятиэтажек и лёг помирать. Что ж заставило меня тогда поднять себя и вернуться? Уважение? Любопытство? Скука?

Казарменный свет выключают в полночь, если никто не просит раньше. Я же лежу на самой крайней кровати допоздна, читая под светом лампы, иногда плача над суровой судьбой героев или смеясь вместе с ними. И временами мне кажется, будто я всю жизнь вот так лежу и читаю, и никогда у меня не было родных, близких мне, любимых людей, никогда я не целовал девчонку-соседку, никогда не доил козу, никогда не баюкал сына, никогда не вставал рано утром и не шёл на работу. Разбаловала меня Зона, изменила до неузнаваемости.

29 августа 1993 г.

Матрос свалился с жаром и болью в груди. Женщины разом завертелись вокруг него, как воробушки у огромного куска хлеба. Почти каждые 10 минут кто-нибудь заходил к нему в кабинет, другой выходил, качал головой и поспешно удалялся. Через женщин Матрос отдавал приказы: солдатики, выполнив утреннюю стрелковую разминку, помчались по соседним домам в поисках нуждающихся душ и тел. Во всей Казарме дребезжала предгрозовая тишина – ещё чуть-чуть и грянет грохотом, небо разорвётся, разверзнутся недра земные, и все мы потонем в ужасе и собственной крови.

На самом же деле болезнь Матроса кажется мне неким предостережением, ответом свыше на его слова о скоропалительном путешествии к центру Зоны. Конечно, я никому об этом не сказал и на целый день исчез с глаз ребяток.

Дошёл до садов на восточных холмах, где меня радостно приветствовали старики, спрашивали о жизни вокруг, вскользь вспомнили про девчонок-сестричек, рассказали об их полумирном существовании.

– Всё бы ничего, но где-то в начале июня явился у нас детина один, – старик расправился, показал дряхлыми руками ширину его плеч, – сел на крайний участок и уж как-то странно вёл себя. То придёт, потопчется и уйдёт, то придёт, постучит в окно и сразу уйдёт.

– Ага, а один раз мы ему с дедом – неспециально, конечно, – открыли дверь, – вступила старуха, хлебнув жидкого супа. – Он глянул на нас так, мол, чего вы тут. А мы спросили, вдруг надо чего, так он и удрал – ни слова не пискнул.

– Сначала-то не докумекали, чего он приходил, а потом, дни через два, ночью проснулся, чую: палёным несёт. Её толкаю, – старик хихикнул, – а она и ухом не ведёт.

– Болтай, болтай, – ухмыльнулась она, краснея. – Ну, мы встали, вышли к огороду-то, а там всё полыхает: и сорняки, и картошка, и укроп дикий – всё разом...

– От я и бегом побиг: сначала нашу кадушку опростал, потом соседнюю. Хорошо, хоть на дом не успело перекинуться. Сами-то еле живы остались.

Старики помолчали, дохлёбывая суп. Я смотрел в тарелку, наблюдая за медленно плывущими картофелинами. Мне стало неловко обедать с теми, кто сам голодает, а другому последний кусок отдаёт.

– Да, а потом соседки – Оля из пятого дома по ту сторону да Венерка через три сада туда, – старуха махнула на север, – сказывали, что он тоже приходил к ним, просил масла и спирта, дабы похмелиться. Но вот их участки он не палил, а наш чего-то ему не понравился...

– Может, не ему, а другому кому, кто повыше его стоит.

– Уж ли и здесь власть установилась? Кому теперь налоги платить станем? – посмеялся старик, поглаживая живот.

Таких налогов, как просит Витя Первый, я бы никому не

пожелал. Ничего не ответив, я поблагодарил стариков за всё. Они оставляли меня посидеть до вечера, пихали в руки гостинцы, твёрдую карамель и хрустящие сухари, я, как мог, отказывался и всё думал, что старики видят во мне чуть ли не сына. Спустился вниз, к моему схрону, еле открыл дверь – она разбухла после долгих июньских дождей – набрал консерв, рассыпного чая и каменного сахара. Последний обернул одеждой из шкафчика, раскрошил автоматом да битъём об пол, и принёс всё старикам. Улов не ахти какой, но плакали они, словно увидели золото. Расчувствовавшаяся бабушка крепко обняла меня и на пороге перекрестила. Если б тогда меня не спугнули, если б я всё-таки обратился к Богу, наверное, каждую ночь бы молился за этих прекрасных людей. Всё, что я мог подарить им, – это жалкая, усталая улыбка.

Вечером беготня в Казарме стихла, женщины сидели за большим столом на первом этаже и шили или зашивали бельё. Солдатики попеременно отжимались на кулаках, били захлёт пятками, соревновались, кто дольше устоит на руках. Моего возвращения никто не заметил. Я улёгся с книгой, насасывая приторно-сладкую карамель. Через час из кабинета показался Матрос, позвал жестом и скрылся за дверью.

– Видимо, слишком я понадеялся на себя, – кашлянув, проговорил он. – Если завтра снова свалюсь, придётся отложить всё до следующей недели.

– А если нет?

– Если нет, то двинемся; не будем терять время.

– Что ты хочешь там найти?

– Что угодно, – он плюхнулся на кровать. – Ответы о взрыве, засекреченные материалы, оружие, клад, пустоту – что угодно. Лишь бы до этого не добрался Первый. Лишь бы со-
весть потом не тыкала в меня.

– Тебе бы отдохнуть. Там радиация, а ты сегодня весь день лежа, – голос мой звучал неестественно, по-матерински.

– Что ты мне пилюлю толкаешь? Даже если я сдохну там, как только войдём, нисколько не буду думать, что всё было зазря. Ты всё о вчерашнем да о сегодняшнем думаешь, а я – о завтрашнем! – он поднял указательный палец.

– Да, хорошо, когда за меня уже подумали о будущем.

Матрос почуял яд в моём голосе, сощурился, хотел было что-то сказать, но промолчал. Он уже знал, к чему приведёт наш спор: оба останемся при своём мнении, Матрос – за власть, я – за свободу. Даже за длинные спутанные волосы и бороду перестал поддевать меня; его-то женщины всегда на-
мылят, аккуратно расчешут, где надо сбреют, где надо при-
глядят. А мне в зеркало смотреться не за чем – завернул во-
лосы в хвост, накрутил платок и на лбу завязал, чтобы глаза
хоть что-то видели.

– Идёшь с нами? – полушёпотом спросил он.

– Иду.

30 августа 1993 г.

Солнце залило Казарму с самого утра. Ребятки поднимались без громкого звона колокольчика, медленно заправляли кровати и, одевшись, выстраивались в очередь к умывальникам. Ожидая, пока последний выйдет из-за двери, я почистил автомат, аккуратно разделил патроны, заложил нож в голенище берцев, проверил, цела ли аптечка, и замер с противогазом в руках. Меня будто током ударили, по голове прошёлся стоваттный разряд, и я, неумытый, ворвался в кабинет Матроса. В белой майке, чёрных трусах, он стоял посреди комнатки и потягивался во все стороны. Увидев меня, ничуть не смущаясь, он поставил руки в боки и по-командирски гаркнул:

– Ну?

– Слышь, Матрос. Защитный костюм защитным костюмом, но если эти гады стрелять по нам будут, что тогда?

Он цокнул и нахмурился.

– Совсем об этом не подумал. Предложения?

– В северной части я бункер нашёл...

– Бункер? – глаза его поползли на лоб. – И ты, сволочь, молчал всё это время?

– Дак что я, всё помню, что ли?

– Зубы не заговаривай мне. Где бункер? – он, всё ещё полуголый, развернул на столе карту и ткнул в неё.

Я указал на примерное место.

– Ты погоди, – продолжил я. – Про него всё равно никто не знает: я его заложил, как было, когда уходил. Там и противогазы, и бронежилеты есть. Схрон с едой и одеждой. Как человек тысячи на две, может, три.

– Ты... собака... – сквозь зубы ругался Матрос. – И, главное, молчит, как партизан... Нихрена себе! А если б мы сдохли тут все! Эти бы нагрянули, расстреляли нас, и всё, милый мой! Прощай, свобода!

Полетели камни в мои огороды. Я чувствовал себя пятилетним мальчиком, разбившим мамину любимую вазу. Матрос вздохнул, внимательно глянул на карту, упираясь в неё кулаками, и, подумав, произнёс:

– Ладно, теперь-то уж чего. Значит так. Даю тебе двух бойцов, идёте с ними пешком до туда, – он прилепил палец к точке, где пометил бункер. – А я запрягу других, найдём какой-нибудь драндулет на ходу и примчим к вам. Будем затариваться! – Матрос довольно потёр ладонями, как муха.

Улыбнувшись и тут же погрозив мне кулаком, он быстро оделся и отправился в столовую, где солдатики уплетали манную кашу. Выпалив всё, что я ему рассказал, он ткнул на двух парней, ближе всех сидящих к нему, и приказал им идти пешими, назначил меня к ним главным, расписал, что встретимся на повороте к больнице – оттуда рукой подать – через два дня, проиллюстрировал, что будем делать потом, когда всё привезём сюда, и, шлёпнув по столу, выкрикнул:

– И, наконец, отправимся!

Живость движений Матроса разбудили во мне волнение, такое же, какое захватило, когда на поломанной стойке Иван Иванович обращался к оставшимся на вокзале. Все, кто в большей, кто в меньшей степени, поверили тогда ему, разбрелись кто куда с мыслью о продолжении жизни. А сейчас? К чему это ведёт сейчас? Никто: ни Матрос, ни я, ни солдатики, ни старики, ни Витя Первый – не знает, что нас ждёт там, что за червоточина развернулась в центре Зоны и почему именно там. Будет ли нам так же приятно-волнительно подойти к заводу, открыть его двери и нырнуть в омут прошлого, как было, когда мы заглядывали во дворы, в квартиры и видели правду, разочаровывались в ней, но понимали и принимали.

Я наскоро поел, заполнил рюкзак продовольствием, завернул на него матрац, через плечо перекинул автомат и вышел на улицу, к ожидающим солдатикам. Веня и Олесь кивнули, мы двинули в сторону горы, к садам, далеко за Дворец. Счётчики молчали, но мне всё равно казалось, будто где-то в подкорке раздавалось их назойливое трещание и товарищ кубарем летел с обрыва. Мы благополучно добрались до восточной объездной дороги, вошли в первый попавшийся дом, быстро сготовили обед и пустились дальше.

Вокруг здания госархива, где осели бандиты, стоял патруль из семи-восьми человек; мужики все плечистые, с татуировками на спинах и на костяшках пальцев, в руках обрезы, за поясом – толстенные ножи. Мы, сидя на корточках,

смотрели из-за кустов на пасущихся бегемотов, вскидывающих оружие, харкающих в траву, зычно переговаривающихся и ругающихся. Олесь шепнул, впечатлённый картиной:

– От так фрукты! Ти задумыватися не стануть – раз! – и холова с плечей!

С верхних этажей доносился чей-то крик, быстрый поток матерных слов, глухой грохот и звон, словно кто-то переворачивал мебель верх дном. Бандиты ухмылялись и выдавали что-то вроде:

– Эх, и досталось сегодня Верке на орехи!

Истошные крики уставшего от постоянных мучений существа заглушали смешки мужиков, напряжённое дыхание солдатиков, моё сердцебиение. Жалея, что ничем не могу помочь бедной женщине, оставаясь в тени кустов, как трус, как шпион, как убийца, я брёл мимо здания, стараясь не поднимать головы. Стоило ли наше задание чьей-то жизни?

31 августа 1993 г.

Мы шли весь вечер и всю ночь, попеременно включая и выключая фонари. К утру остановились в соседнем от Лысой доме, улеглись на жёстких кроватях, проспали полдня. Проснувшись, позавтракали. Я долго смотрел за окно в ожидании появления Матроса на драндулете, но дорога пустовала, и с каждой минутой становилось боязно, что его отрядец давно у бункера, а мы тут кукуем и ждём у моря погоды. Олесь ходил из угла в угол, Веня отрыл в столе счёты и, толкая пальцем колёсики, громко щёлкал. Осмотрев местность перед домом, я предложил собраться и подождать Матроса в другом месте, ближе к бункеру. Парнишки не возмутились: молча взвалили рюкзаки и потопали за мной.

Вот уже в третий раз подходил я к фонтану, стоящему на пересечении домов. Всё так же вокруг валялась сухая старая листва, деревья склонялись над пустынными чашами, скамейки были разломаны и схвачены сорняками. Ребята почти одновременно вздохнули, когда увидели фонтан; Веня, подняв с земли монетку, бросил её в мшистую чашу. Звонкий радостный звук металла эхом отразился от стен домов, и даже чьи-то удивлённые глаза показались в окне верхнего этажа. Мужчина фыркнул и скрылся.

Мы немного подождали Матроса, прошлись по проспекту мимо старых вывесок хозяйственных, обувных, вещевых,

аптечных магазинов, блёклых, словно умерших, видели спешащую из магазина женщину, сгибающуюся под тяжестью рюкзака, но казарменных не встретили.

Ближе к ночи зашли в дом, что напротив поворота к больнице, сварили каши с консервами, глазели в окно. Вот чего нам так не хватало – сообщения. Мы разрознены и разорваны друг от друга, когда не можем узнать, кто, где есть, через сколько появится здесь или что его так задержало. Связи между нами не было; и до сих пор, к моему удивлению, не знаем, есть ли здесь радиовышка. Свернувшийся калачиком на крохотном диване Олесь тихо сопел и дёргал ногами. Веня, держа у щеки автомат, а уши – у двери, почти не шевелился в ожидании новостей о свете фар. Но я молчал: дорога пуста.

Странно, что Матрос не позволил ни нам взять те велосипеды, что солдатики нашли в спортивном магазине, ни дать кому-то из своей группы, чтобы солдатики добрались до нас и сообщили, как долго их ждать. Велосипеды, большие, с толстыми, но сдутыми колёсами, стояли и будто только ждали чьей-нибудь загребушей руки. Ребятки отыскивали трубы и подвески, цепи и насос, корзины и тележки, волшебным образом смастерили три велосипедных титана и несколько дней ездили до десятиэтажек, до соседних домов, где жили люди, где кто-то уже не мог встать, у кого-то не было сил, кто-то в полуприпадке боялся выйти из дома. Матрос даром слов на ветер не бросает и, как может, помогает нуждающим-

ся: снабжает то едой, то золотыми руками, а то и сам заходит. А сейчас, мы, отрезанные от своих, сидели в доме напротив больницы и ждали чудесного появления жёлтых фар.

1 сентября 1993 г.

Когда я проснулся, парни, сосредоточенные, словно скованные одним нервом, стояли на позициях и ждали малейшего сигнала от казарменных. Хмурый взгляд Олеся, устремлённый в окно, передал моему сонному существу волнение. Тяжесть, упавшая на нашей маленькой станции, расползается плесенью, и не хочется ничего говорить. Ожидание и неопределённость сковывают изнутри.

Сварил макароны, вытряхнул тушёнку – и такой завтрак съели за милую душу. Потом Веня бухнулся спать, а я снова уселся у окна. Однообразные пятиэтажки чёрными и местами едва блестящими глазницами уставились друг на друга в бесконечном молчаливом предчувствии. Над ними промчался одинокий воробей, неизвестно откуда взявшийся здесь. Деревья всё ещё зеленоватой листвой шелестели и замирая склонялись над дорогой.

Матроса всё не было. Сегодня – условленный день, и если казарменные не дадут о себе знать, то что нам делать? Возвращаться или ждать? Так ли важны нам противогазы и бронежилеты? Что-то мы уже нашли, что-то даже улучшили, приладив к трубе вместо вентиля рычаг. И что ж это за странный город получается: в какой магазин ни зайди, везде оружие есть, везде противогазы и коробочки первой помощи? Что тут было до нас? Разве те, кто сослал сюда «лиш-

них людей», не знали, что здесь хранится, что вообще происходило? Или ни один не додумался, что мы не погрём в первый же день? Или они всё знали, но терпеливо и лукаво молчали, лишь бы их цель была достигнута? Или им было попросту всё равно? Подумаешь, и страшно становится.

Вечер провели за картами, ругаясь по-сапожнички, неистово рубя козырями. Олесь морщил нос и поджимал верхнюю губу, чувствуя, что игра идёт не в его пользу, с тяжёлым сердцем выкладывал карту или едва трясущимися пальцами забирал недобитые. Веня пыхтел перед каждым ходом, с прищуром осматривал наши руки и, победоносно подняв голову, наступал. Я лишь смеялся над мальчишками, выпивая очередную чашку чая и думая об их серьёзном отношении к какой-то игре.

Так никто и не объявился. Временами показывалась женщина, живущая через дорогу, волочащая на себе горб-рюкзак, в доме за фонтаном появлялись головы и почти тут же исчезали. Казарменных на машине не было.

2 сентября 1993 г.

– Тихо сеходни, – проговорил Олесь, осматривая улицу.

Желтоватый рассвет разливался на светло-голубом небе, над лесом едва-едва показывалась краюшка солнца. Ни ветра, ни свиста, ни шороха, ни случайной птичьей песни – ничего не было слышно, будто глухая пелена упала на город и крепко сковала его. Дорога пустовала.

– Кохды они приедут? – шептал парнишка, обращаясь то ли к себе, то ли ни к кому. Он поморщился, вздохнул и уселся рядом со мной.

– Что делать-то будем? Матрос на вчера встречу назначал.

Ребятки, потупившись в деревянный пол, молчали. Вот и я не знал, что сказать: идти навстречу – навлечь на себя злость Матроса, а то и подорвать всю операцию, столкнувшись с бандитами; здесь оставаться – сидеть, как на необитаемом острове, и не знать, что и где происходит. Можно было бы послать парнишек на разведку, но кто знает, что с ними случится; или самому пойти – так не уверен, что сам жив останусь. Мы вздохнули.

Писать о прошлом, о богатой, необычайно изменчивой истории места, о судьбах людей, изменивших его к лучшему или худшему, легче, чем писать о настоящем. Оно по капле, по долгим секундам живёт вместе со мной, и как бы я ни старался, прошлым оно станет не скорее, как то нужно будет.

«Всему своё время,» – писали древние люди. А те, кто был до них, и того не писали. Первые люди не вели дневников: они жили, как жили.

Но, сидя на третьем этаже брошенного дома, глядя из окна на разваливающуюся дорогу, поросшую травой и залепленную грязью, я хочу писать обо всём, что происходит в Зоне. Пусть об этом никто и никогда не узнает.

Медленно и тягуче длился день: попеременно меняясь постами, мы с ребятами нарезали чуть ли не сотню кругов, пока на небе не заблестали звёзды. Веня снова разложил карты, но я отказался играть, и Олесь, хмурясь и подгёживая, отбивался и с остервенением нападал.

Небо позднего лета уже не слишком светло, каким было в середине июля, но и не настолько темно, как зимнее. Мелкие и золотистые небесные светлячки подмигивали и скрывались, на их месте загорались другие, серебристые, и вот, будто громадный концертный зал, небо переливалось в звёздном танце. В детстве, бывало, ляжешь на траву, долго-долго смотришь вверх, думаешь, что кто-то пытается разговаривать с тобой, посылая загадочные сообщения через мигания и вспыхивания. Это потом уже понимаешь, что никому ты не нужен и всем дела нет до тебя, а вот почему-то не прекращаешь смотреть на небо, такое далёкое, такое манящее, такое равнодушное, и иногда даже зачитаешь что-то, похожее на молитву. Оглянешься, правда, пару раз – вдруг подслушивают – а всё равно хорошо в душе становится. И вот сейчас,

глядя в блистающее небо Зоны, темнеющее с каждой минутой, хочу помолиться, вспомнить всех, кто дорог мне, но не выходит. Слово, с которого всё начинается, не приходит, не отзывается внутри.

Ребятки уснули за столом, закончив неистовую карточную бойню. За что они-то сюда попали? Сердце слабое? Сидели два срока? Они же матросовские, да и не похожи на больных. А девчонок, Дарью и Веру, за что? Ладно я, старый, ладно Витя, сидевший, но неужели больных так сложно вылечить? Лучше б на те деньги, что на нас извели, построили нормальную больницу, а не карцер, и вылечили – многие бы вернулись в «строй». Наверное, проще отрезать и выбросить, чем постоянно оберегать, замазывать, лелеять. Что же ждёт нас потом? Когда придут другие? Год, два?

Чего уж там. Надо достичь центра Зоны и либо открыть правду об этом месте, либо навсегда её погрести.

3 сентября 1993 г.

Не сразу я понял, что разбудило меня тарахтение мотора. Ребятки повскакивали с мест, карты, словно листопад, разлетелись, и, спешно поднимая разрисованные картонки, пытаюсь одновременно выглянуть в окно, парни охали и ахали. На дороге красовался «Урал», с огромными толстыми шинами, погнутым бампером, широким закрытым кузовом. В кабине сидел солдатик Казбек, улыбающийся во все тридцать три и поправляющий шапку, дергая её за козырёк. С пассажирского сидения спрыгнул Матрос, довольный, светящийся счастьем, в полном обмундировании.

– Ну, какова лошадка? – крикнул он, подмигивая.

– Прелесть!

– Що так долхо? – Олесь поднялся, держа в руках смятые карты.

– Не умничай там, умник! Договорись, и заставлю бегать вокруг всей Зоны! – ради приличия Матрос сдвинул брови и погрозил кулаком.

Проворчав что-то там про гада, солдатик вернулся к Вене, отдавая ему карты.

Через полчаса сборов, круговых осмотров и бесконечных хвалений грузовика мы наконец въехали на гору по дорожке, ведущей к больнице. Я бросил быстрый взгляд на серый памятник, по-прежнему безмятежно стоявший на своём месте.

Ничто не меняется ни с временем года, ни просто со временем. Что же будет через двадцать лет? Памятники – здесь же, на площади, всё ещё взывая к светлому будущему, а я – уже в могиле, скорее всего неизвестной и безымянной.

Остановив машину в лесочке, Казбек поинтересовался, как далеко до этого бункера, я ответил, что надо только отыскать старую водонапорную башню, а там рукой подать. Найти её оказалось просто, и водитель, боясь, что у бункера будет мало места, заглушил двигатель. Матрос, Веня и я отправились по дороге на север. Будка, такая же заброшенная, всё ещё заваленная хламом и сторожимая трупом охранника, стояла на своём месте. Матрос присвистнул, шепча:

– Я б сюда не сунулся. Вас-то чего дёрнуло?

– Я тогда один уже шёл. Любопытство, наверное, – согнувшись, я начал отодвигать доски.

Втроём открыть дверь оказалось проще: разом напрягшись, повернули вентиль, и он легко, с тихим скрипом крутанулся. Бронебойная дверь открылась, впуская нас в темноту и пустоту.

– Неплохо они тут устроились, – свистнул Матрос, проходя по коридорам, ведущим к входной двери бункера.

– В том-то и дело, что не было здесь никого.

– Как?

– Жопой «квак», – сорвалось у меня от жалости и злости. – Людей на кой-то чёрт вывезли из города и распихали по чужим местам. Тут всё нетронутое, как вчера привезли.

Молча мы вошли в небольшой холл, откуда тянулся петляющий коридор, соединяющий комнатки. Матрос заглянул в первую, посмотрел по углам, зашёл во вторую, но и там не было ничего, что бы говорило о проживании кого-либо. Белые стены, тёмно-синие покрывала, подушки уголком, ровные полочки, задвинутые стулья, поднятые столики – ничего из этого не касалась рука человека. Мужики поёжились.

Угловые комнаты, отведённые под склады, всё ещё стояли полные: предмет к предмету. словно проснувшись ото сна, Матрос взял противогаз и, глядя в его пустые стеклянные глазницы, прошипел:

– Зажопить всё хотел, а, Медведь? Сколько добра, смотри, Венька! И этот гад молчал до последнего, пока не припёрло, – цокнул он. – Думал, что сможешь избавиться от меня в центре, себе место моё прикарманить? А припёрло – пошёл и всё выдал, – захохотав, он положил противогаз на полку и приблизился ко мне. – Что молчишь? Не так, что ли?

– Матрос, что за бред в твоей голове? Если бы хотел, я бы сразу забрал и тебе ни слова бы не сказал.

– Но почему ты тогда сказал? – сощурился он.

– Не раздувай мухи на пустом месте. Я бы молчал дальше, но вспомнил, вспомнил, что был здесь, что взял противогаз, – ткнул я в пустующее место в конце ряда, – что тут много вещей, и они могут пригодиться в Казарме.

– В «Казарме»? – он хмыкнул. Кроме меня, никто так не называл то здание, где живут и тренируются солдатики. –

Может, это и правда казарма. Но ты... – Матрос поднял указательный палец и, сжимая губы, подбирал слова. – Хрен с тобой. Но, ей-богу, не понимаю, почему ты вдруг рассказал об этом.

– Не хочу, чтоб мы все там сдохли.

– Тут тушёнки на сто лет хватит! – крикнул Веня из соседнего склада.

Матрос злобно посмотрел на меня и вздохнул. Болея душой и телом за своих, он видит врага народа даже во мне. Во мне, который ни разу не сделал ничего против него и солдатиков.

Отыскав где-то накладную, Матрос пробежал глазами, что-то в уме посчитал и, отдав Вене приказ позвать ребяток, снова исчез в стеллажах с едой. С одной стороны, я понимаю его чувства: никто, кроме него, не порадеет за ту сотню душ, что легла на его попечение, они останутся сиротами, если вдруг что случится. С другой стороны, чрезмерное «отцовство» возбуждает в нём подозрительность и злость ко всему, что направлено против его целей. Матрос, которого я встретил, уснул где-то глубоко в Матросе, который шипит и тычет в меня.

Полдня мы таскали одежду, противогазы, бронежилеты, консервы, складывали всё у лестницы, едва ли не по нескольку штук поднимали наверх. Строительная ошибка поставить на выходе лестницу, навроде пожарной, сыграла с нами злую шутку: взбираться было неудобно и тяжело. Закрыв кузов,

мы вздохнули после долгой физической и моральной нагрузки. Над головами темнело небо, переливающееся у горизонта фиолетово-жёлтым закатом, прощальные лучи солнца золотили редкие мягкие облака. Так всю жизнь будешь крутиться, как белка в колесе, бежать за собственным хвостом, чтобы однажды схватить его и не понять, а для чего всё это нужно. Только небо плевать хотело на наши мелкие проблемы, желания и цели, да и на нас самих. Лёгкий дымок матросовской сигареты поднимался вверх и растворялся в вечернем, прохладном воздухе. Солдатики молчали, катая под ногами камни и украдкой глядя на старшего, а Матрос всё улыбался, глядя на грузовик, и, казалось, внутренне ликовал, так светились его глаза.

Ночь пришлось провести в лесу: недалеко от башни, чтобы не выдавать положения бункера, разожгли костёр, сготовили суп с рыбной консервой и развалились, кто – на матрацах, кто – на куртках.

– Эх, сейчас бы картошечки с лучком да с водочкой! – вздохнул Матрос, поглаживая живот.

– Нэ-нэ, товариш Матрос, – смеясь замахал руками Казбек, – сэйчас бы гитарочку!

– И её бы тоже.

Он оправился, сел поудобнее и, глядя на весело пляшущее пламя, кашлянул. Солдатики словно застыли в ожидании то ли нового приказа, то ли продолжения душевных излияний старшего. Над тёмными верхушками остроконечных

елей мигали звёздочки, уставшие спины гладил холодноватый ветер. Где-то на другом конце Зоны уже спали казарменные, боящиеся предстоящего похода и ожидающие его, как переход по дну Красного моря; где-то на широкой старой кровати жались друг к другу старики и семейные, чья голова полнилась посевными проблемами; где-то в стенах с обваленной штукатуркой восседал Витя Первый и хитрым голодным взглядом окидывал карту. И где-то далеко-далеко, ещё дальше, чем край Зоны, наши любимые и близкие люди видят сны или уже собираются на работу, и, надеюсь, временами они вспоминают нас, запертых здесь.

Сверкающие глаза уставились в оранжево-жёлтое пламя. Покоящаяся на колене рука держала тлеющую сигарету. Матрос замер, застыл, будто намертво вкрученная гайка. И хриплым грудным голосом он запел:

«Меньше трёх минут мне осталось жить.

Я стою и жду у холодной стены.

Я не знаю тех, кто меня убьёт.

Им на всё плевать – приказ есть приказ!»

4 сентября 1993 г.

Вернувшись в Казарму, мы с только что проснувшимися солдатиками сгрузили всё в оружейную, распределили по ящикам, Матрос составил смету, доверил её Олимпиаде, старушке с беззубым ртом и длинным хвостом, некогда бывшей бухгалтером. До обеда шаги Матроса, раздававшиеся по всему зданию, не смолкали: то тут, то там требовался его внимательный и строгий взгляд, он расправлял плечи, быстро тыкал в нужное место и уносился на другой этаж. Роза, пышная розовощёкая повариха, беспокоило следящая за набегами Матроса, пересолила безмясной борщ, о чём смолчали все, а суровый начальник и вовсе ничего не заметил: поставил тарелку и скрылся в своём кабинете.

К вечеру он снова показался, загнал всех молодых, крепких, хорошо держащих ствол в руке в оружейную, заставил примерить бронежилеты, защитные костюмы, противогазы, а за спину нахлобучить рюкзак. Неудобный, сковывающий движения, мешающий обзору костюм сидел на мне и на многих мешком, но Матрос кричал и одёргивал, что, мол, это вам не дом мод. Наполненный гранатами, патронами, растолканными по карманам, рюкзак давил на плечи и гнул к низу. Облачившись в тёмно-зелёный кокон, Матрос ухнул, ощутив всю прелесть полного обмундирования, но не сдался, а заставил всех трижды пробежаться вокруг Казармы.

Спустя несколько минут затея показалась не такой радужной. Мокрые, уставшие, выжатые, словно лимоны, мы с трудом дышали через ещё не заткнутые патронами противогазы, едва держались на ногах, сбрасывали с себя рюкзаки и, проклиная всё на свете, сдирали костюмы.

Наверное, решив, что нам ещё рано выходить на поле боя, Матрос ничего не сказал про вылазку и скомандовал отбой.

5 сентября 1993 г.

Тело ноет, и его тянет в разные стороны. Движение малейшим мускулом отдаётся болью и сопротивлением всему. Кто-то же поднялся как ни в чём не бывало.

За завтраком Матрос снова ни слова не сказал про вылазку, но увеличил нормы тренировки раза в три.

Прежде чем солдатики разошлись по делам, Петрушка, низенький веснушчатый парень, подскочил к Матросу и, едва шепча, произнёс:

– Прошу пройти со мной, товарищ Матрос.

– Что случилось? – белые мохнатые брови вскинулись и тут же нахмурились.

Солдатик ничего не ответил, лишь жестом позвал за собой старшего. Мы двинулись за ним, спустились в оружейную, подошли ко всегда запертой двери в углу, и Петрушка лёгким движением толкнул её. Скрипя, она ударилась о стену и замерла.

– Пока Вы отсутствовали, нам удалось открыть дверь, – жуя губу, говорил парень. – Этот проход ведёт к другой двери... Там, за ней, продовольственный магазин.

– Что? – Матрос едва не задохнулся от собственного удивления. Он закашлялся и, ткнув в проход, рубанул: – Веди!

Захватив фонари, мы шли друг за другом в невысоком туннеле, стены и полы которого были сделаны, казалось, из

тех же материалов, что и бункер. Глухим эхом наши шершавые шаги раздавались всюду: впереди, словно кто-то идёт нам навстречу, и сзади, будто нас догоняют. Вскоре Петрушка остановился и, отодвинув засов, открыл дверь. Нас встретили неширокие металлические шкафчики с одеждой, брошенная обувь, сломанные ящики. У стен маленького магазинчика стояли морозильники, некогда хранившие продукты, на полках ровным рядом стояли консервы, крупы, лапша, сладости – всё, как я оставлял.

– Вот так да, – присвистнул Матрос. – Зачем же они соединили этот магазинчик со складом?

Петрушка скривил розовые губы, пожал плечами и, протягивая руку к пачке чая, улыбнулся: будет чем потешить живот. Видимо, он заметил мой вопросительный взгляд и спросил:

– Что случилось?

– Хоть бы разрешения спросил, – услышал я свой усталый голос.

– С чего бы? Или твоё всё это? – поинтересовался Матрос, тыкая на полки.

Я кивнул. Веснушки парня виновато дёрнулись, Петрушка положил пачку на место, но я всучил шуршащую коробочку обратно.

– Закройте наверху проход, заставьте дверь морозилками – пусть никто сюда не суётся, – скомандовал Матрос и вернулся к коридору. Солдатик отдал честь ничего не видящему

старшему и последовал за ним, благодарно улыбаясь мне.

Странные дела происходят в этом городе: то чистый, нетронутый бункер чуть ли не на краю карты попадает, то бронированный подземный переход от магазина до хозяйской постройки, то защитные костюмы на складе, то всюду разбросанное оружие. Зачем огородили территорию; только ли чтобы мы не сбежали или по какой-то другой причине? Что нас встретит в центре Зоны: ядерное оружие, ракеты, танки? И так ли умно было решение затолкать нас сюда? Вопросы сыплются на голову, но ничего, кроме удивления и непонимания, они не рожают.

Через час или больше я вернулся в Казарму. Матрос следил за солдатиками в оружейной, требовал точности попаданий, кричал и размахивал руками, когда что-то шло не по его плану. Олесь, схлопотавший наказание, кружил у здания, бесшумно выругивался и, возвращаясь в подвал, ненадолго оставлял спесь и недовольство за дверью, пока эти «мерзопакостные козни» не догоняли хозяина и он снова выпаливал нечто неприятное и колкое. Веня, как и другие солдатики, втихомолку поглядывал на постоянные столкновения Олеси с Матросом, но спохватывался и целясь прищуривался. Некоторые отделивались облегчённой версией наказания и отжимались, надевая на спину тяжеленные рюкзаки. Матрос, которого язык и тянулось назвать «прапором», шагал вдоль вереницы провинившихся и едва ли не покрывал их благим матом. Но долго выпаливать унижения он не мог – позади

шипел Олесь:

– Шоб ти провалился!

– Рядовой Прохарчук! – разносилось по всей Казарме. – Выйти из строя и повторить то, что ляпнул ваш поганый рот!

Солдатики замирали, сжимались и, лоя злобный взгляд Матроса, отворачивались, возвращались к своим нормативам. Олесь снова бежал вокруг здания, Матрос снова качал головой и отдавал новые распоряжения.

Обед отодвинулся, ужин не наступил вовсе. Когда солнце только-только зашло за горизонт, небо покрылось лёгкими красноватыми облачками, в Казарме наступила тишина: солдатики, уставшие и полуголодные, спали, как младенцы. Матрос, куривший у открытого окна, вздыхал:

– Вот что мне делать?

С той минуты, как я зашёл к нему, он трижды задал этот вопрос, но ответ на него так и не получил. Почёсывая бритый подбородок, он смотрел на соседние дома, в отдельных глазницах которых блестели лампочки. Пепел, неаккуратно падающий, прилипал к его куртке и тыльной стороне ладони. Иногда Матрос замечал его и стряхивал, оставляя серый след.

– Вот что мне делать?

– С чем: с вылазкой или Олесем?

Он махнул рукой и, глядя на карту, помигал.

– Вылазку теперь придётся отложить. А Олесю посажу на хлеб и воду – будет знать, как зубоскалить у меня!

– Почему отложить? Ты же сам хотел первого числа выйти, ещё кричал, что, мол, Первый явится туда первым, а ты себе не простишь.

– А что ж я сделаю, если в этих костюмах ходить невозможно?

– Раньше надо было думать.

– «Думать-думать». А ты-то вообще думаешь? Мы из-за тебя чуть не сдохли.

– Не понял.

Матрос фыркнул, сбросил пепел и, всё ещё глядя на чернеющее небо, проговорил:

– Искали мы хорошую машину на ходу, чтобы и всё влезало, и по грязи ничего было. А тут – только ржавые легкие да маршрутное. Мы нашли за зданием госархива приличный такой агрегат, большой, почти целый, а тут бандиты выползли, сволочи базарные, – он выбросил сигарету в окно и вздохнул. – Послали подальше, мол, их это «КамАЗ», а нам тут делать нечего; я предложил было одолжить ненадолго, а потом подумал, что своё есть своё. Стволом угрожали, до соседнего здания вели на мушке, словно каторжных каких. Уже ночью мы с Казбеком пробрались к ним на зады: стоят три грузовика, все равны как на подбор. Повезло, что какой-то балбес забыл ключ в зажигании.

– Значит, вы украли «Урал» у бандитов? – не веря своим ушам, спросил я.

– Делать было нечего: пустые руки делу не подмога. Да и

потом, время подходило, раздумывать некогда.

– Так а я тут при чём?

– Это ты вспомнил про бункер перед вылазкой, – плевался Матрос, едва сдерживая гнев. – Всё нормально было б, если б не ты! Всю операцию коту под хвост подвёл.

– Как же, нормально, подошли бы там, вдруг что.

– Да что там может быть? Одни обломки и радиация.

– А что же ты мылишься туда? – хмыкнул я.

– Так, может, не только обломки ещё остались там. И вообще, чтобы не гадать, нужно сходить и узнать.

Он протянул мне ладонь, но, держа в своём озлобленном мозгу, что вот уже третий раз Матрос срывается на меня, я молча поднялся и вышел из кабинета.

6 сентября 1993 г.

Представляю, что кричал Матрос, когда увидел, что кровать моя пустует, тарелка с завтраком полна, а место в оружейной занял другой солдатик. После нашего разговора я вернулся домой и долго не мог уснуть: в голове крутился вопрос: почему же Матрос так поменял своё отношения ко мне? У меня не было никаких глобальных секретов, стоящих ему или солдатикам жизни, я всего лишь забыл рассказать о бункере. Память человеческая – ненадёжная вещь: ты доверяешь ей всё, а остаётся лишь то, о чём всю жизнь помнить не хочется.

Солдатики на славу залепили дверь магазина, и теперь единственный проход был только со стороны Казармы, куда я не планировал возвращаться в ближайшее время. Пришлось шататься по другим местам. В крохотном магазинчике на западной стороне я столкнулся с мужчиной. В помятой куртке, пыльных кроссовках, со скособоченным рюкзаком, он устало улыбнулся и, будто защищая свой улов, держался ко мне спиной. Под глазами легла глубокая синева, тонкие, костлявые пальцы дрожа складывали банку за банкой. Закончив наполнение, он повернулся ко мне, поднял указательный палец, как будто хотел покрестить им, выдал улыбку и вышел. Пока мы с пеной у рта пытаемся доказать свою правоту, в маленьких комнатках сидят одинокие,

голодные и больные люди. Могут ли я им помочь?

Выбравшись на улицу, я осознал, что совсем ничего не взял и что теперь не пойду к старикам, как того хотел. Почему-то – может, во всём виноват этот мужчина – на глаза навернулись слёзы и впервые я почувствовал, как сильно скучаю по Ивану Ивановичу. Столько времени прошло с тех пор, как мы покинули его дом у озера, и пусть изредка я вспоминал его, но не делал попыток прийти к нему, рассказать, чего я достиг, спросить про выкопанную картошку, выпить чаю из самовара, посмотреть на озеро в закате.

Вернувшись, я обнаружил записку на двери, в ней Матрос просил и приказывал вернуться в Казарму, назначая дату вылазки на 15 число. Поддаваясь волне равнодушия и усталости, я скомкал бумажку и выбросил её.

7 сентября 1993 г.

Громкий тяжёлый стук в дверь разбудил меня. В семейных трусах, с заспанными глазами, я открыл дверь и впустил Матроса, осунувшегося, ещё больше поседевшего. Молча разогрел чайник, плеснул в две кружки крепкого чаю и радушно пригласил гостя к столу.

– Слышь, Медведь, прости меня, – панибратски проговорил Матрос, уставившись в кружку. – Муха меня укусила.

– Что-то уж больно часто она стала кусать тебя.

– Знаю, но и ты, чёрт возьми, должен меня понять, – взвился он и снова сгорбился. – Тебе что – пришёл-ушёл, а я за них, за каждого, отвечаю.

– Отвечай, а за меня не надо, и вешать на меня трупы тоже... не надо. Я не просил воровать у бандитов. Может, ничего этого не было бы, если б между нами была связь.

Матрос удивлённо взглянул на меня и, призадумавшись, отпивая чаю, обжёгся:

– Ах ты ж..! Вот ведь зараза! Связь, говоришь? Дело хорошее, вот только без радиовышки нам её не устроить.

– Есть ли она здесь вообще?

– Есть, – кивнул Матрос, – в центре Зоны.

И так, и эдак приходится идти к этому заводу, возвышающемуся над всеми зданиями в Зоне. Я вздохнул и, прикончив завтрак, вернулся в комнату.

– Ты идёшь с нами? – неуверенно спросил Матрос, глядя на меня, одевающегося, собирающего рюкзак, сворачивающего матрац.

– Не обижайся, Матрос, но я не могу ничего обещать. Я ухожу сегодня, успею ли вернуться – не знаю.

– Что за чёрт тебя дёрнул? – цокнул он.

– Разыщу старых товарищей: давно не виделись.

– Может, они умерли давно, а ты прёшься через всю Зону.

– Может, и умерли, – согласился я, но внутренне протестовал и бушевал. Неизвестно отчего только сейчас хочется бросить всё и всех и уйти куда подальше. Поэтому я, уже готовый, стоял у выхода и глазами молил Матроса выметаться из квартиры.

– Нужно оно тебе?

– А тебе? – буркнул я. Но вопрос мой странно подействовал на мужика: он потупился и молча выбрался на лестницу.

Он проводил меня до Казармы, я попрощался с Розой и некоторыми солдатиками, стоявшими на крыльце. Матрос хлопнул по плечу в знак прощания и с надеждой на моё возвращение улыбнулся.

Уже после полудня подходил я ко Дворцу и почти повернул ко дворам, как заметил чёрную толпу, движущуюся со стороны восточной объездной. Как только она приближалась к заводу, тут же, словно отдёргнутая от огня рука, шарахалась в сторону. Спустя пару прерывистых переходов она скрылась за домом. Любопытство было не просто сильным, а непре-

одолимым.

Подобравшись к зданию как можно ближе, я услышал медленное и тихое щелканье счётчика, которое разрубил громкий голос.

– Ну и чё? Нахера мы сюда припёрлись? – кто-то шумно сплюнул на разломанный асфальт.

Ответа не последовало, но послышались удары и крикоте-ния. Выглянуть со стороны дороги было бы рискованно, по-этому я обошёл дом с восточной стороны и присел за дикими кустами шиповника. У подъезда, где лежали выдернутые перила, сломанные ступени, стояли бандиты в тёмных куртках и порванных тельняшках. У каждого в руке сжато ружьё, за поясом спрятаны ножи, да и в рюкзаках наверняка имелся не один патрон, не одна граната. Склонившийся над землёй, аккуратно прикладывающий рукав к кровавому носу мужчина злобно оглядывал подельников, но выступить против не решался.

– Ещё есть у кого-нибудь вопросы? – раздался голос Вити Первого.

Толпа закачала головами, неловко потопталась.

– Всё, пошли.

Он двинулся в сторону завода, но бандиты стояли на месте в нерешительности, не зная, было ли это хорошей идеей. Мужчина с разбитым носом уселся на асфальт, достал бинт и, не разворачивая его, целым куском приложил к кроваво-му фонтану.

– Чё встали?

– Витя... ну, это... – кто-то проблеял в толпе.

Первый, играя желваками, сжав кулаки, вернулся к своим и пробурчал:

– Что «Витя»? Что? Мы всё обсудили, в чём проблема, мать твою?

– Ёлки-палки! Да тут сквозит, как в ядре атомной электростанции!

– Чё? Кто там такой смелый выискался?

Из толпы широких плеч, ссохшихся лиц и угрюмых взглядов вышел Олег, сплёвывая на землю. С секунду продолжалась безмолвная битва гордости и непокорности.

– Глоточек радиации твоей тугодумной башке не повредит, – бросил Витя, отворачиваясь и собираясь снова двинуться в путь.

– Моей? Чья бы корова мычала.

– Ты ж, сучара... Я тебе покажу прелести жизни, – оскалился Первый, замахиваясь на Олега.

Но тут случилось нечто, чего не ожидал никто. Кулак так и не достиг своей цели, а завернулся за спину хозяину и злобно дергался, сжимался и краснел. Витя плевался в оскорблениях.

– Мы, конечно, зайдём туда, – миролюбиво ворковал Олег над ухом бандита, – но если кто сдохнет, ты будешь виноват. Тут и так уже достаточно наглоотались.

– Кому ты указываешь, мразь?

Рука Первого поднялась ещё выше: он застонал и запыхтел, словно огнедышащий дракон. Олег отпустил запястье и, пожав плечами, отошёл от бандита. Красный, как рак, Витя поправил куртку, оглянул всех злобным и осуждающим взглядом и снова направился к заводу. Но толпа так и не двинулась.

– Может быть, мне ещё красную дорожку вам постелить? – крикнул он, двигая руками, будто лакей. Плечо, верно, саднило – он скривился.

– А, может быть, ты пойдёшь на хер? – выпалил Олег, доставая из-за пояса пистолет и целясь в лоб бандиту.

Витя расхохотался. Злость и недовольство куда-то улетучились, на их место пришло нечто другое, сродни опрометчивости.

– Застрелить меня думаешь? Ни черта у тебя не получится, ублюдок. А даже если это чудо произойдёт: позади стоят мои ребята, которые отправят тебя следом за мной, – он хитро улыбнулся.

– Нет больше никаких «твоих» ребят, и кончай строить тут диктатора.

– Ох, защитничек выискался! А ты что сделал, чтобы нам жилось хорошо?

– Ничего. Но я и не делал никому плохо: не убивал, не избивал, – Олег кивнул в сторону мужика, всё ещё держащего у носа кровавый бинт, – не насиловал и не отнимал последнее.

– Какой же я поганый человек получаюсь! – Витя снова

захохотал, убирая руку за спину. Не нащупав там ничего, он замер и внимательно посмотрел на целящегося. – Какая же ты тварь.

– Возможно, но ты сам виноват.

Спросить, в чём же его вина, Витя не успел: среди свалившейся на площадь тишины прогремел выстрел, по лицу потекла кровь. словно кукольное, тело свалилось на землю в неудобной позе: ноги подогнулись, руки раскинулись по сторонам. Толпа замерла. На площади как-то вдруг стало тихо. Почувствовав отвратительный железный запах, схвативший желудок, я освободился от завтрака. Мужики обернулись в мою сторону, всё ещё пребывая в недоумении и страхе.

– Вылезай! – скомандовал Олег, отбрасывая пистолет в сторону Вити.

На трясущихся ногах, с кружащейся головой я поднялся и вышел к подъезду. Сначала показалось, что Олег меня не узнал, но он тут же крепко прижал к себе, разглядев в длинной бороде и усах знакомые черты.

– Медведь! Ёлки-палки, вот так встреча!

8 сентября 1993 г.

Это странно и неловко – идти среди тех, кто с первого взгляда невзлюбил тебя, с осторожностью следил за каждым шагом, готов был прирезать в случае чего. Окружённые горсткой бандитов, я и Олег дошли до их базы; мужики разбрелись по комнатам, всюду слышались шёпот и бурчание, но понять, о чём они думают, было невозможно.

Олег, попросив своих забрать тело Вити Первого, вырыл ему яму за стоянкой, смастерил крохотный столбик с табличкой.

– Пусть покоится там, где ему и следует.

– Так что между вами случилось?

Поставив на стол бутылку водки, разложив соленья и открыв шпроты, Олег всю ночь рассказывал, что с ним было.

Не очень хорошо попрощавшись со мной, он дошёл до десятиэтажек, некоторое время жил там, но чувствовал себя не в своей тарелке: вокруг семейные, а он – один. Повезло ему встретить двух девушек, Дарью и Веру; с ними он и бродил везде: сначала по западной стороне, потом по восточной. А потом одна предложила вернуться к старикам, поселиться в домике, выращивать картошку с морковкой, даже завести кота, если попадётся где-нибудь. Но Олег запротестовал и каким-то необъяснимым чудом оказался завербован в строй бандитов. И он всё время держался особняком,

отказываясь выполнять приказы или перекладывая их на кого-то, что первое время лишь забавило Витю, после стало же больше и больше раздражать. Первый терпел, а потом, когда Олега насильно послал на север, дав никому не нужное указание, взял девушек себе.

– Ни хрена я не делал для него, – цокнул он. – Вот он и злился, ё-моё, думал, что сможет сломать меня. И сломал ведь, сволочь такая. Знал, что в девчонках этих – моё слабое место. Дашку жалко – она послабее Веры: умерла, когда урод этот... избил и изнасиловал её. А за что? – спросил он, глядя на меня. В уголках глаз собрались слёзы, но Олег запрокинул стакан, и слёз как ни бывало. – За то, что я, дурак, не прогибался под него! Где справедливость, скажи?

Я молчал и закусывал ядрёным огурцом.

– Вернулся, Вера только раз на меня посмотрела и ни слова не сказала. Ёлки-палки, как же я перед ними виноват: гнул свою линию и слышать не хотел, чего они там щебетали. Понимаешь?

Понимать-то я понимал, хоть и не говорил ему ничего. Он, будто больной в горячке, оглядывал стены, тяжело, жарко дышал и снова опускал губы в водку.

– Надоело, ё-моё, надоело слышать, как он сначала заманчиво врёт с три короба, вербует всех и каждого, и начинается: бьёт баб, мужиков, орёт на них; одному вон ногу сломал, другому палец отрезал. Хотя что там, это – цветочки, – хмыкнул Олег. – Убить для него – плёвое дело. Недавно по-

ставил своих во дворе и приказал расстрелять, будто мы не в Зоне, а в Освенциме каком. А за что? За то, что кто-то угнал у него грузовик. Все спали, никто и знать ничего не знал.

Олег вздохнул, горько и прерывисто. На душе стало гадко и мучительно; на чьей совести лежит смерть невиновных? На моей? Матроса? Вити Первого? Или на всех? Никогда не знаешь, чем могут обернуться твои благие намерения: где-то прибывает, где-то убывает. Но не этого я хотел, не мечтал я, чтобы свои убивали своих.

– Руки трясутся, как вспомню, что это я нажал на курок, – Олег посмотрел на ладони. – А надо было? Ё-моё, а если я сделал только хуже? Господи, Дашка, Вера, простите меня!

Голова его упала на руки, плечи заплясали от рыданий. Через минуту он успокоился, но не поднялся. Я уложил его на кровать, на всякий случай забрал с собой нож, лежавший на столе, и вышел из комнаты. В коридоре стояла тишина, чёрная, плотная. Подойдя к окну, услышал далёкое по-свистывание одинокой птицы. Небо медленно натягивало на желтевший край тёмную блестящую мантию. Отсюда была видна радиовышка, как великан, широко расставившая ноги и гордо возвышающаяся над всем. А мы, маленькие, глупые, жадные, всё грызли друг другу глотки, ссорились из-за отобранной игрушки и никак не могли прийти к соглашению.

Всю ночь мне не спалось, да и лечь особо негде было: бандиты неприязненно смотрели, долго и с горящей злобой провожали меня. Я побродил по этажам госархива и обнаружил,

что хаос, царивший в первое наше посещение, исчез, словно его не бывало. То ли Витя Первый обеспокоился мнением приходящих к нему людей, то ли нашёл в этих бумажках нечто такое, чем делиться ни с кем не собирался.

Утром, пока Олег ещё спал, я аккуратно вызнал у мужиков, что за Верой установлен особый уход: после сцены ревности, повлëкшей за собой избиение, девушка не могла ни встать с постели, ни говорить. Две старушки, назначенные заботливым приказом Первого, день и ночь сидят в её комнате и бдят, словно насадки. Дарьина могила скрывалась в кустах, над ней не торчала табличка, не лежал опознавательный камень странной формы: ничего, кроме тёмной, перекопанной земли, не указывало на захоронение.

– Сам всё сделал, – сказала одна из старушек, проводившая меня к месту, – тихо и аккуратно. Каждый день приходил, прощения просил. Ты не думай, человек он хороший, гордый только; пожалеть его надо.

Сначала я не понял, о ком – о Вите или Олеге – говорила женщина, но потом вспомнил, что несчастного Олега Первый сослал на север и тот вернулся уже после похорон. Я благодарно кивнул и сжал её сухие руки.

Завтраки бандиты делили в своих комнатах: коридоры пустели, двери запирались, а за ними то и дело шуршали пакеты, плескалась то ли вода, то ли водка. Мутные глаза Олега раскрылись, когда мужики выбрались из комнатушек и разошлись кто куда. Он, с глубоким, сотрясающим всё тело вздо-

хом, поднялся, умылся, отказался от моего предложения поест и выкарабкался в коридор. Слегка пошатываясь, он дошёл до двери в конце коридора и, помедлив, осторожно постучался. В небольшом зазоре показалась старушка.

– Как она? – шёпотом спросил Олег.

– Спит. Я пока ничего не говорила.

– Пусть. И не надо.

Дверь бесшумно закрылась, плечи Олега опустились. Он подошёл к окну, распахнул створки и вдохнул осенний, с примесью дождя и опадающих листьев, воздух.

– Куда ты теперь пойдёшь?

– Хочу навестить Ивана Ивановича, – ответил я, глядя на ползущие тучи.

– Некого там уже навещать, – отрезал он. – Пока шатался на севере, решил зайти к нему, а он уже кони двинул. Не соврал старик: не долго жил здесь. Зато хоть на озеро поглядел.

– Ты... похоронил его?

– Да, – хрипло сказал Олег, отворачиваясь. – Практики в этом – во! – он провёл большим пальцем по горлу.

Известие о смерти Ивана Ивановича ничуть не удивило меня, где-то в душе я знал, что его давно нет среди нас, а потому мне нечего бояться его осуждающего мои действия и решения взгляда. И даже так я чувствовал, что мне надо покинуть эту часть Зоны, уйти подальше от Казармы, на время забыть обиду, принять, что товарищ – убийца, что сам я несколько не лучше его.

– Я всё равно хочу попрощаться с ним.

– Что ж, иди, уважь старика.

– Ты что будешь делать теперь?

– У меня одна забота – Вера, – почесал он подбородок и вздохнул.

– На восточной горке живёт пара стариков: они ждут её.

– В Мирном-то? Знаю: там же я их и встретил.

– Ты что ли назвал его так? – вспомнил я, как окрестил здание солдатиков Казармой и как все зацепились за это название.

– Ё-моё, там же на входе табличка есть: «Добро пожаловать на территорию огороднического товарищества «Мирный». Моих изобретательных мозгов хватает только на худшее.

Олег не попрощался со мной, когда я сообщил, что ухожу. То ли не унимается совесть и заглушает другие проблемы, то ли он чувствует, что мы ещё не раз встретимся.

9 сентября 1993 г.

Дойти до домика Ивана Ивановича я не успел: ночь свалилась раньше, чем ожидалось. Привычка ночевать в чужих домах совершенно исчезла за три месяца жизни в собственной квартире; ворочался и боялся, что сейчас кто-нибудь ворвётся, пристрелит меня, как собаку. Уснул лишь под утро, а поднялся намного позже рассвета, медленно позавтракал и вышел, когда солнце стояло в зените.

Собиравшийся со вчерашнего дня дождь наконец разрешился и закапал по сухому разваливающемуся асфальту, по растрескавшейся земле, по желтеющим и краснеющим листьям. Шлёпая по лужам и перемешивая грязь, я добрался до домика.

Запустение, уныние и сиротливость поселились в этом крохотном уголке Зоны. Теперь почти на каждом шагу кто-то встречался: чья-то голова высывалась из окна, кто-то выходил из магазина с полным рюкзаком, на чудом уцелевших лавочках молча сидели по двое и смотрели вдаль замороженными глазами. А здесь, на невысокой горке, в лучах вечернего солнца, у домика с покосившейся крышей и в который раз заросшим огородом воцарилось одиночество.

Отыскав могилу, я присел рядом и, протерев табличку, почерневшую у краёв, вздохнул. Теперь казалось, будто сделал всё, что мог, будто я выдохся, использовав десять вторых

дыханий, прикладываясь вовсю, будто я – затёртая, потерявшая всякий цвет резиновая прокладка. Больше мне не к чему стремиться. Впереди ничего не ждёт.

– Здравствуй, Иваныч, – тихо произнёс я, обращаясь в пустоту. – Вот и блудный сын вернулся.

Блестящие листья зашелестели, разбрасывая холодящие капли. Почти севшее за горы солнце выбрасывало желтоватые, оранжевые, румяные лучи в небо.

Почему-то мне думалось, что я сказал совершенную правду: по крупицам, по мельчайшим частицам он возвращивал меня, почти старика, почти мертвяка, видевшего многое, но, как оказалось, ни черта не знающего об этой жизни. Был ли бы я всё таким же беспечным и бездумным, если б меня положили в соседнюю палату к умирающему старику? Написал бы я хоть строчку в этот дневник, добродушно отданный мне Степаном? Иногда так хочется швырнуть эту синюю, запачканную глупыми мыслями и непутёвыми словами тетрадку, растоптать, сжечь её, но понимаю, что никому нет до неё никакого дела: все примирились с тем, что я, как летописец, заглядываю им в рот и дословно вношу выброшенные на ветер слова. И всем будет совершенно неважно, уничтожу ли я написанное или сохраню. Точно так же, как неважно тем, кто придумал изменить нас, нашу судьбу, кто закрыл за нами ворота, кто не дал нам ничего, кроме пустоты.

Как жить, когда единственная звезда, ведущая тебя вперёд, погасла? Как быть и к чему теперь стремиться, куда ты-

каться в кромешной тьме непонимания и слабости? Зачем мы до сих пор существуем, зачем Матрос всё придумывает новые и новые задания, отдаёт громким голосом приказы, зачем старики крутятся около посаженной картошки, зачем семейные тащат в дома диваны, пушистые ковры, сковородки? Зачем я всё ещё жив и куда-то иду, зачем всё ещё переворачиваю страницу за страницей и никак не поставлю последнюю точку в моём путешествии?

10 сентября 1993 г.

Иван Иванович хотел, чтобы мы жили здесь так же, как там, за воротами. Чтобы у каждого была семья, свой дом, куда приходишь и с наслаждением сбрасываешь ботинки, заваливаешься на бок и храпишь до утра; чтобы у каждого была краюшка хлеба, баночка тушёнки, чтобы хоть изредка можно было умыть лицо чистой водой. Такое простое и понятное счастье – но дано ли оно нам? От кого оно зависит? От меня? От Матроса? От Олега? Или от всех и каждого?

Иван Иванович хотел, чтобы свобода и уважение сосуществовали друг с другом, чтобы ошибки, совершённые по ту сторону баррикад, не повторялись здесь, на этом крохотном клочке земли. Мы, словно колонизаторы, должны были начать всё с чистого прекрасного листа, установить свою, не похожую ни на что до сих пор власть, уничтожить неравенство и жить общим трудом и общим счастьем. Да, должны были, но этого мы не достигли. Всё пошло, как там: смерть, кругом смерть, диктатура смерти и господство смерти. Мы едва не возвели над собой кровавую власть в наколках. Но, даже уничтожив её, не уверены, а правильно ли мы поступили: может, это и был путь Зоны, по которому ей суждено было идти? Что если на место Вити Первого придёт Роман Второй, такой же безразличный ко всему, жестокий и эгоистичный? Что нам делать, как спастись? Брать в руки его же

оружие и брать на душу его же грехи? Того ли хотел Иван Иваныч?

Как странен и невозможен человек! Я, обыкновенный сантехник, букашка, ещё вчера советовал хозяйкам быть бережнее, менял трубы и ремонтировал сливы, а сегодня рассуждаю о власти и великом или изуродованном будущем Зоны. Как я изменился! Но изменился ли, или я всегда был таким, а оно лишь спало во мне? Скажет ли кто-то мне, стал я хорошим или плохим? Да и можно ли измерять этими величинами?

11 сентября 1993 г.

Покинув домик Ивана Ивановича на рассвете, я лесом отправился до домов, но едва не потонул в болоте. Без сапог и опоры я разом окунулся по колени, и только тоненькое деревце, спасительно склонённое в мою сторону, помогло выбраться. Обойдя трясины, вспомнил о Степане, скрывшемся в лесу и, видимо, до сих пор не попадавшемся никому на глаза; лес таит немало ловушек и секретов.

Выбравшись из леса, грязный и усталый, встретился с мужиками, бредущими из церкви. Они позвали с собой, предложили обед и ванную. Отблагодарить их мне было нечем, но те и слышать не хотели ни о чём. Постоянно шутили и сыпали присказками:

– Молодой-интересный, шел-то ты куда?

– И сам теперь не знаю, – вздохнул я, мысленно всё ещё находясь рядом с могилой Ивана Ивановича.

– А откуда? – смеялся другой.

– Так сразу и не скажешь.

– Да, молодой-интересный, очень уж ты молодой и интересный.

Не согласиться с ними я не мог: чувствовал, что запутался и брожу, словно с завязанными глазами. Им я смешон и непонятен: появился мужик, со шматами грязи на штанах, с длинными спутанными волосами, с безумным взглядом, сло-

ва чудные говорит, а всё без толку. Слушал я их невнимательно, да и после попыток заговорить со мной они большей частью молчали. В ожидании высохших брюк я улёгся на диван.

12 сентября 1993 г.

Мужики посмеялись, когда я спросил, пойдут ли они со мной. Желание собрать всех, кого я встречаю на своём пути, упорно стучало в сердце; но мужикам, понятно, не хотелось идти в никуда с обжитого, а я не мог им толком объяснить, чего хочу от них.

Зайдя по пути в магазин, наткнулся на женщину с большими оленьими глазами, на которые, казалось, постоянно накатывали слёзы. Она забирала последний пакет макарон и, тихо-тихо вздохнув, положила рядом с ним две оставшиеся от великого продовольственного запаса банки шпрот.

– Здравствуй, Лысая, – мой хриплый голос раздался вдруг и обрушился на нас, словно вода из лопнувшей трубы. Думалось, я наложил на себя обет молчания, и она – первая, кому решился отдать свои мысли.

– Здравствуй, Медведь, – слабо ответила она, поворачиваясь ко мне.

Стоя друг напротив друга, глядя на измождённые, взрытые морщинами лица, мы считали, когда же случилась наша последняя встреча, в какой реальности она происходила. Но вспомнить как-то не удавалось. Лысая вздохнула, опустила рюкзак на пол и аккуратно, словно держа фарфоровую статуэтку, взяла меня за плечи.

– Ты знаешь, конечно, ты знаешь, что случится потом, –

сказала она, будто бы продолжая некогда не законченный разговор. – Но потом будет поздно что-либо менять. Не вини себя ни в чём.

Я кивнул, делая вид, что понял, о чём она говорит или на что намекает. Едва заметная улыбка скользнула по её желтоватому лицу, в уголках глаз наконец по-настоящему собрались крупные прозрачные слёзы, в которых я разглядел себя, большого, хмурого. Тоненькие ручейки побежали по щекам, и упали на пол две капли. Почему-то в тот момент мне показалось, что она оплакивает мою судьбу.

– Извини, – шепнула она, прикладывая к щекам рукава, – перед смертью невозможно сильно хочется чувствовать себя живой.

Она умирала. Болезнь почти закончила своё дело, остались считанные дни, если не часы, пока она свободно дышала, пусть и с трудом, но двигалась. И её жалкому существу перед грозной тенью болезни не с чем выступить против. Только ждать. Только умирать.

Я проводил Лысую до дому, всю дорогу мы молчали. В маленькой квартирке бродило предчувствие скорой смерти: шторы плотно закрыты, окна не пропускали ни глотка свежего воздуха. На секунду я подумал, что меня зарыли в землю и что никогда не был здесь, не пил чай с радушной хозяйкой, не разговаривал и ни о чём не мечтал. Женщина сняла рюкзак, отправила взятое на полочку и сожалеющим взглядом посмотрела на меня. Застрявшие в горле слова давили, я по-

ложил огромную ладонь на крохотное плечо и молча ушёл.

13 сентября 1993 г.

Необъяснимым чудом добрался до западных домов, с пустым рюкзаком и пустым желудком. Усевшись на холодном полу первого попавшегося магазинчика, я пихал в себя пресные резиновые макароны, удачно оставленные чьим-то невниманием между шкафами. Тепло и спокойствие разлились по телу, я бросил в угол матрац и, свернувшись, проспал до вечера. Влажный прохладный вечерний воздух встретил меня – кажется, приходит время курток, сапог и зонтов. Какой писк от нашей дорогой моды мы услышим в этом году?

Зайдя в дом, в котором ранее уже ночевал, поднявшись на тот же этаж, я обнаружил, что дверь закрыта с внутренней стороны. На стук вышел мужчина с красными глазами, щеками и зубами. Редкие грязные волосы торчали в разные стороны, с плеча свалилась рваная майка, длинные тёмно-синие трико собирались под пяткой. Вышедший покачивался, крепко держась за дверь, и едва выговорил:

– Ты кто?

– Медведь, – ляпнул я, не зная, помочь ли ему сесть или уйти подобру-поздорову.

– О! Медведь! – мужик выглянул из-за двери и сплюнул кровь на лестницу. – Заходи.

В тёмной комнате блестели багровые пятна, пахло сырым мясом, железом и грязным телом. Как луч надежды, вечер-

ний свет вливался через оставленную открытой дверь. Мужик уселся на прогнувшийся диван и поковырялся в зубах. Осторожно зашёл я в гостиную. Тот не обернулся, а плеснул в стакан голландский джин, наверняка найденный на складе какой-нибудь забегаловки.

У стены напротив лежал мёртвый человек, без ног и без рук. Неловкая поза тряпичной куклы, разодранная одежда, полуоткрытый рот и кровь. Всюду кровь. На стене, куда, видимо, приложилась жертва в первый раз, на полу, столе, подоконнике, даже на люстре. Мужик, всё ещё не обращая на меня внимания, подняв стакан, вяло проговорил:

– За твоё здоровье.

Засосало под ложечкой. Страх и возмущение человеческого естества поднялись во мне одновременно, укрепляясь с каждой секундой. Я боялся задать главный вопрос, но и уйти просто так, оставить всё, как есть, не мог. Сглотнув, я спросил:

– Зачем?

Мужик оглянулся и проморгался, словно от этого я должен был исчезнуть. Но я, болван, всё не исчезал, а он молчал. Трясущаяся рука поднесла стакан к губам. Проливая, он так и не смог сделать глоток и поднялся.

– У меня не было выбора, – по грязному лоснящемуся лицу потекли слёзы, глаза ещё больше покраснели. – Я хотел есть.

Мне нечего было сказать; не думаю, что упрёки и призыв

к разумному помогли бы ему. Всё, оставшееся в нём от человека, капало на испачканную дырявую рубашку, на голые ноги и исчезало. Он умоляюще смотрел на меня, оттопырив нижнюю губу, расплывшись в скорбной улыбке. Его редкие волосы, торчащие кости, которых я сначала не заметил, казались мне предостерегающими: мы все обречены стать такими же.

– Пошли со мной, – тихо сказал я, направляясь к двери.

– Не могу. Отсюда нет выхода.

– Есть. Пошли.

Без сомнений я бы отдал ему последний кусок своего обеда, но мой рюкзак пуст, а живот лишь недавно радовался последней пачке макарон. Мне никак не помочь ему, только отвести туда, где есть еда.

– Похороним его? – спросил я, спохватившись.

Мужик молчал, опустив глаза в пол. Я осторожно шагнул в сторону мёртвого.

– Нет, моё! – заревев от голода или от жадности, он почти подлетел к телу, уселся и стал поедать.

– Прекрати, – как можно твёрже сказал я, но мужик не шевельнулся. Он делал вид, будто не слышит и не видит меня. Схватив за плечо, я оттащил его и крикнул: – Перестань, твою мать! Я знаю, что ты голоден. Пошли со мной, и я накормлю тебя.

Огромными глазами он глядел на меня снизу, слёзы снова покатались по лицу, губа оттянулась, изо рта потекла кровь.

Выпачкавшись, дьявольски устав, чувствуя вселенский голод, я сидел около только что засыпанной могилы. Мужик скулил недалеко, боясь, что я снова накричу на него и, даже хуже, избыю. К впалому животу он прикладывал бутылку джина и изредка отпивал из неё, на минуту успокаиваясь. Со времён войны и массового голода я не видел тех, кто был не по собственной прихоти свален в пропасть людоедства.

– Как его звали-то?

Мужик посмотрел на меня, замерев в раздумьях, и едва поворачивающимся языком проговорил:

– Антон.

– Тёзку похоронил, значит. Слышь, а тебя как?

– Во... лодя, – запнувшись, как будто вспоминая собственное имя, ответил он.

– Тут ещё живёт кто-нибудь? – я оглядел рядом стоящие дома с пустыми и молчаливыми глазницами.

– Вроде нет.

Когда тело перестало слишком бунтовать, ноги лучше передвигались, мы медленно пошли в сторону завода. Услышав треск счётчика, Владимир крепче сжал бутылку, втянул голову в плечи и застонал. Не было ни желания расспрашивать, ни времени останавливаться. Дойдя до поворота, я оглянул центральную площадь: тишина и пустота, только ржавые машины, словно кочки, стоят на своих местах. Мужик схватился за меня, как только я ступил на дорогу, и потянул назад.

– Нет выхода.

– Не мели чепухи, пошли.

Дернув за тонкую руку, я вытолкал его впереди меня. Двигаться было невозможно: он упирался, скрипел, скулил, иногда впивался длинными ногтями в мои руки и не желал слушать доводы. Не в силах терпеть его ребячество я закричал, что он навечно останется здесь, среди пустых домов, магазинов, а я буду с радостью в одно лицо есть зажаренную утку. Услышав о еде, он тут же пошёл по дороге, озираясь, чтобы я не обманул, не скрылся, не убежал куда-нибудь.

До моего схрона было ближе, чем до Казармы, но, вспомнив, что Матрос приказал забаррикадировать дверь, едва не впал в отчаяние. Испытывая судьбу, я дважды ударил в дверь и, к невообразимой радости, услышал, как кто-то отодвигал морозильники, щелкнул задвижкой. На пороге стоял Олесь, хмурый и сонный.

– Що ти ни спится?

Он даже не обратил внимания, что пришёл я не один, закрыл за нами дверь, вернул ящики на место и улёгся на матрасе под полками. Открыв первую попавшуюся банку, отдал её Владимиру, накинувшемуся на тушенку с жадностью истощённого льва. Я решил потерпеть до завтрака. Заперев дверь между схроном и коридором, мы оставили солдатика сторожить запасы.

14 сентября 1993 г.

– Ты где его откопал? – шепнул Матрос, пока Владимир плескался в душе. – А главное – зачем?

– Не оставлять же его там наедине с недоеденным трупом.

– Тоже верно. А мне его куда?

– Определи на кухню, пусть Розе помогает, откормится – тогда и решай, что делать.

Матрос подтянулся, почесал кончик носа и прижал меня к себе.

– Ладно, разберёмся. Хорошо – ты жив и здоров. Как товарищи?

Найдя новое приключение, я совсем забыл о последних новостях с базы бандитов. Вернувшись в Казарму, ломанулся к Матросу, занятым весьма интимным делом; мы определили мужику место, отдельное от всех солдатиков, и, так и не вырвав из рук бутылку джина, уложили его. Утром, как ни странно, я не слышал, что вокруг поднимались люди, одевались, строились, спускались на завтрак; поднялся, когда парнишки выполняли нормативы, женщины отправились в соседние дома. Пока Владимир спал, умылся, слопал манную кашу без положенного хрустящего хлебца, выстирал одежду. Теперь же нам предстояло вернуть человека к нормальной жизни.

– Товарищи ничего, – хмыкнул я. – Один умер, второй

убил, третьего я не видел.

– Вот так да! Первого что ли? А за что убил?

– Откуда знаешь?

– Что знаю?

– Откуда знаешь, что он Первого убил? – сощурился я.

– Как, «знаю»? Я не знаю, я у тебя спрашиваю, – фыркнул

Матрос, зажигая сигарету. – Как звали-то мужика?

– То есть как..? Ты спрашиваешь, как звали Первого?

– Да.

– Витю Первого?

Сигарета, только что осиротевшая на несколько миллиметров, остановилась на полпути ко рту Матроса. Он хлопал глазами и, пребывая в непонимании вместе со мной, слегка шевелил губами.

– Мой товарищ, с которым мы раньше ходили, застрелил Витю Первого, – наконец сказал я.

– Ёбушки-воробушки, – присвистнул Матрос, снова стряхивая пепел с так и не приложенной сигареты. – Что они не поделили?

– Личное...

– Ясно, бабу. И да, в следующий раз, когда тебе приспичит привести ко мне самоеда, ради приличия постучись, – он подмигнул, ненавязчиво намекая, что в следующий раз он так благодушно не спустит мою выходку. – Что ты решил?

Я вздохнул. На самом деле в последние дни мне некогда было и подумать о предстоящей вылазке, о том, что

несколько часов придётся провести в тяжёлом обмундировании, неудобных противогазе и костюме. Мысленно я проклинал эту затею и считал её ненужной, несовершенной, но, вспоминая о торчащей радиовышке, понимал, что идти всё же придётся. Поэтому, когда Матрос задал вопрос в лоб, я не нашёл ни единой причины, по которой могу бы действительно отказать ему. Поэтому я согласился.

– Спасибо, Медведь, – ответил он, хлопая меня по спине.

И снова Казарма вернулась к боевой готовности: солдатики отжимались, бегали вокруг здания, стреляли по мишеням, на время облачались в костюмы, проверяли их целостность, женщины мыли полы, охаживали цветы, помогали Матросу с оборудованием или Розе на кухне. Я, который всё никак не вливался в жизнь Казармы, хотел было пойти к старикам, последний раз взглянуть на них, но решил, что расстраивать их новостью о смерти Дарьи и болезни Веры не хочу. Может, Олег всё же послушает девушку, и они осядут рядом со стариками. Заявившись в столовую, увидел мелькающую спину Владимира, согнутую в три погибели, с торчащими лопатками и в болтающейся клетчатой матросовской рубашке.

– Ну, как помощник? – весело выпалил я.

Роза, краснощёкая, пышная, дышащая силой и счастьем, выплыла из-за угла и, вытирая руки о полотенце, сказала:

– Да ничего, жив-здоров, трудится. Только вот глаза голодные, – добавила она, шепнув.

Я понимающе кивнул и, улыбнувшись, поблагодарил за то, что она не отказалась принять Владимира. Наверное, нужно было ещё и извиниться за негалантное поведение, но я осёкся и решил, что так сделаю только хуже: женщины не любят, когда происходящее в великие минуты любви выходит за дверь комнаты.

За ужином Матрос то вдруг принимался шутить, то зати-хал и погружался в себя, шаря глазами по тарелке. Я твёрдо кивнул головой, давая понять, что в любую минуту он может положиться на меня. Ненадолго это успокоило его, но перед сном я слышал его шлёпающие шаги, вымеряющие площадь комнаты.

15 сентября 1993 г.

Нас было тридцать. Собравшись у Казармы, выстроившись в ровные ряды по пять человек, мы слушали указания Матроса, но мысленно были где-то совсем не здесь. Казалось, что именно сейчас я попал на фронт, через пару минут нам выходить на поле боя и стрелять по врагу. Но чугунная экипировка напоминала: мы всё ещё в Зоне.

Женщины провожали долгим и напряжённым взглядом. Для пущей скорбности им не хватало белых платков и слезинок, невольно собравшихся в краешках глаз.

Знакомый, уже почти родной, треск счётчиков раздался, как только мы приблизились ко Дворцу. Никто не дрогнул, ничьи ноги не подкосились.

Огромное бело-серое здание встало перед нами, будто великан, сторожащий вход в покои богов. Сотни пустых рам, обращённых вдаль, притихли в ожидании. Даже счётчики, казалось, на минуту замолчали, пока солдатики вскрывали замок на воротах. Матрос топал ногой и буравил неподдающуюся дверь злобным взглядом. Наконец замок, цепи и перекрывающая балка свалились. Растащив створки по разные стороны, парни длинными стройными вереницами вбежали и скрылись в тёмных углах – всё, как методично учил Матрос. Я, как человек невоенный, и он, на правах старшего, вошли в ворота следом, медленно и осторожно.

Бетонный холл, с двух сторон поддерживаемый рядами колонн, тянулся до противоположных ворот. «Уралы», «КамАЗы», «ЗИСы» и «ЗИЛы», оставленные в беспорядке, ржавые и бесколёсные, безоконные и с открытыми дверями, тыкались в стены, в углы, друг в друга. Тишина, раздражаемая предупреждающим треском, давила и внушала мне чувство вины. Будто это я разворотил завод, вывез людей, бросил технику гнить и пригнал сюда других, старых, больных, ненужных.

По приказу Матроса вскрыли вторые ворота. Чёрная, сожжённая, изуродованная земля развернулась перед нами, ступить на неё было страшно и опасно. Слева возвышались остатки здания, взорвавшегося во время аварии, рядом, будто могильные плиты, торчали рассыпанные камни, покорёженные балки и трубы. Думалось, что неведомый исполин отгрыз от него кусок и, почувствовав безвкукусность бетона, дабы отомстить за неслыханное оскорбление, наступил на здание, словно на муравейник. Впереди, через опустевшее угольное поле, маячил другой выпачканный корпус завода. Справа, гордая и великая, стремилась к небу радиовышка.

На вышку Матрос послал самых рукастых и мозговитых, солдатиков во главе с белозубым Казбеком отправил в дальнее здание, мы же остались осматривать жертвенное здание. На углу взорванного корпуса значилось, что он по счёту он третий – Матрос хмыкнул, отдавая дань конспирологической логике. Ни балка, ни замок не встретили нас, но войти

внутри с парадного не получилось, сколько бы солдатики ни толкали дверь. Вернувшись к развалинам, мы осмотрели дыру, разделяющую здание почти на две части, и решили попробовать взойти по камням.

– Только осторожнее, – крикнул Матрос первым солдатам, – кто знает, насколько хорошо они тут всё обустроили, – в сомнении он оглянул главное здание завода.

Щепки, оставшиеся от мебели, сваленные доски, чертежи с аккуратно выведенным корпусом грузовика, одинаковые чёрные телефоны, покрытые пылью куртки, рабочие комбинезоны. Главный вход завалило мебелью и бетоном – разобрать его не представлялось возможным. Осматривая груду трагедии прошлого, на одном из подоконников я заметил фотографию в рамочке. Так непринуждённо и так намеренно она стояла, что я не мог не взять её. Стекло запылилось и местами пошло трещинами; на меня смотрели четыре пары счастливых глаз. Домочадцев какого-то работника нельзя было вынести из разрушенного, фонившего радиацией здания – оставленные испуганной до смерти рукой, они стояли здесь и всё это время беззаботно улыбались, тепло обнимали друг друга.

– Что, «порвалась цепь великая» и шандарахнула по всем? – с грустью сказал Матрос, разглядывающий детские сандалии.

Подняться не было возможности: лестница, развалившаяся на куски, лежала в массе блоков. Снаружи верхние этажи

выглядели идентично нижнему. Пока я выводил в тетради корявые завитушки, солдатики разбежались в поисках лестницы, веревки или и того, и другого. Матрос с тревогой в глазах смотрел на здания, вышагивал строевым шагом влево, потом вправо. Его руки в чёрной костюмной перчатке поправляли противогаз, опускались к бокам, складывались на груди и снова совершали вечный круговорот.

– Что-то не так, – сказал он, останавливаясь и глядя на меня из-за мутных и запотевающих стёкол.

– Что?

– Ну, посмотри, – он описал рукой полукруг. – Третий корпус не взорвался сам, а был взорван кем-то извне. Посмотри, посмотри, как лежат камни, – Матрос тыкал пальцем в землю, в порушенную стену. – Если б это было внутри, то пострадала бы крыша или обе стены, и всё бы свалилось внутрь. А тут... – он поднял ладонь к небу. – Как будто кто-то пытался бомбардировать здание. И при том неудачно.

– Зачем?

– Если б я знал. Да и потом, чему тут взрываться? Мелу и чертежам?

– А если они из урана?

– Мне не до шуток, Медведь, – бросил Матрос.

Солдатики, вернувшиеся из вышки, с радостью сообщили, что смогут наладить связь, и отдали нам шесть раций, две оставив при себе. Сашко, инженер с многовековым стажем, назначенный Матросом главным в маленькой команде рука-

стых и мозговитых, хотел было вернуться вслед за солдатами на вышку, но остановился и шёпотом сказал:

– ...Такое ощущение, что они просто бежали от чего-то. Бумаги наверху свалены как попало, вещи разбросаны, а каналы толком не отрубили: просто заморозили.

– Если что найдёшь, сообщи, – Матрос пару раз постучал пальцем по рации. – Вот тебе бабушка и Юрьев день...

Сидя на чёрной земле, я не чувствовал ни холода, ни тепла, словно температура вовсе не опускается ночью до нуля. Кое-где я разглядел крохотные тоненькие жёлто-коричневые травинки, робко пробивающиеся сквозь плотную резину почвы. Ещё несколько сотен лет, и земля придёт в себя, обновится, и, может, здесь вырастут деревья, не хуже, чем там, за воротами. Взяв в ладонь горсть земли, я не рассмотрел ничего, кроме пыли, угля и сухих комков. Неловкое движение превратило её в труху, и лёгкое пыльное облако растворилось, медленно оседая на землю.

С лестницей, верёвкой, свёртками бумаги стройным рядом вернулись солдатики из главного корпуса. Пока они пытались закинуть верёвку на второй этаж, пока Матрос, борясь с запотевающими стёклами, рассматривал принесённые чертежи, над нами собрались посеревшие тучи, тяжёлые и грозные.

– Ты видишь здесь четвёртое здание? – спросил Матрос, переворачивая план.

– Нет, – с сомнением я оглянул территорию завода.

– А он есть, – он вздохнул, будто силы оставили его и больше не для чего было идти вперёд. Усевшись рядом со мной, глядя на старающихся солдатиков, он сказал: – Мне всё кажется, что я бьюсь башкой в глухую стену. И ведь я знаю, чёрт возьми, знаю, что никто мне не ответит, но всё равно стучусь, разбиваю кулаки в мясо, а толку – нет.

– В тот день, когда мой товарищ пристрелил Первого, бандиты шли на завод. У них не было костюмов, не было противогазов, но Первый, видимо, знал, что на заводе они есть, и всё уговаривал своих пойти за ним, – я вздохнул. – Но в Олеге выграла гордость и справедливость...

– Какая ж ты скотина, Медведь, – прошипел Матрос. – Почему ты всегда так поздно всё рассказываешь?

– Ты и не спрашивал.

– Иди в пердолину, – если б лица не стягивал противогаз, он бы обязательно сплюнул на землю. – Но спасибо, что хоть вообще рассказал.

– Сам иди туда.

Он развернул чертёж. Правда, помеченные на нём корпуса, радиовышка, два дальних склада, прилегающих к третьему корпусу, больше напоминали план местности, чем карту. Здания обозначены номерами, рядом с каждым значится его характеристика: «1 – главное здание, реестр, бухгалтерия, директория», «2 – полигонная зона», «3 – инженерно-статистический корпус», «4 – механический корпус, токарная, конвейер». Матрос приглушённо свистнул. Судя по

плану, второй и пока ещё неизвестный нам корпус располагался в самом центре, сразу после ворот главного здания – но ничего этого не было: ни камешка, ни таблички, ни дорожки – только голая выжженная земля.

– Товарищ Матрос, – солдатик вытянулся в струнку, обращаясь к старшему. Для полной военной гармонии не хватало приложенной к виску руки, но Матрос почему-то никогда не просил ребят отдавать ему честь. – Подъёмная лестница готова к использованию.

– Молодцы, орлы! Вперёд, что смотришь на меня? – шикнул он солдатику, поднимаясь.

Кряхтя и поскрипывая, я встал вслед за ним. Всё-таки годы дают о себе знать. По одному солдатики забирались наверх, помогали товарищам не сорваться, поддерживали за руки, за ноги. Кто-то крикнул, чтобы больше не поднимались: пол треснутый, того и гляди обвалится. Парни шастали от стенки к стенке, показывали какие-то вещи, самые обыкновенные: шапки, сапоги, пустые папки, поблёклые плакаты с головой бородатого, но лысого мужчины, цветочные горшки и линейки. Матрос отозвал их и, помогая солдатикам спускаться, хлопал каждого по плечу.

Поглядев на вышку, он скомандовал отправляться к дальнему зданию. Стройной вереницей парни двинулись к указанной цели.

Четвёртый корпус, отмеченный как собственно завод, где штампуются детали и собираются грузовики, встретил нас

огромным полупустым помещением. Конвейерные линии, безмолвные, опустевшие, стояли в несколько рядов, между которыми могли поместиться не только два человека, но и груженные запчастями тележки. Казбек с солдатиками, обшарив главный зал, давно бродил по кабинетам, рассматривал бумаги, переворачивал книги. Заметив Матроса, он, блестя на этот раз только глазами, подскочил к нему и выпалил:

– Товарищ Матрос, что-то здесь нэчисто, что-то здесь нэчисто.

– Знаю. Что нашёл?

Он протянул желтоватую бумагу, обугленный край которой осыпался на пол.

«Товарищ!

В который раз прошу Вас, не забывайте выключать свет и кислород. Им неважно чем дышать, а нам проблемы не нужны.

Будьте сосредоточены, здесь Вам не курорт. Подобная выходка – и предложение о Вашем увольнении у главначзавода!»

Матрос посмотрел на Казбека, в растерянности пожавшего плечами, и, поворачиваясь ко мне, сказал:

– Кому «им»?

Он ещё раз перечитал записку, сложил её в рюкзак и вышел из кабинета. Деревянные столы, шкафы, тумбочки, полочки, кожаные и металлические кресла, горшки с превратившимися в труху растениями, портреты со статными уса-

тыми и броватыми мужчинами, оставленные куртки, пальто, покрывшиеся пылью туфли с острыми носками и недлинными каблуками, брошенные в спешке сумки и портфели, откуда торчали зонты, расчески, записки со списком покупок. Попадались пустые папки, иногда в тетрадях, исписанных датами и выпущенными моделями грузовиков, попадался пепел, вываливающийся на нас, – мы не успевали ни о чём подумать.

25 сентября 1993 г.

Кто-то из солдатиков позвал нас. Подвал, неподсвеченный, глухой, узкий, заканчивался запертой дверью, не обозначенной ни на одном плане эвакуации. Спустия несколько тщетных попыток выломать дверь всё же удалось. За ней продолжался коридор, но бетонные стены сменились металлическими пластинами, покрытыми памятками, правилами поведения в аварийных ситуациях, предупреждениями. Туннель, тёмный, сырой, вывел к тяжёлой бункерной двери, открывали которую в несколько заходов, по очереди, постоянно отдыхая.

Настойчивый хор счётчиков повысил тональность, как только отошла дверь. В комнатку, длинную, полную шкафчиков с халатами, защитными костюмами, ботинками и сапогами, противогазами, вместились все. Матрос с беспокойством осматривал содержимое и постоянно цокал то ли от сожаления, что не сможет забрать с собой костюмы, то ли от нехорошего предчувствия, постепенно вкрадывающегося и в нас. Комнатка соединялась с маленьким предбанником, по бокам которого располагались железные двери, а впереди – ещё одна бункерная, с рычагом.

– Знаешь что? Я уже жалею, что взял с собой бойцов, – шепнул Матрос, отводя меня в сторону.

– Ты не можешь отправить их сейчас назад. Давай хотя

бы осмотрим всё, – его глаза смотрели на солдатиков, проходящих в боковые комнаты. – Знаю: ты всё проклинаешь, но вернуться было бы глупо.

– К чёрту все эти тайны, к чёрту то, что происходило здесь!

На секунду подумалось, что он скамандует ребятам строгиться и возвращаться в Казарму, но Матрос вошёл в левую комнату, на двери которой значилось: «Входя, не забудь постучаться». Огромные пульта, испещрённые пыльными кнопками, смотрели матовыми экранами, пустыми и чёрными. Кто-то щёлкнул переключателем, неожиданно громко и неестественно среди глубоко дышащей толпы, но ничего не произошло. Хотя мы ждали.

Из соседней комнаты раздался крик, лампы в комнате и предбаннике замерцали; метнувшиеся на подмогу остановились, закрывая глаза.

– Ну, за что ты мэня не послушал? – ругнулся Казбек, выходя из комнаты.

– Что произошло? – взревел Матрос, пробираясь между солдатиками. – Ну?

– Я включил трансформатор, хотя товарищ Казбек не давал команды, – тихо, но твёрдо проговорил солдатик, не глядя на старшего.

– Самовольничаешь, значит? Вернёмся, будешь бегать вокруг Казармы пятьдесят кругов.

– Есть, товарищ Матрос, – парнишка вытянулся и тут же

исчез с глаз.

Матрос вошёл в соседнюю комнату, посмотрел на рычаги, кнопки, тянущиеся куда-то провода, цокнул. Рычаг, включающий свет, уже был поднят спешащей рукой солдата. Рядом с ним в полуподнятом состоянии чернел рычаг подачи кислорода, крепление которого поплавило и растеклось по панели.

– Вот что значит – беречь кислород.

В комнате, где просили стучаться, тускло горели кнопки, мерцал экран, шипели оторванные провода. Хмурым взглядом на панели, Матрос приказал ничего не трогать и, достав рации, определил за каждой группой солдатиков, чтобы в случае чего можно было связаться. Он зажал боковую красную кнопку, послышался треск, сменившийся шорохом, но, видимо, инженеры на радиовышке ещё не добились результатов.

– Никто понятия не имеет, что находится за этой дверью, поэтому прошу всех не как старший, а как... брат – будьте осторожны, – проговорил Матрос, распорядившись, кто останется в предбаннике, а кто двинется вместе с нами, и потянул рычаг на себя.

Скрипя и жалуясь на прерванный сон, дверь открыла очередной проход. Наклонный коридор спускался, поворачивался и уходил ещё глубже. Окружающие нас стены невинно чисты и пусты, будто никто ничего не клеил на них, никто не тёрся об них плечами, бёдрами. Точно как и бункер, коридор был для чего-то создан, но так и не использован по

назначению.

С необъяснимой лёгкостью вставшая на нашем пути дверь поддалась, и громадное, размера футбольного поля, но без ворот и разметки, пространство встретило нас. Темнота расступилась под вспышками прямоугольных ламп, закреплённых так высоко, словно там висело солнце. Некоторые, забыв, что давным-давно они предназначались для освещения, лопнули, другие тихо погасли, оставив зал в таинственной и неудобной полутьме. Круглые и овальные фонарные зайчики забегали по стенам. Высокие, проржавленные, из огромных металлических пластин, они молчаливо окружали нас, маленьких, удивлённых, напуганных.

Вдоль стояли пульта, нашпигованные кнопками, тумблерами, экранами, от них тянулись толстые, путаные-перепутанные кабели. Редкие стулья стояли рядом с ними в ложной надежде, что когда-нибудь они будут полезны. Солдатики по одному спустились по лестнице, их большие глаза блестели и с испугом обращались к Матросу.

– Что за херня? – шепнул он.

В центре зала сотни, если не тысячи, металлических колб разного размера выстроены в ряды, собравшиеся будто на парад. Ни звука не исходило от них. В глубокой тишине зала было слышно, как солдатики сглатывают и почти незаметно пятятся. Матрос, придя в себя, спустившись к толпе, ровным голосом произнёс:

– Ничего не трогаем. Если возникают вопросы, зовём ме-

ня.

Нехотя солдатики разошлись по углам зала. Большие, мощные колбы с неизвестным содержимым внутри не обращали на нас никакого внимания. Видимо, они, ещё когда здесь кипела работа, сновали туда-сюда люди, так же безразлично стояли на постаментах и не выказывали неудовольствие или радость. С виду казалось, что их склепали из остатков корпусов тех самых грузовиков, что выпускались во время войны. Ни щёлочек, ни ручек, ни окошечек – ничего. Стоят они, высокие и узкие, маленькие и широкие; и их безразличное стояние радует и настораживает.

Матрос приблизился к одному из них, не очень высокому, почти с человеческий рост, осмотрел со всех сторон, но, не найдя никакой таблички или хотя бы записки, сообщающей о чём-нибудь, вздохнул:

– Мать его конспирология. Ну, и скажи теперь, зачем мы пёрлись сюда? Чтобы поглазеть на эти коконы? – он понизил голос, чтобы эхо не разнесло негодование.

– Зато ты знаешь, что здесь никакого ядерного оружия или биологической бомбы.

– А это что? – он вскинул руку на колбу и, боясь задеть её, быстро опустил. – Откуда нам знать, что там внутри не боеголовки, не ракеты?

– Ниоткуда, но пока не тронешь, оно само не заговорит.

Матрос не ответил и ретировался к одной из групп солдатиков. Побродив между рядов металлических колб, три-

жды сбившись со счёта, я зарисовал их в надежде, что когда-нибудь решу эту непростую загадку. Ребятки тихо-тихо переходили с одного места на другое, рассматривали пульта управления, будто в них содержится какое-нибудь объяснение, карточки, торчащие в архивных шкафчиках; наталкиваясь глазами на колбы, они тут же опускали головы или смотрели на напарников. В карточках ничего особо полезного не было: на краешках значились лишь буквы и номера, видимо, помечающие каждую из колб. Сами бумажки были словно пропитаны средством, скрывающим чернила. Вспомнив увлекательные книги о следователях, где преступник обязательно отправлял письмо, написанное такими чернилами, растворяющимися в воздухе сразу после прочтения, я хмыкнул.

Из зала вели несколько дверей, растолканных симметрично. На двух значилось: «Лаборатория», и внутри пылились склянки с выпарившимися реактивами, клетки со сломанными, разорванными изнутри прутьями, загрязнившиеся раковины, брошенные нашивки. На них, выполненных в форме щита, желтели круги с чёрными лопастями, как у вертолёта. Две другие двери, помеченные как «Питомник», открывали большие склады с клетками разного размера, коробками и железными ящиками с вмятинами, царапинами, следами зубов. Они пустовали, и даже эта пустота не вселяла в нас успокоение.

Одна дверь, толстая, металлическая, неприступная, не же-

лала открываться, и панель рядом с ней мигала, предлагая вставить карту. Выбить, заглянуть и узнать, что там, не удалось.

Чтобы обойти весь зал, нам потребовалось больше двух часов. Колбы, молчаливые, таинственные, возвышались над нами и, словно терракотовая армия, стояли ровно друг за другом в ожидании своей минуты.

26 сентября 1993 г.

– Ладно, бойцы, возвращаемся, – скомандовал Матрос. – Посмотрели, и делать нам больше здесь нечего.

Солдатики зашептались, переглядываясь и бросая неуверенные взгляды на старшего. Он схватился за бок рюкзака, услышав треск и шум.

– Товарищ... Товарищ Матрос! Приём? – шелестящий голос Сашко эхом пролетел над колбами и растаял в конце зала.

– Товарищ Сашко, приём. Удалось починить связь?

– Как можете судить сами. Товарищ Матрос, у меня есть две новости, приём.

– Давай хорошую, – хмыкнул Матрос, поворачиваясь боком к солдатам и прижимая динамик рации к уху.

– Здесь нет хорошей, – вздох Сашко разлетелся, словно пыльная буря, и залепил горло. – Это... это не завод. Вернее, он официально числится заводом. А неофициально здесь проводились эксперименты...

– Логично, мать твою, – вдруг взорвался Матрос. – Я сейчас смотрю на этот чёртов эксперимент!

– Товарищ Матрос, вам надо уйти оттуда. Высокий уровень радиации и...

– Не пудри мне мозги! Говори, как есть!

– Товарищ... – Сашко снова вздохнул. Солдатики переми-

нались с ноги на ногу, стараясь не смотреть ни на колбы, ни на Матроса, пылающего злостью и нарастающим чувством безволия. – Этот город засекречен во всех базах, все упоминания о нём стёрли, каждому, кто работал и жил здесь, запретили говорить, потому что... Потому что завод по производству грузовых автомобилей после войны переделали в экспериментальный полигон. Они искали оружие, которое бы не уничтожало человека, но продлеvalo бы ему жизнь...

– Что, блядь, ты такое говоришь?

– Они думали, что воздействие радиацией на живое существо изменит его гены, позволит... «усиленно регенерировать умершие клетки». Но из-за ошибки эксперимент пришлось свернуть, правительство попыталось замять дело, уничтожить завод, любые документы, отсылающие к нему. Поэтому они даже увезли всех, кто жил здесь, понизили уровень радиации...

– И пригнали нас, – закончил за него Матрос.

– Да. Может быть, они хотят повесить это всё на нас, а может, думали, что мы из чистой солидарности будем охранять их секрет... – измождённый вздох Сашко мурашками пробежал по моей спине. – Товарищ Матрос, уходите отсюда. Мы подождём вас у входа, приём.

– Понял вас. Отбой.

Шипение прекратилось. Молчаливые солдатики потупились, застыли, словно статуи. В зале восстановилась многолетняя тишина. Казалось, будто нас и не было вовсе. Я по-

дошёл к Матросу, схватил его за рукав и потряс. Он медленно поднял на меня глаза: за мутными стёклами блестели две крохотные слезинки, и он, едва открывая рот, бессильно проговорил:

– Уходим.

Я почувствовал, как в животе сжалось, сдавило и скрутило. Хотелось бежать без оглядки, выбросить из головы всю чушь, что мы только что увидели, узнали, забыть, навсегда забыть о человеческой жестокости. Но не получится, как бы сильно мы того ни хотели. Я смотрел в глаза Матроса, над которыми, словно купол, нависли давно поседевшие брови, мягкие, в складку, веки, а под ними пролегла тёмная тень – свидетельство не бессонной ночи. Его рука больше не поднималась, чтобы хлопнуть меня по плечу, подбадривающе, сочувствующе. Он лишь отвернулся и, едва передвигая ногами, как будто под только что осязаемой тяжестью снаряжения, поднялся на пару ступеней.

Всё, что попало нам на глаза: колбы, пульта, клетки, пипетки и шприцы, костюмы – всё дышало предательством человеческой природы. Что значит «усиленно регенерировать»? Разве человеку дана такая сила? Кто мы такие, чтобы распоряжаться, сколько кому жить? Они хотели создать армию, армию долгоживущих, быстро восстанавливающихся солдат, может, даже сформировать отдельные войска, в которые ты насильно запикиваешься после тяжёлого ранения или почти неизлечимой болезни. Да и существовала бы тогда смерть?

Преодолеть страх перед нею – уничтожить человеческую природу.

Солдатики, проснувшиеся от глубокого, ещё не рассеявшегося сна, друг за другом, как ягнята, проследовали на лестницу. Они шли мимо меня, и их руки беспомощно болтались, едва касаясь алюминиевых перил, ноги зацеплялись за провода, за стулья, за ноги впереди идущего. Кто-то, не удержавшись, упал на колени, потянул назад товарища, облокотился на панель и шумно, часто задышал. Пронзительный вой сирены заглушил треск счётчиков, обезумевший гомон солдатиков и взывающий к порядку крик Матроса. Аварийные лампы на стенах, над входом и приборами зажглись красно-оранжевым, завертелись. Кое-где панели засветились, экраны что-то пытались сообщить, но распались на кубики, треугольники, параллелограммы и не могли собраться воедино. Входная дверь захлопнулась, отрезая нас от всего мира. Сгрудились солдатики, поглядывающие по сторонам, перекрещивающиеся, ожидающие полными слёз взглядами решения старшего.

Держа высоко голову, Матрос спустился и, расталкивая парней, пробился к центру кучи.

– Кто-нибудь, попробуйте разобраться с панелями, а остальные – за мной.

Пару солдатиков побежало к горящим приборам, в суматохе разглядывая надписи над кнопками, бумаги, памятки, но из-за толстого слоя пыли невозможно было в чём-нибудь

разобраться.

– Что ж это за такое? – крикнул в сердцах стоящий рядом со мной парень. – Почему от одной чёртовой кнопки зависит весь этот космодром?

И он был прав, ругая инженеров, так глупо и неосмотрительно спроектировавших приборы. Аварийная кнопка должна быть большой и яркой, закрытой и вообще удалённой от всего, а не расположенной ближе всего к выходу, на самом краю панели, крошечной и незаметной.

Толпа, как засор, застряла на верху лестницы, наваливалась и тянула на себя ручку двери, но ничего не происходило. Мы были заперты – все знали это, чувствовали всеми клетками и нервами своего существа, но до последнего никто не хотел верить в неудачу.

– Това...щ Матрос! – раздалось в рации. – Това..! Приём!

– Сашко? Что, чёрт возьми, происходит? – взревел Матрос.

– Я просил вас уйти. Я просил! Мы включили уничтожение подземного полигона.

– Сашко, скотина! Кто давал такой приказ? Выпусти нас отсюда!

– Я... я не могу! Я думал: вы ушли – Сидорович сообщил, что кто-то вышел из второго корпуса.

– Кто вышел? Мы все здесь, – Матрос цокнул, задумался и заорал на весь полигон: – Дармоеды! Эти сукины дети бежали, как крысы!

Солдатики переглянулись. Команда, оставшаяся в предбаннике, услышав разговор Сашко со старшим, решила самовольно покинуть здание то ли от страха, то ли от безысходности.

– Товарищ Матрос, я... могу вывести вас, но это будет самоубийством.

– Делай, что надо. Мы не собираемся гнить здесь!

– Зайдите в комнату под лестницей через десять минут. И, пожалуйста, не выходите, но, если что-нибудь случится, уничтожайте – не думайте.

– Что? Что должно случиться?

Ребята отыскали дверь, загороженную алюминиевым полотном, открыли и поочередно пробрались внутрь.

– Чтобы открыть внешнюю и внутреннюю дверь, мне придётся убрать всю защиту полигона. То, на что вы смотрите, откроется также. И я не гарантирую, что внутри – что-то дружелюбное.

– Ладно, чёрт возьми. Сейчас не о лирике. Делай, что нужно. Как только мы выберемся, я свяжусь с тобой.

– Понял. Десять минут. Отбой.

Матрос пнул стул, отскочивший и упавший на бок. Войдя в комнату, полную шкафчиков с защитными костюмами, респираторами, баночками различных цветов, транквилизаторами, мы нашли солдатиков сидящими на полу. Сгорбленные спины, долгие вздохи, избегающие взгляды, застывшие руки – всё лучилось измождением и слабостью. Матрос ста-

шил со спины рюкзак, уселся рядом с товарищами, откинулся к стене и закрыл глаза.

Отрезанные от мира, насквозь пропитанные радиацией, усталостью и безнадёгой, жалкие и никчёмные, мы сидели в комнатушке, где раньше одевались работники «завода», выходили к своему эксперименту и издевались над ним, издевались. Сколько живых существ побывало в их руках? Сколько ещё могло бы оказаться? Да и зачем прибегать к радиации? Ведь доказано же, что она калечит, уничтожает, а не делает непобедимыми и тем более ничего не восстанавливает. Неужели они верили, что смогут приручить атом, заставить его работать не с отрицательной, а с положительной силой? Наивные романтики. Как и мы, с надеждой глядящие в потолок.

Что теперь делать с правдой, обрушившейся на нас, как снежная лавина? Мы хотели её узнать и узнали, но стало не легче, а только сложнее. Теперь, кроме тех, кого увезли, растолкали по уголкам мира, спрятали, и мы в курсе. Что сделают с нами? И как нам смотреть в глаза казарменным, семейным, умирающим, да и бандитам? Сказать, что город создали лишь, чтобы провести эксперимент, его тщательным образом засекретили, отделив от чего бы то ни было на множество километров; сказать, что повсюду валяются противогазы, оружие потому, что опасность могла в любую минуту вырваться за стены «завода»; сказать, что мы, запертые здесь, нужны лишь для того, чтобы больные, старые, преступные

тела защищали их секрет до последнего. А выступление про «постоянное ударное функционирование» общества – очередная красивая сказка. За что мы страдаем, за что страдаем мы?

– Товарищ Матрос, приём, – зашипел голос Сашко. – Две минуты. Вы готовы? Закройте как можно плотнее дверь.

– Не волнуйся, юный Белл, уже всё сделано.

– Товарищ Матрос, извините. Никто не хотел, чтобы так получилось.

– От слов твоих уже не жарко и не холодно. Главное – выбраться отсюда живыми, – Матрос вздохнул, повернув голову в другую сторону. – Кстати, откуда ты знаешь, что здесь есть комната под лестницей? Мы-то её даже не заметили.

– В главном корпусе есть центр управления полигоном. Здесь и архив... был, но кое-какие карты и планы остались. Нашли журнал с записями всех экспериментов – кто-то пытался сжечь его, но не вышло.

– А нахрена без команды закрыли всё?

– Подумали, что никому не нужно знать об этом. Неправильно всё это.

– Подумали они. Десять минут ничего бы не решили – могли и подождать.

– Виноват, товарищ Матрос, – помехи пропали, но через секунду снова раздалось в комнатке: – Минута. Готовы?

– Поехали, чего уж там, – Матрос поднялся, отцепил от рюкзака автомат и достал пару гранат.

27 сентября 1993 г.

Солдатики повскакивали, зашуршали, достали стволы, некоторые приготовили аптечки, кто-то поправил противогаз, сменил патрон; со всех сторон слышалось новое, уверенное, сильное дыхание. Двадцать два чёрных дула строго смотрели на дверь в ожидании.

– Готово! – крикнул Сашко.

Никто не дёрнулся. В комнатке стояла гробовая тишина. За стеной слышались щелчки, бульканье спускающейся воды, скрипящие повороты ручки. Что происходило в зале, никто не знал, и на секунду я поймал себя на мысли, что знать этого не хочу вовсе. Что бы там ни было, пусть оно пройдёт мимо, пусть путь наш будет свободен. И я бы перекрестился, но вспотевшие руки крепко держали автомат, и я бы помолился, но, в очередной раз удостоверившись, что там, наверху, никто не наблюдает за нами, никто не возвращает на дорогу истины, укрепился в мысли, что Бог человеку не указ, да и сам он давно махнул на нас рукой.

Раздались быстрые-быстрые шаги, не громкие, не тяжёлые, как у человека в сапогах. Как только они стихли где-то над головой, слышались другие, похожие на перебор, трети – на прыжки, четвёртые – на шарканье. Ни животного рыка, ни жалобного крика, ни скуления не доносилось из-за двери, но мы всё равно стояли в ожидании. Пальцы на ногах

похолодели, со лба по вискам тѣк пот, но вытереть его было невозможно, спина, измождѣнная, похрустывающая у поясицы, болела и, казалось, разваливалась на части.

Скрип алюминиевого холста заставил нас напрячься; Матрос поднял ладонь в знак стоического ожидания. Лѣгкий удар пришѣлся по двери, кто-то из солдатиков, пискнув, вжался в стену. Спустя минуту удар повторился, но окреп силой и настойчивостью. Дверь, открывавшаяся не в нашу сторону, не желала поддаваться. Над головами продолжали ходить, а желающий войти в раздевалку всё никак не удалялся. В припадке озлобленного любопытства он ударил дверь: когти лишь поцарапали поверхность, но открыть не открыли. Тогда он разбежался и, приложившись в третий раз, выбил дверь. С громким шлепком она упала к ногам; солдатики вдохнули.

На пороге, играя торчащими из-под лохмотьев шкуры карминными мышцами, стоял огромный пѣс. Из скалившейся пасти обильно текла слюна. Готовые к нападению ноги слегка приподнимались и царапали плитку. Пѣс несколько мгновений разглядывал вооружѣнных людей, то ли прикидывая свои шансы, то ли ожидая выстрелов, и не дѣргался. Матрос, словно загипнотизированный, всё ещё держал руку и с ужасом смотрел на существо. Сказать, что оно живое, было сложно, однако оно двигалось, дышало, сверкало глазами, капало слюной. За спиной пса толпами шагали такие же всклокоченные, полуцелые, полуразъѣденные животные,

отдалённо напоминающие кошек, свиней, лисиц, собак. Они мало обращали на нас внимания, видимо, предоставив этому псу следить за запертыми в крохотной комнатёнке людьми.

Пронзительным шипением в рацию крикнули:

– Товарищ Матрос, вы живы? Где вы?

Осторожно, стараясь не испугать пса и не дать ему лишний повод броситься на нас, Матрос опустил руку и едва гнувшимися пальцами нажал кнопку.

– Сашко, мы внизу, – сухо проговорил он.

– Как внизу? Дверь открылась?

– Вроде, да. Куда-то же этот зоопарк девается.

– Неужели... Неужели они живые?

– Ещё какие. Один вон нас сторожит.

– Агрессивные? Хотя мы бы сейчас не разговаривали, если бы... – подумал Сашко вслух. – Что же нам теперь делать? Мы не можем закрыть ворота без вас.

– Сашко! Есть ли у нас связь с внешним миром?

– Н... нет, товарищ Матрос. Мы можем только принимать сигнал и передавать между собой. Уже пытались связаться с тамошними станциями, но сигнал как будто мимо проходит.

– Сашко! Можете вещать на всю Зону?

– «Вещать»? Зачем?

– Надо сообщить, что происходит. Надо предупредить, чтобы все заперлись, по возможности вооружились и, если вдруг встретят кого, не смели делать резких движений. Или вообще пришли в Казарму.

– Что Вы такое предлагаете? Нам надо защитить мирных людей, а не учить их, как обороняться!

– Сашко! Здесь я отдаю приказы, – рубанул Матрос. – Мы не знаем, что они такое: они проходят мимо и не реагируют на нас, а этот выломал дверь и, как дурак, пялится.

– Неужели... они разумны? Хорошо, я включу общее вещание. Но я не представляю, что мы будем делать потом, – бессильно закончил Сашко.

– Ничего, за это надо волноваться мне, а не Вам. Сашко! Отправьте дезертиров в Казарму, пусть помогают готовиться. Ввожу военное положение! Отбой.

Солдатики вперили взгляды на Матроса.

Кто-то борется с болезнью, как Лысая, кто-то – со старостью, как я или Иван Иванович, кто-то – с порядком, как бандиты. Не всем удаётся победить: уставая, некоторые опускают руки, другие же и вовсе не пытаются противостоять. А нам теперь предстояло бороться с тем, чего мы не понимаем совсем. И нужно ли бороться?

Матрос поправил рюкзак, крепче сжал автомат и, прочистив горло, крикнул:

– Пли!

Двадцать один выстрел прогремел, как гром. Мокрая от слюны и крови пасть сомкнулась, пытаясь противиться, защититься, высказать последнее слово. Бессильное тело пса лежало у двери, солдатики с удивлением разглядывали растекающуюся под ним лужу. Матрос, оборачиваясь ко мне,

бросил:

– Сегодня жалеешь их, а завтра они придут к тебе домой и без задней мысли сожрут.

Я не успел ничего ответить. Звери, увидевшие расправу над своим, сорвались, ломая строй, гавкая, визжа, царапаясь, кусаясь. Парни выбежали из комнатки и, стреляя во всё, что движется, перепрыгивали за колбами. В костюме вцепилась кошка, истошно крича, будто я отрезал ей хвост. Красные глаза сверкали ненавистью, на лбу блестела то ли побелевшая шерсть, то ли кость, бока, тощие, пегие, раздувались и тут же сжимались. Дёрнул ногой, но ничего не произошло, второй – ей хоть бы хны. Она зашипела, обнажая маленькие, но острые зубки. Рядом прогремел выстрел. Нога была цела – на костюме болтались мясистые кусочки.

– Не благодари.

Я ни за что не собирался благодарить Матроса. Спустя неделю с нашей вылазки я понял, какую глупую ошибку он совершил и как серьёзно подвёл нас под угрозу существования.

Отстреливаясь, ударяя существ по головам, солдатики прорывались к лестнице, отчищенной озлобившимися зверьми. В зале бушевала битва: кто-то отвлекал внимание на себя, ещё больше раздражая животных, другие же имели возможность убежать, но не убегали, а били, били, застигнутые врасплох. Матрос кричал благим матом, стрелял, пинался, и, казалось, не было в нём тех лет, что он прожил, ему

снова восемнадцать, завтра – выпускной, а он – школьник, вступающийся за честь девчонки. Надо во что бы то ни стало надрать этим олухам задницы, пусть знают, как связываться с Матросом, с самым сильным и умным мальчиком класса. Но вокруг были не драчуны, а животные, не по собственной воле ставшие экспериментом, не кулаки шли в ход, а оружие, впивающееся в плоть, разрывающее его, и не девчонку Матрос защищал, а себя и солдатиков.

Я, как подлый трус, бежал, не смея поднимать автомат на существ, прятался за колбами, наваливался на них не в силах больше двигаться. Но, отдохнув, снова бежал, бежал от лестницы, спотыкался, прятался и снова бежал, но к лестнице. Меня хватали чьи-то лапы, в сапог вцепилась крыса, с кровавыми глазами, с длинным голым хвостом, крупными проплешинами на спине и острейшими передними зубами. Я сбил её прикладом, но со спины напрыгнул пёс, не сколько гавкая, сколько кашляя. Сбросив рюкзак, я скрепя сердце пальнул в изуродованную морду – окроплённое кровью и остатками мозгов тело свалилось на пол. Сам того не желая, я стал убийцей.

– Ребята, вперёд! Путь чист! – выкрикнул Матрос, взбежав по лестнице.

Его блестящий от крови костюм скрылся в коридоре. Солдатики, заканчивая со своими жертвами или отгалкивая их, мчались за старшим. Тринадцать из них спаслись, остальные остались лежать.

28 сентября 1993 г.

Что даёт нам право называться разумными существами? Разум, который то и дело совершает ошибки, запутывает и обманывает? Чувство, которое приводит к наименьшим бедам, трагедиям и убийствам? Или этого права у нас никогда не было, но мы, возомнив себя чем-то совершенным, идеальным и оттого всемогущим, сами провозгласили свою «разумность». Где же правда?

А правда заключается в том, что мы, тридцать человек, подвергли большой опасности всех, кто живёт в Зоне, кто будет здесь жить, и даже тех, кто сюда никогда не сунется. Мучает ли кого-нибудь совесть так, как она мучает меня? Матрос, уничтожив десятки существ, не виновных в том, что их избрали подопытными, всё так же отдавал приказы, ругался на солдатиков, улыбался и курил. Парни всё так же бежали за ним, никто ему не противился, даже Олесь и тот молчал. Что это? Желание выжить любым способом? Мы сами едва не оказались заперты в зале на веки вечные, и, если бы у нас не было связи, всё кончилось бы печально. Видимо, в критическую минуту человек сбрасывает маску добропорядочности, общественных условностей и открывает истинное лицо хищника и палача.

Мы выбрались из четвёртого корпуса, заперев за собой дверь, ведущую в лабораторию, ворота. Но и там нам при-

шло несладко: вышедшие на поверхность животные разбежались кто куда, сновали между корпусами, запрыгивали внутрь третьего и разрушали остатки мебели, скрывались за главными воротами и, одурев от свободы, мчались в лес, к озеру, за завод.

– Почему не отстреливаете? – заорал Матрос, увидев людей Сашко, мирно стоявших у входа.

– Зачем? Они нас не трогают.

– Посмотрим, что Вы скажете, когда кому-нибудь из них взбредёт в голову попробовать человечины.

– Что Вы говорите? – пискнул Сашко. – Отстреливать их так же бесполезно, как и приделывать собаке пятую ногу.

– Знаете, этим собакам она бы не помешала.

– Товарищ Матрос! Зачем Вы начали это? – спросил он, оглядывая нашу поредевшую группу. – Теперь зоновцы будут думать, что животные опасны.

– Они и так опасны! Чего стоит та радиация, которой они фонят. Отстрел!

– Какой отстрел? Разве Вы не поняли? Эксперимент прошёл неудачно, – одновременно радостно и удручённо произнёс Сашко. – Его заморозили, закрыли, чуть не уничтожили. Эти животные такие же чудовища, как мы с вами!

– И это не отменяет того, что внутри них – радиация, которую они разнесут сейчас по всей Зоне, а нам с вами, – он ткнул его в плечо, – её глотать!

– Вы же знаете, что это не выход... – прошипел Сашко.

Инженер отвернулся, с сожалением глядя на растерянных зверей. Матрос скомандовал построение и повёл нас по главной улице, стреляя в бездумно скачущих животных. Они шарахались от хлопков, суровых и грозных фигур, прятались за машинами, домами, в подъездах, но, почувствовав надоевшую за многие и многие годы скованность, вылетали на улицу и снова убегали. Скорченные, облезлые, с застывшим взглядом, с раскрытыми пастьями, они лежали на дорогах, как выброшенные, никому не нужные тряпки.

Солдатики потеснили меня в центр колонны, чтобы я не мешался прицеливаться. За плечом болтался автомат, стучал по ноге, но я твёрдо решил, что пока ничто не угрожает моей жизни, использовать его не стану. Мысленно всё ещё оплакивал бедного пса, набросившегося на меня, чтобы отомстить за товарища. Но что, что я должен был сделать? Хочешь жить – убей, проявляешь жалость – умри. Матрос отчасти был прав, но как, как принять эту правду? Я не солдат, я не боец, я обыкновенный сантехник, идущий в строю с вернувшимися из вылазки. И что я тут делаю?

Громкий, раздражённый и обиженный на весь свет рык, сопровождающийся тяжёлым топотом, раздался за нами. Огромный, взъерошенный, слюнявый, с одним глазом, за нами по площади бежал медведь. Солдатики, крича и взвизгивая, выпуская патроны мимо, разбегались по домам. Я, не видя никакой возможности отбиться от медведя, вымотанный и едва передвигающийся конечностями, забежал во Дво-

рец. Спрятавшись за колоннами в просторном холле, сбросил рюкзак и, едва не задыхаясь, хотел было снять костюм и противогаз, но одному было сложно. Обливаясь потом и слезами, прижал к груди автомат. Из-за дверей доносились просьбы о помощи, ор и стоны. В холл ворвались Матрос с Казбеком. Первый, истерично крича, вталкивал стул в ручки двери, второй, истекая кровью, хватался за плечо.

– Нэ-нэ, нэ больно, – слабо отговаривался Казбек, пока мы оттащивали его к дальней стене холла.

Треск стихал, и мы, едва не раздирая костюмы, раздевались. Перевязывать солдата было непросто: он хоть и улыбался, говорил, что всё хорошо, но с каждой минутой бледнел, и кровь не переставая хлестала из раны. Матрос, кидаясь от стола к столу, из комнаты в комнату, искал нитки или леску, не соображая, что без иглы мы ничего сделать не сможем. Я перетягивал бинт, пачкаясь и едва не рыдая то ли от беспомощности, то ли от страха, прижимал к ране ладонь, слышал хриплое дыхание Казбека, видел его красную улыбку и слабое дрожание чёрных густых ресниц.

– Казбек, слышишь? – бил я его по щекам, когда глаза пугающе закатывались, садил ровнее, измазывая бежево-белую стену, и осматривал рану.

Длинная рваная полоса тянулась от ключицы до лопатки, и Матрос снова был прав, мечась в поисках ниток. Мы никак не могли помочь ему хлипенькими бинтами и скатавшейся ватой, а дотащить до Казармы вообще виделось мне невооб-

разимым чудом.

Входная дверь, высокая, крепкая, выполненная на манер дубовых, зашевелилась, но стул не дал ей открыться. Трижды в неё постучали.

– Откройте! Он сожрёт меня!

Я не знал, что делать. Сил почти не было, вытаскивать пресловутый стул я не решился. Отдёрнув толстые бардовые шторы, я распахнул окно и крикнул: «Сюда!». Солдатик, чьё лицо блестело от крови, обезумевшими глазами смотрел на меня и, держась дрожащей рукой, еле влез внутрь. Захлопнув окно, я оглядел улицу, но ничего, кроме чёрно-красных пятен, размазанных следов и безразлично шелестящих деревьев, не увидел.

– Ты чего раздетый? – сорвался я на бедного солдатика.

– Да я... я в соседний дом убежал... т-тяжело всё-таки – разделся.

– Противогаз где? – осматривая его, допросил я.

– П-противогаз? – стеклянный взгляд солдатика, устремлённый в никуда, упал на меня, но тут же вернулся обратно. – Там оставил...

– Зараза!

– Что здесь? – Матрос, держа в руках бинты и бутылёк спирта, спустился с левой лестницы. – Что произошло, орёл?

Он, не глядя на нас, подошёл к Казбеку, похлопал его по щекам, растёр лоб спиртом, сунул ткань под нос. Солдатик поморщился и, дёрнув рукой, застонал. За дверью снова раз-

дался крик, но смотреть на улицу я не решился, усадил напротив Казбека парнишку с кровью на лице, стащил с него рюкзак, автомат, осмотрел, все ли части целы. Не раненный, но как будто замороженный, он сидел и не замечал, что творится вокруг.

– Как он? – спросил я, указывая на Казбека.

– Никак. Мы лишимся хорошего бойца, если не залатать.

А тут ни хрена нет – только до Казармы топать.

– Как топать-то? Там этот ходит.

– Перебежками. До схрона дойдём, там по переходу.

– Схрон? Ты ж закрыл его.

– Я похож на идиота? Олесь открыл перед тем, как уйти с нами. Там, вроде как, кто-то из женщин должен быть.

– А как уйдём? Оставим их тут что ли?

– Вил, Вил! – Матрос потряс парнишку за плечо. Тот невидящими глазами посмотрел на старшего, приоткрыл рот, но ничего не сказал. – Пойдёшь с нами?

– Т-товарищ Матрос, я...

Он глубоко задышал, на глаза навернулись слёзы, тонкие ручейки, смешиваясь с засохшей кровью, стекали на бездвижные руки.

– Ясно. Вдвоём управимся, – подвёл черту Матрос.

Оставив снаряжение рядом с солдатами, наказав никого не впускать и никого не выпускать, он двинулся к заднему выходу. Сбросив замок прикладом, мы открыли дверь и выбрались на улицу. Главная дорога молчала. Мы, согнувшись

в пять погибелей, перебежали от угла к углу, Матрос изредка поднимал руку, осматривал периметр, и мы снова мчались до следующего укрытия. Проспект, заляпанный грязью, кровью, кусками тел, обречённо тянулся вместе с нами. Оставалось всего несколько домов до схрона, всего пять минут, но почему-то мне стало страшно, словно Казбека уже не вернуть, словно во Дворец ворвался медведь и распотрошил солдатиков.

Матрос дёрнул ручку, и с невероятной радостью мы вползли в схрон.

Учуяв запах еды, схватили по банке тушенки и, продвигаясь по туннелю, грязными руками лопали её, как манну небесную. Пустой желудок счастливо ворчал, что его так долго морили голодом и только теперь вспомнили покорить. Казарменные отступали и шугались, встречая нас, они молча прижимали руки к груди, охали и качали головами. Матрос взял большой чемодан, в котором хранил нужные для бойцов медикаменты и инструменты, отдал распоряжение тщательно вымыть всех, кто вернётся, свалить костюмы и одежду на задний двор, сильно не контактируя с ней. Женщины и старики коротко проводили нас слезливыми взглядами и тут же разбежались выполнять приказ.

– Ну и делов мы наделали! – цокнул Матрос. – Прости меня, Медведь! Ты ж думаешь, соображал я что ли? Ни черта подобного! Господи, – шепнул он, всхлипывая, – эта чёртова Зона так изменила меня!

– Я знаю, Матрос, знаю. Мы все уже не те, но что теперь, плакаться?

– Плакаться? Кто это тут плачет? – он обиженно утёр глаза. – Одно хреново: правы были те, кто послал нас сюда, – сдохнуть нам надо было в первый же день, а мы чё-то маемся, маемся. Эх-эх-эх, и там я ничего не сделал хорошего, а тут оказалось, что я вообще ни на что не годен.

– Годен не годен, делать-то теперь что?

Он открыл дверь в магазин и, посмотрев на меня, выдохнул:

– Не знаю.

Матрос, всегда уверенный, планирующий наперед и гнувший свою линию, выглядел теперь жалким, сломленным, растоптанным.

– Я ж для себя хотел пойти туда – душу успокоить, – проговорил он, толкая в рюкзак тушенку. – Мол, нет там ничего, всё хорошо – авария и авария – чёрт с ней. А оно вон как всё оказалось. Будто Зона посмеяться надо мной решила. И этого послала, чтобы мне в урок!

Я промолчал. Потому что Матрос снова был прав: он виноват, и ему бы нести наказание, но расхлёбывать придётся всем.

29 сентября 1993 г.

Плотно прижав входную дверь, Матрос огляделся и, не заметив присутствия медведя, бессловесно скомандовал выдвигаться. Мы едва ли не лежали на земле. Пожухлая трава пахла сыростью и горечью. Стены одинаковых домов загораживали нас, но в огромных промежутках между ними у меня начинало всё чесаться, и я, сжимая кулаки, изо всех сил держался, чтобы не издать лишний звук.

Матрос поднял руку, выглядывая из-за угла соседнего у Дворца дома, и шикнул. На главной улице, стоя широким облезлым задом к нам, в чьих-то останках копался медведь. В паре окон на четвертом и пятом этажах виднелись растрёпанные холки, осторожно приподнимающиеся в любопытстве и тут же с ужасом опускающиеся.

– Надо ж было так обосраться, – ругал себя Матрос.

Он, да и все: я, солдатики, зоновцы – понимали, что медведь никуда не собирается деваться, пока не отомстит за беспокойную жизнь, возможно, даже за порушенную семью, за хладнокровное убийство зверей – таких же жертв, как и он. Но заниматься им сейчас было несподручно: у одной из стен Дворца умирал Казбек и не приходил в себя парнишка Вил, а сколько ещё солдатиков нуждались в нашей помощи?

Матрос гуськом потащился к заднему входу. Немного отставая от него, постоянно оглядываясь на проспект, я полз

следом. Видимо, медведи обладают хорошим слухом: он услышал шорохи, когда мы были на середине пути, и, зычно заревев, побежал. К морде прилипли кусочки мяса, некоторые без ведома медведя отваливались, терялись в бесконечной шерсти. Матрос, распахнув дверь и приготовив автомат, ждал меня. Запутавшийся в земле, камнях, ногах, я едва не распластался перед носом хищника – неведомая сила понесла меня вперёд и зашвырнула во Дворец.

– Засранец! – заверещал Матрос, выстреливая в морду животному и захлопывая дверь.

– Что ты сделал? – кричал я, понимая, что мы против разозлённого медведя ничего не сможем поставить.

– Заткнись! – он схватил меня за грудки, бросив автомат и рюкзак. – Заткнись, понял? Лучше принеси стол из кабинета.

Пока я составлял мебель к запасным входам, симметрично расположенным по бокам Дворца, Матрос, как смог, залатал Казбека, ничуть не отличимого от свежевystиранной простыни, допросил Вила и накормил солдатиков. Бедняге Вилу довелось наблюдать, как два пса разорвали Олеся, зажав его на лестничной клетке. Сбежав через окно первого этажа, парнишка искал новое укрытие, но зоркий медведь увидел его и погнался. Вил метался, пока вконец не отчаялся и не прибежал ко Дворцу. Успокоившись за свою шкуру, он раз за разом вспоминал жестокую смерть товарища.

– Предложения? – спросил я, установив баррикады.

Матрос почесал лоб, нос, вконец поседевший затылок.

– Бойцы из нас никакие – сам понимаешь. А где весь народ

– чёрт знает.

– Свяжись с ними, вдруг кто ответит.

Зажав кнопку, он громко и как можно тверже произнёс:

– Орлы! Докладывайте.

Тишина длилась всего несколько секунд, показавшихся мне мучительными. В груди болело, тело не прекращало чесаться, голова заполнялась вопросами, но они тут же таяли, не получая ответов.

– Товарищ Матрос! Рядовой Мелетин добрался до Казармы.

– Петрушка! Кто ещё с тобой? – по лицу Матроса скользнула улыбка.

– Веня и Дмитрий.

– Понял. Привели себя в порядок?

– Товарищ Матрос, а волосы тоже надо сбривать?

– Обязательно! Ногти состричь, всё сбросить за домом.

Кучу – сжечь!

На том конце помолчали. И, словно траурный, слышался голос:

– Слушаюсь.

Потом снова зашуршало, и в эфир пробрался Сашко:

– Товарищ Матрос! Это кошмар! Что Вы натворили!?

– Отставить панику. Что случилось?

– «Что случилось»? Медведь дерёт всех, жрёт и не давит-

ся. Крысы и кошки загоняют в угол, а псы и лисы нападают там. Они умны, чёрт возьми!

– Варианты?

– Матрос! Хоть раз в жизни ты можешь не корчить из себя дурака, – устало проговорил Сашко. – Не будь дерьмом сейчас, когда мы умираем из-за твоих ошибок.

В глубине души мы знали, что Сашко прав, но сказать этого не могли: то ли боялись произнесённой правды, то ли не хотели расстраивать отношения с Матросом. В холле повисла тишина. Мутными глазами Казбек смотрел на нас и, держа руку у плеча, скалился. Матрос, встретившись с ним взглядом, сжал губы и, поднеся рацию, сказал:

– Объявляй эвакуацию и сбор у Казармы. Побудь моим Молотовым.

– Пошёл ты. Отбой.

30 сентября 1993 г.

Как четыре месяца назад мы решали, куда же нам податься, что делать, для чего жить, так и сейчас думаем, как же вернуться к мирной жизни. Если тогда мы могли плевать и во всём винить власть, избавляющуюся от непригодного человечества, то теперь так не получится: во всём виноваты мы.

В течение нескольких дней, одолжив у Олега два грузовика, увозили зоновцев к бункеру и нагло всем ввали, что скоро они смогут вернуться на свои места, скоро мы избавим Зону от нашествия существ. Люди, кроткие и испуганные, тихо сидели на кроватях, иногда шёпотом переговаривались, уважительно и вседоверительно смотрели на нас. И пусть они казались смиренными, покладистыми, в воздухе витало напряжение, как в весеннюю предгрозовую минуту. Пользуясь этим затишьем, произвели перепись населения, пока прибывали новые и новые грузовики, полные толп. Насчитали 659 человек вместе с оставшимися солдатиками. Не встретив среди них Лысую и Степана, я понял, что и они покинули нас.

Ежедневно мы уходили группами, отстреливая животных, но каждый раз казалось, будто их становилось всё больше и больше. Массы лающих и вопящих бежали на нас: кто-то лишился одежды, кто-то – руки, кто-то – жизни. И, сидя за

широкими стволами елей, я не знал, что было лучше, кто из нас получал успокоение: они, расставшиеся с проблемами и ужасами, или мы, горящие надеждой и мщением за своих. Держать в руках автомат непривычно и сначала казалось гнуснейшим делом. Постепенно свыкаешься с мыслью: если не ты, то тебя.

Кто ещё мог защитить стариков, семейных, только-только почувствовавших успокоение, если не мы? Бандиты иногда помогали нам, но и они, увидев, что просвета в наших стычках со зверьём не видно, отнекиваются от вылазок. Да, конечно, мы виноваты, и нам держать ответ перед всеми, но и они умеют защищаться – почему бы немного не постараться? Но бандиты, то ли всё ещё справляющие панихиду по Вите Первому, то ли просто не желающие признавать в Матросе авторитета, дисциплины не придерживались, пили и выходили из бункера по ночам, не обращая внимания ни на караульных, ни на блуждающих в округе зверей.

Старики, прикипевшие ко мне, как к сыну, почти всё время молчали, когда я приходил к ним, приносил еды и уверял, что потерпеть оставалось всего ничего. Узнав о судьбе бедной Дарьи, они совсем сникли и закрылись от всех, на мелькающего Олега бросали укоряющие взгляды, да и меня, наверное, тоже видеть не хотели. Что им мои подачки, когда нет теперь той, ради кого они хотели жить? Вере какое-то время было лучше, пока кто-то из бандитов не проболтался о том, что же случилось перед заводом; слегла и больше не

встала. Старики редко приходили к ней: делать им там было нечего, а молчать и с трауром в глазах смотреть друг на друга – не каждое сердце выдержит.

Казбек, потеряв чересчур много сил и крови, отправился к праотцам. Следом за ним ушёл и Петрушка, бледный, поседевший за ночь. Да и сколько солдатиков умирает каждый день. Некоторых мы ещё успели положить у Казармы, а другим пришлось ютиться недалеко от бункера, у старой водонапорной башни. Без крестов, без табличек, без опознавательного камешка – только перекопанная земля, которая скоро засыплется снегом, а потом и порастёт травой, как и всё здесь.

Так и жили мы все эти дни, перебегая от дерева к дереву, от комнаты к комнате, от правды к неправде. Писать не было ни сил, ни желания. Только теперь нашёл в себе мужество выложить всё, как есть, что думаю. Но и то кажется мне ложью.

1 октября 1993 г.

Конец сентября выдался дождливым и хмурым. Октябрь начинается ничуть не лучше: выйдя на утренний осмотр, мы попали под ливень, промочили ноги.

Пока Роза с Владимиром, который немного откормился, но всё ещё был нелюдим, варили завтрак, разносили тарелки, вторая группа караульных и мы, только что вернувшиеся с обхода, застряли в душе. Чистая вода вдруг сменилась грязной, воняющей тухлятиной и гниющим мусором. Никто, ясное дело, не желал булькаться в такой воде; очередь возмущающихся пополнили только что позавтракавшие зоновцы. Аргументов было множество, и все разумные, а вот решения проблемы почему-то никто не предлагал, считая, что и без него разберутся.

Живя в Зоне уже полгода, мы до сих пор не знаем, где центральная котельная, водоочистительная станция; совсем недавно и то, потому что нам пришлось, восстановили связь, забравшись на вышку. Никчёмные из нас колонизаторы получились.

Снарядили группки солдатиков, отправились в разные стороны. Мне и ещё трём бойцам достался северный лес, тёмный и дремучий. Пробираться по кочкам, среди торчащих сухих корней, ветвей, падающих за шиворот листьев было тяжело. Я, не привыкший к блужданию по лесам, пом-

нил своё последнее болотное путешествие – мы с солдатиками наломали палок и постоянно тыкали перед собой, словно слепцы. Но, к удивлению, земля ни разу перед нами не разверзлась и никого не втянула по пояс.

Среди оголяющихся деревьев видели церквушку, всё ещё блестящую куполами. В нескольких метрах от неё, огороженное невысоким почерневшим забором, располагалось кладбище. Серые, беловатые, в крапинку, чёрно-белые плиты всюду торчали, смотрели на нас серьёзными, равнодушными, пустыми глазами с фотографий. Маленькие и простенькие надгробия, будто яблоки, усеивали ряды, лишь изредка кое-где показывались большие и великолепные, сделанные для людей не последнего десятка. Над чьей-то головой нежный мраморный ангел сложил в вечной молитве руки; где-то цвели никогда не увядающие розы, выющиеся по высокой арке; кому-то даже собственный памятник в полный рост водрузили. Солдатики оглядывали плиты, вчитывались в имена, даты их жизни, рассматривали букеты, принесённые много лет назад родственниками и друзьями и уничтоженные временем и непогодой. Кто теперь заглянет к вам, уснувшие вечным сном? Кто придёт поговорить о жизни, бегущей без вас? Кто вспомнит о счастливых днях прошлого, озорные поступки, взгляды, слова?

Кресты, плиты, памятники заканчивались 1986 годом, а огороженное под кладбище место тянулось дальше. За ним, за стеной деревьев, берёз и елей, тоненькой струйкой, бегу-

щей по мшистым камням, тѣк родник. Мы умылись, напились холодной и, к нашему счастью, чистой воды. Пока бойцы чистили сапоги, я с удивлением разглядывал рядом пролегающую стену. Такая же, как и та, что огораживает завод: высокая, шершавая, увенчанная колючей проволокой. В острых цепких лезвиях застряло изуродованное тельце пегой кошки.

Спустя несколько месяцев я и забыл, как жестоко и лживо нас собрали и загнали сюда, словно разбежавшееся стадо баранов. Закрыли ворота на засов и ушли, предоставив бедных, жалобно блеющих животных самим себе. А мы почему-то даже и не попытались выйти – что уж выйти – мы не пробовали стучать в ворота. Сидим и ждѐм, когда же с нами что-нибудь хорошее случится. Хорошего как-то и не видно: только выстрелы, крики, плачи, радиация, вечная ложь и стены, стены, стены... Разве кто-то пытался подняться против, когда нас держали в высоченных башнях на краю земли? Нет, нам всунули в рот вкусные булочки, глаза заняли глупыми мелодраматичными историями, в руки всучили поделки, инструменты, тетрадки. Разве кто-то набросился на сопровождающих, на людей в погонах? Нет, мы продолжали верить в сознательность и доброту окружающих людей; мы думали, что нам не раз попадѣтся такой же Валентин Евстратович, поговорит по душам и мирно отпустит. Разве кто-то закричал, заколотил в ворота, когда отъехал поезд, когда ноги ступили на перрон? Нет, мы безвольно пожали плечами и

зашли в первый попавшийся дом, чтобы переночевать.

Раз и навсегда мы отказались от мысли о неповиновении, и, даже когда нас сунули в коробчущку, нашими телами прикрыли гнусную правду и ужасную ложь, мы всё ещё молчим и кусаем почти обглоданный кулак.

Блестящая на угасающем солнце проволока насмехалась надо мной, над солдатиками, над всеми зоновцами. «Зоновцы»... Какое мерзкое слово я придумал! И нет за ним ничего: ни счастья, ни свободы, ни будущего.

2 октября 1993 г.

Вернувшись с осмотра северного леса, не найдя там ничего, кроме толстых деревьев, забытых душ и чистого родника, мы словно попали в рой диких пчёл. Утром возмущения, пробуждённые грязной водой, не только не стихли, но и стали настойчивее. Семейные жужжали над ухом у Матроса, он слабо отмахивался от них, говоря, что бойцы ушли на разведку. Ничего нельзя было поделаться с уставшими людьми, находящимися взаперти. Конечно, уже к ночи Матрос снарядил ещё пару отрядов, солдатики набрали воды из родника, но даже это не успокоило население.

– Верните нас домой! – кричали одни.

– Что вообще происходит? – допытывались другие.

– Мне плевать, что там. Я уйду – надоело сидеть здесь! – вскидывали руки третьи.

И все были правы: Матрос, желающий лучшего, но натворивший большие дела, люди, по горло сытые «завтраками», неопределённостью и неправдой, солдатики, беспрекословно выполняющие приказы старшего, и даже я, глупый, молчаливый, слабый.

Ребята, уехавшие на юг, всю ночь не выходили на связь, и я то и дело что сталкивался с беспокойным взглядом Матроса. Мы делили одну комнату, но находились будто в разных местах. Утащив несколько книг из моей маленькой библио-

теки, я лежал на кровати и читал, а он всё мерил крохотную коробку шагами, часто стоял у двери, прикладывая пальцы к подбородку. Глаза на мгновение замирали, грудь высоко поднималась и дрожа опускалась, губы приоткрывались, зубы тут же хватали их.

Когда свет в комнатах погас, Матрос снова попытался связаться с солдатами, но на том конце слышались треск и шуршание. Усевшись на кровать и обхватив голову, он прошептал:

– За что..?

– Если утром не свяжутся, поехали сами, – предложил я, отрываясь от книги.

– Ты совсем не понимаешь, что происходит, да, Медведь? – зашипел он.

– Что происходит?

– Вот именно! Не будет никакого «завтра». Они пырнут меня ночью, – Матрос указал на дверь, – выйдут из бункера, а медведь их загрызёт. Ты провалишь отсюда, будто это вовсе тебя не касается. Что с моими? Куда им пойти?

– Никуда я проваливать не собираюсь.

– Заткнись! Тебе нет никакого дела до всех нас: легко рассуждать, когда находишься в стороне.

Седые мокрые волосы взъерошились, рот застыл в бессильном оскале. Садясь, я смотрел на Матроса, на его красные глаза, глубокие чёрные тени под ними, на не такой ухоженный, как раньше, подбородок, бледные щёки. Он отвер-

нулся и упёрся лбом в дверь.

– Когда ты наконец поймёшь, что я тебе не враг?

– Когда тебе наконец станет не насрать на нас? – огрызнулся Матрос.

– Я дал тебе жилеты? Дал. Я пошёл с тобой? Пошёл. Я дал тебе чистой воды? Дал. Чего ты ещё хочешь от меня? – раздражаясь, сипел я.

Он глубоко дышал, продолжая упираться в дверь. Мне хотелось поддержать его, но слабое сочувствие ломалось о стену его истерии. Наверное, он видел что-то, чего я продолжал не замечать. Что-то такое, что бы обязательно помогло нам всем. Что бы подняло Веру на ноги, что бы уничтожило медведя, убивающего всё движущееся, что бы воскресило погибших солдатиков и людей, ушедших не по собственной воле. Но я не Бог, я не Дьявол, я – человек, слабый, ничтожный, бессильный.

Матрос сел на пол, повернувшись спиной к выходу. По морщинистому лицу текли слёзы. Трясущаяся рука протянулась, и он полушёпотом сказал:

– Возьми... Забери у меня власть... я больше не могу...

Я не сразу понял, о чём он просит, и, чтобы привести Матроса в чувство, похлопал по щекам. Он отмахнулся от меня и, вцепившись в предплечья, проговорил:

– Я обосрался, понимаешь? Но закопать это дерьмо у меня нет сил. Нет! Я не могу смотреть в глаза солдатам, говорить, что всё хорошо, когда знаю, чёрт возьми, что там ходит эта

тварь. Тварь, которую я выпустил! – он с трудом сглотнул. – Возьми их в свои руки...

– Ты не можешь, а я должен подчищать за тобой? Обосрался он... А я? Я не обосрался? Меня сейчас бы здесь вообще не было бы, если бы ты не спас.

– Это другое. Если бы я не дал команду, ничего бы не случилось. И я... И я, и ребята знают, что я во всём виноват. Но глотают-то все, чёрт подери!

– Матрос! – потрянул я его. – Не бывает войны без поражений. Не бывает жизни без ошибок.

Маленький, измождённый, отчаявшийся, он поднял на меня глаза. Страх и мольба о помощи дребезжали в них. Он облизнул губы и хрипло сказал:

– После всего, что пережито там, кажется, что хватит с тебя войны. Хватит войны, хватит смертей, хватит ошибок. Когда возвращаешься с Афгана, всё, чего хочется, – спокойствия, правды и справедливости. А тебя, как собаку, хватают за шкуру и сажают на цепь охранять... непонятно что.

– Очередное дерьмо, – вздохнул я.

– Ну что за круговорот дерьма в природе, – фыркнул Матрос.

Я помог ему подняться, усадил на кровать и накинул на плечи тёмно-синее покрывало. Слабыми пальцами он обхватил грубую ткань и едва заметно кивнул. Из-за двери доносились шаркающие шаги караульных и чей-то громкий храп. Каждый распоряжается своей минутой сам.

– Запомни: никогда больше не предлагай такое – я ни за что не буду командовать людьми и отправлять их на смерть; лучше сам умру. Считай, что ты ничего не говорил.

Он крикнул, то ли соглашаясь, то ли считая меня дураком.

– А утром, если парни не свяжутся с нами, берём Олега и мчим на юг сами.

Матрос послушно кивнул и открыл было рот, но я прервал его:

– Разговорчики отставить. Ложись. Я покараулю, чтобы никто не зашёл.

С благодарностью в глазах он протянул ладонь. Крепко пожал её, я вышел в коридор.

Свет в комнатах не горел, голоса не перешёптывались – люди, пусть и обозлённые, но всё же уставшие, спали. Карательные, стоявшие у входов, тихо хихикали, рассказывая какие-то глупые истории.

Свежий ночной воздух захватил меня в свои объятия. Тёмные, высокие, разлапистые фигуры шуршали, устремляясь в небо. Серо-фиолетовые облака медленно плыли по блестящему полотну, сливаясь друг с другом и разваливаясь на причудливые фигуры. Тонкий, словно серебряная серёжка, месяц выглядывал из-за облаков, и мягкий свет ложился на будку, где спали люди, на лес, где наверняка бродят животные, на меня.

3 октября 1993 г.

Спал он плохо: ворочался, хватался за одеяло, пинал воздух и хрипел, будто хотел закричать. Поднялся самым первым и, заметив, что я сижу у двери, похлопал по плечу. Он двинулся, покачивая опущенными плечами, шаркая ногами, к ванной.

С самого начала, с первой минуты, как мы ступили на перрон, было ясно, что кто-то должен встать выше всех. Витя Первый, заправляя разрастающейся шайкой, держал её в узде и приправлял всё ежовыми рукавицами. Ему казалось, что это – единственный вариант. Матрос, поддерживая солдатскую дисциплину, по-отечески заботился о ребятах и во всём видел угрозу их жизни. Он думал, что так надо руководить. Но как было правильно? Первый умер от пули собственного же подчинённого, Матрос сломался.

Связываться с солдатами не пришлось: они приехали сами. Оказалось, что их рация сдохла и они не могли никаким образом связаться с нами. Ребятки обнаружили водочистительную и водонасосную станцию в одном-единственном здании на западе от завода. Заметить я его никак не мог, когда был в той части Зоны: оно скрыто жилыми домами и стоит почти у забора. Матрос на радостях командировал солдатиков в двухдневный отпуск и премировал их двойными порциями на обед и ужин. Сообщив народу приятную но-

вость, он снарядил группу умеющих и могущих, отправив туда и ликвидаторов.

По улицам спокойно ходили животные, облезлые, драные. Удивительно, что в их костлявых и костяных телах была сила бежать, прыгать, выть, хватать друг друга за конечности. Изредка они мчались за грузовиком, но, не нагнав его, сворачивали и исчезали с дороги. И мы без проблем, без помощи ликвидаторов добрались до станции.

Небольшое, кубическое здание с растрескавшейся фреской, на которой высокий блондин льёт воду из кувшина, с короткой трубой и маленькими окнами стояло на отшибе. Станция качала воду из прилежащих рядом реки и озера, о чём нам сообщил план забора воды. При этом всё, что уже было использовано, отработано в жилых домах, в рабочих помещениях возвращалось сюда же, но в другую часть станции, очистительную. После обработки вода снова могла поступить в краны, если бы кто-то нажал кнопку, кто-то озаботился этим.

Сашко, просматривая чертежи установок, цокал и проводил по бумаге пальцами. Конструкции казались сложными, вычурными, специально созданными для станции и этого городка.

– Резервуар грязной воды переполнился, и механизм решил, что пора выдать и эту воду тоже. Хотя кто знает, что лучше: радиоактивность или грязь?

– То есть всё это время мы пили воду из радиоактивного

озера? – присвистнул солдатик.

– Нет, до этого не дошло. Озеро было второстепенным источником воды после реки, – пробурчал Сашко, глядя на чертёж. – Видимо, они использовали почти всю воду, после чего замкнули систему водопровода, чтобы не прибегать к сторонним водоёмам.

– Короче говоря, вариться в собственной кастрюле.

– Да, примерно так. А сейчас нам придётся разваривать этот суп.

Несколько часов команда инженеров во главе с Сашко соображала над чертежами и устройством механизмов. Всей Зоне перекрыли подачу воды. Как говорится, плановые работы. Когда уставшие и полуголодные солдатики решились приготовить ужин, Сашко объявил, что они во всём разобрались и теперь можно приниматься за починку. Уже ночью, когда небо обсыпалось блестящими звёздочками, мы завершили работу. Я вышел на улицу и уселся у входа в станцию. Сообщив Матросу, что операция по восстановлению чистой воды прошла успешно, я посмеялся. Искренне и облегчённо посмеялся.

– Эх тебя раззадорило! – хмыкнул Матрос.

Хорошо, тепло стало на душе, когда я сделал именно то, к чему столько лет лежит рука. Почувствовал себя снова нужным, делающим своё маленькое дело.

Солдатики ходили взад-вперёд, осматривали на этажах механизмы: появился лютый интерес после ремонта. Кто-то

стоял недалеко, спрашивая у воздуха, как там сейчас люди в бункере. Ребяшня поглядывала друг на друга, вяло улыбалась и тут же отводила взгляд, словно парней обвиняли во всех преступлениях мира. Наверное, совесть и радость за Матроса никак не примиряли с ним его глупую и смертельную ошибку.

Возвращаясь обратно, мы выглядывали из кузова: на небе показывались первые робкие лучи, облачка красились в желтоватый. Недалеко шелестел лес, жёлто-оранжевый, весёлый, ожидающий зимней наготы. Справа всё так же возвышалась радиовышка, маячила труба завода и тёмным жерлом кричал разворочанный корпус. Вкруг них обходила рябая колючая проволока с ровнёхоньким, но серым, в пятнах, забором. Трещали счётчики, но мы, каленные радиацией, не вздрагивали, не выкатывали глаза – спокойно слушали знакомые звуки.

4 октября 1993 г.

У бункера стоял Олег, когда мы подъехали. Красные глаза, влажный рот, затягивающий сигарету, трясущиеся пальцы насторожили меня.

– Ёлки-палки, – рыдая, сказал он, – что теперь делать? Медведь, возьми, что хочешь возьми, но верни, верни Веру...

Он бросил недоконченный окурок и крепко сжал меня. Сердце его билось так быстро и сильно, что я чувствовал волнение груди и шеи сквозь одежду.

– Ёлки-палки, Господи, я ни о чём у тебя не просил, я никогда не обращался к тебе, но делаю это теперь: верни, пожалуйста, верни мне Веру... – шептал он. – Медведь, она оставила меня, и я никогда больше не увижу её...

Солдатики молча, отворачивая головы, потупив взгляды, проходили мимо нас. Я погладил Олега по спине, но ничего не сказал. Стоило ли что-то произносить, когда ни в чём не повинный человек ушёл из жизни, так долго и так сильно выстрадав за нас. Он скрипел зубами, и постепенно плечо моё увлажнялось.

– Господи, а эти болваны просят меня быть их главным. Да провались оно всё пропадом! Что делать-то без Веры?..

Усадив Олега на землю, я спросил, чтобы нам принесли завтрака. Хотя полупустые глаза товарища говорили о

неприятии ни единой мысли о еде, я втолкнул несколько ложек в его слабый рот находящегося при смерти больного. Он еле жевал, смотрел в пустоту, мимо меня, а из глаз текли безмолвные слёзы. Однажды получая надежду, думаешь, что она всегда будет рядом что бы ни случилось, но, когда всё же что-то происходит и надежда разваливается на куски, рассыпается и утекает между пальцев, не веришь, до последнего не веришь, что это случилось с тобой. Потому что приходит простое и понятное: всё было впустую, не за чем.

Я принёс свой потасканный, кое-где порвавшийся матрац, подложил его под Олега и просидел рядом с ним весь день. Солдатики увозили семейных и стариков по домам, они радостно обменивались планами на будущее, загружали грузовики пожитками, Матрос сновал туда-сюда, словно у себя в Казарме, и всем было глубоко наплевать на умирающего человека. Они бросали любопытные взгляды и, сталкиваясь с моим, отворачивались, делали вид, что это их не касается. Только старушки, сидевшие день и ночь у постели Веры, молча подошли к Олегу и, положив дряхлые бледные ладони на его плечи, уехали вместе со всеми.

Ужин я вталкивал в него насильно: раздвигал челюсти, пихал ложку, полную пюре, приказывал жевать и наблюдал за медленными движениями. Больше он так и не произнёс ни слова, смотрел в одну точку и изредка моргал, выпуская слёзы одиночества.

5 октября 1993 г.

Ещё на один день казарменные остались в бункере, чтобы привести всё в порядок, отмыть полы, душевые, застелить кровати, подровнять подушки. Будто никогда и не было здесь никого. Хотя слегка подъеденный провиант на полках выдавал наше присутствие.

Матрос, видя, что временно я сменил роль его няньки на няньку для Олега, бегал, махал руками, срывался на солдатиков, плохо подметавших пол, грозился штрафными кругами по Зоне или вечной ссылкой на завод. Роза с Владимиром сворачивали полевую кухню, убирали посуду в коробки, закладывали её тряпками и с трудом выносили на поверхность. Волнение было не меньшим, чем когда мы начинали эвакуацию; но тогда всё происходило в спешке: закидывались нужные вещи, ничто не подлежало обсуждению, лишние движения исчезали – всё работало на чрезвычайность. Сейчас же торопиться было некуда, хотя где-то по Зоне до сих пор бродил медведь.

– Будем каждый день снаряжать группу ликвидаторов, – предложил Матрос выход из положения.

– И как узнаем, что в определённой точке Зоны появился медведь?

– Сашко! – одёрнул он инженера. – Если Вы такой умный, то создайте нам что-то, чем бы пользовались люди и связы-

вались друг с другом. Ну, а пока как-то так.

Держа Олега за плечи, я подвел его к грузовику и помог залезть внутрь. Хилые ноги едва волочились; казалось, что он не просто не хотел никуда идти, но и жить не желал. Забравшись в кузов, последний солдатик постучал по загородке, и грузовик тронулся. Маленькая будка, радушно приютившая зонцов, удалялась, закрываясь густыми ветками ёлок. В надежде, что больше нам не придется её использовать, я смотрел на тёмный лес, зеленоватый корпус больницы, на пятерых серых исполинов, на пустые улицы, местами покрытые багровыми пятнами. Когда последний, наш, грузовик добрался до Казармы, почти всё было расставлено по своим местам, пыль вытерта, Роза варила на кухне, ребята убирали в ящики противогазы, разряжали оружие. Матрос для порядка цыкнул, хлопнул солдатика по плечу и счастливо хмыкнул.

Олега я уложил на свою кровать, закутал в одеяло и оставил. Мне не хотелось стоять над ним, следить за каждым движением: иногда нужно немного пространства.

Казарма наполнилась весёлыми занятыми голосами. Женщины словно вышли из неясного летаргического сна и засновали туда-сюда: кто-то просил швабру убрать тенёты – одна тут же прибежала, кто-то спрашивал воды – другая, хихикающая, подавала, кому-то нужны были солдатики – третья тут же отправлялась их искать. Мужские взгляды провожали их то ли с грустью, то ли с сожалением о строгой казарменной

жизни.

Собираясь спуститься в подвал для проверки схрона, я столкнулся с Матросом, всё таким же осунувшимся, побелевшим, но с уже горящими глазами и улыбающимися губами.

– Слушай, он ж как вроде теперь главный у бандитов – что делать-то с ним?

– Не трогай, – по-товарищески коснулся я его рукава. – Пусть придёт в себя. Ты лучше мне скажи, что мы теперь делать будем, когда все у себя по домам сидят?

– Вчера народным голосованием было решено, что все вернуться на места. Я, конечно, рассказал им, что нужно, а что не нужно делать, но сам понимаешь, чёрт возьми, что будет, когда они увидят эту зверюгу, – он помялся. – И я, гадство такое, ничего не сделаю.

– Сделаешь. Сашко состругает тебе пейджер, и будешь счастлив, – как мог участливее улыбнулся я.

– Сделает, как же. Из дерьма и палок... – добавил он, посмотрев за плечо.

Я махнул рукой, спустился в подвал, с тихим ужасом и смиренной печалью глянул на полку в схроне, взял оставшуюся пачку конфет и замер. Какой смысл идти к старикам – снова рассказывать им небылицы о том, что всё хорошо? Снова пускать пыль в глаза и есть чужую похлёбку? Может быть, я не был виноват в смерти сестёр, но в душе чувствовал тяжесть и горечь собственной лживости и бессилия. То-

гда, когда мы ползли за зданием госархива и слышали плачь бедной Веры, у нас, у меня, был шанс помочь ей, вытащить оттуда, забрать с собой и потом объяснить всё Олегу. Но кто же мог знать, что всё случится так, как случилось?

Конфеты я отправил Розе, чтобы она, не скупясь, раздала их солдатикам на обед, а к себе поднялся с пустыми руками. Олег, завёрнутый в одеяло, прижимал к груди колени. Подушка, влажная, в пятнах, смялась под ним, из-под наволочки торчал уголок. Лоб его горел, появилась испарина, плечи дрожали, губы нелепо оттопыривались. Я налил воды, приподнял его голову и заставил попить. Раздались жадные глотки. Усадив его, протёр лицо и ключицы, помял пальцы, мочки ушей. Невидящие глаза устремлялись куда-то за окном, закрываясь и тут же распахиваясь. Он нашарил мою руку и, сжав её, прошептал:

– Вера, Вера...

Я промолчал и лишь ещё раз провёл мокрой холодной тканью по лбу. Олег перехватил руку и прижал к груди.

– Прости меня, Вера... Прости меня, Дашка...

По горячим щекам бежали слёзы, он пытался закусить губу, но она, влажная, пухлая, выскользнула и оттягивалась. Кто-то, шаркая и глубоко дыша, поднялся на этаж и, видимо, обнаружив нас, тут же исчез. Олег опустил руки, всё ещё держа мою, на колени и, посмотрев на меня, словно впервые, проговорил:

– Медведь... Зачем же над нами так?..

– Кто знает, – пожал я плечами, отвечая полушёпотом.

– Они знают, но ты... будь уверен: за нас отомстят... обязательно, – беззвучно говорил он в конце.

Потом беспмятство захватило его, и всю ночь он крутился, извивался на постели, исходил потом, просил прощения у сестёр, хватался за воздух, держал мою руку, когда находил её.

7 октября 1993 г.

В минуты сознания Олег без отвращения ел, когда я кормил его с ложки, медленно и с особым измождённым кряхтением поворачивался, чтобы я мог помыть его влажное слабое тело. Временами он смотрел на меня и говорил, что всё прошло зазря и ничего уже не вернуть, что мужики без него начнут мародёрствовать и чтобы я вставал над ними. Я фыркал, но не соглашался и не отказывался.

Ближе к ночи он повернулся и, слабо улыбнувшись, сказал:

– Первый знал, что за гадость творится на этом заводе, и повёл нас туда. Он перерыл весь архив и нашёл что-то такое, чем не поделился ни с кем. Наверняка хотел воспользоваться разработками, испробовать их на своих, он даже знал, как добраться до центра лаборатории. Нет, не туда, куда вы втолкнули свою любопытную харю, а глубже, – он злобно сверкнул глазами. – А я убил его. Ё-моё, как собаку, застрелил!

Я зажал ему рот, заметив беспокойные взгляды солдатиков. Олег оттолкнул меня, что я едва не полетел кубарем со стула.

– Этот гад решил всю Зону нагнуть и заставить плясать под свою дудку; он думал, что всемогущий и бессмертный, а я... – лицо его сморщилось, рот неприятно растянулся, и он

захохотал. – А я убил его, понимаешь? Какая же, бляха-муха, судьба поганая штука!

Смех захлестнулся плачем, и Олег снова свалился, крутясь в лихорадке, подзывая Веру, молясь всем богам и долго, долго глядя в потолок. Казарменные, уже свыкшиеся к его всполохам, уснули, прикрывшись подушками, одеялами, ладонями. Изредка ощупывая лоб, протирая его влажной тканью, я сидел в глубоком кресле, глаза мои попеременно слипались, и на несколько минут засыпал. Вздрагивал, с ужасом думая, что Олегу снова стало плохо, но видел его бледное спокойное лицо и возвращался на место.

Утром, когда солдатики стали ходить мимо меня, образу всегдашнюю очередь в ванную, я, ощущая тугую боль во всём теле, поднялся и дотронулся до лба товарища. Остывшее, покинутое огнём жизни тело лежало в ожидании рассвета, но ни один рассвет уже не будет его. Касаясь рук, поникших плеч, прикладываясь к впалой груди, к шее, я лёгонько тряс его и, открывая рот, но не издавая звука, звал его, звал. Но не мог дозваться.

Солдатики оторвали меня от навечно уснувшего Олега, позвали Матроса, который скрутил руки и затолкал в свой кабинет. Я хотел плакать, но слёзы предательски застряли в горле острым и горячим комком; я хотел снова позвать Олега, спросить, как он себя чувствует, но слов не было, они бесполезно барахтались в голове, разлетаясь и не возвращаясь. Я хотел деть себя куда-нибудь, но не мог, складывал руки на

плечах, кусал губы, дёргал бороду, сопел, но ничего не приходило. Я был бесполезен. С уходом Олега, с его мертвенно-бледным лицом, худыми пальцами, предсмертным бредом я будто лишился чего-то важного.

Олег был моложе меня на два года, но дело вовсе не в возрасте. Дело в страданиях. И на его долю выпало большее страдание, или он думал, что оно большое, а я, дурак, поверил ему и дал уйти. Виноват ли я в том, что заснул?..

12 октября 1993 г.

С тяжёлым сердцем снова сажусь за тетрадь. Не потому, что того требует история или потомки, а потому, что иначе опускаются руки, в голову лезут лица мёртвых солдатиков, усопших Олега и Ивана Иваныча, разбитого Матроса. Иначе я чувствую непомерную слабость, и я не могу, не могу ни к чему себя определить. Дохожу до нижнего этажа, откупориваю первую попавшуюся бутылку и жру её до беспамятства. К вечеру высыпаюсь, поднимаюсь наверх, брожу по комнате, смотрю на однообразные стены, вспоминаю свою паршивую, ничтожную жизнь, и всё снова да ладом. Не могу.

Чувство гадливости к самому себе, к окружающим не заклёстывается вином, а только усугубляется, становится тошнотворным. И всё, чего хочется, – пропасть, исчезнуть, провалиться под землю. Сделать вид, что меня никогда не существовало. Но как?

Глядя на смятую, надорванную у края фотографию моих любимых людей, я чувствую, насколько ужасен, мерзостен, отвратителен. Сколько сил моих, да и чужих тоже, было потрачено впустую! Сколько времени мы употребили в никуда, и сколько ещё будет употреблено!

13 октября 1993 г.

Оглядев комнату, с наглухо закрытыми окнами, со слежавшимися простынями на кровати, с толстым слоем пыли на столе и полках шкафа, с толпами пустых бутылок, я, как обычно, повесил на дверь замок и спустился вниз.

Я не думал, совсем не думал: я шёл к десятиэтажкам, спустился к вокзалу, я пересёк дорогу, добрался до ворот. Пока не поздно, пока ещё не всё потеряно, я знал, что должен был что-то сделать. И я ударил в грубый металл, отозвавшийся глубоким гудением. И я толкнул – ворота заскрипели, но моей слабости не поддались и остались запертыми. И я пнул – скорбный стон вдруг оборвался и сменился упрямым безжанием железа.

У забора я скинул рюкзак, отцепил лопату и принялся переворачивать землю. Спустя пару минут по лбу, спине и бокам потёк пот – на рюкзаке оказалась куртка и рубашка. Стоя по пояс голый, я копал и копал, не обращая внимания на дождь, хлынувший внезапно и обильно, стучащий по крыше вокзала, по разгорячённой спине, легко просачивающийся между колючек на заборе. Кучи влажной, тёмной, комкообразной земли окружали меня, словно крепостные стены. Под ногами начинало хлюпать, а конца забора не было видно. Кажалось, что он уходил на много и много километров вниз.

Полотно лопаты отвалилось, и я, вцепившись в грязь, при-

нялся копать её руками. Но пальцы оставляли длинные борозды, в которых хорошо бы картошку сажать, а не выход искать. Повертев сломанную лопату, бросил её рядом с кучей и отправился на поиски нового инструмента, всё такой же голый, горячий и мокрый.

Я хотел, мечтал, жаждал сбежать из этой ловушки, из коробки для «чумных». Чувствовал, что это нужно было сделать давным-давно, но почему-то, по какой-то плоской и мизерной причине, я этого не сделал. А теперь, не в силах врать ни себе, ни другим, решил вырваться из вечного круга лжи, обречённости и смерти. Я знал, что, выбравшись за забор, найду пустые бескрайние просторы, что не сразу пойму, куда идти, но я пойду, обязательно пойду и буду идти, пока не найду своих, пока не увезу, не спрячу их где-нибудь далеко-далеко.

Сложив рядом несколько лопат, я продолжил копать, переворачивать землю. Было тяжело и неудобно: пальцы постоянно соскальзывали с влажного черенка, вода лилась по лицу, бесцеремонно залезала в рот, стучала по спине, комки падали мне под ноги и не всегда достигали кучи. А потом и наваленные кучи посыпались под меня. Разгребая их, я не ощущал ни времени, ни погоды; в голове стучала единственная мысль – выбраться отсюда. Вскоре железная дорога была засыпана землёй, а конец забора никак не показывался и, видимо, не собирался показываться вообще.

Среди шума капель и ветра я услышал сопение. Не чело-

веческое, а, скорее, собачье. Но, выглянув из-за куч, встретился с красными глазами медведя. Громадная туша, на которой почти не было проплешин, только неровные островки шкуры казались беловатыми, стояла на дороге и принохивалась. Медведь выглядел лучше, чем в первую нашу встречу: то ли растерзанные жертвы омолодили его, то ли мы ошиблись, и эксперимент прошёл как нельзя удачно.

Если бы на голове у меня были волосы, они бы обязательно встали дыбом. Инстинктивно я прижал к груди лопату, не соображая, как себя вести. Пришёл, зараза, полакомиться беззащитным! Чёрный блестящий нос показался над конусами земли, комки полетели в меня. Медведь фыркнул, видимо, почувствовав грязное тело, усталость и загнанность. Он слегка приподнялся, оперевшись в кучи, и два жерла уставились на меня. Застыв на месте, словно вросши в вязкую землю, я глядел на него и чувствовал, что если этот поганец не загрызёт меня, то я должен, просто обязан убраться отсюда.

Он развернул пасть, и громкий, оглушающий рык разнёсся по перрону, по южной части Зоны. Колени мои подогнулись, подбородок затрясся, пальцы судорожно перехватывали черенок. Только теперь я почувствовал, что на улице лютый холод, почти зимний, а я стою полуголый в канаве, полной воды. Медведь, перебирая лапами, фыркал, выпуская полупрозрачный дым и оглядывая мою земельную крепость. Он явно прикидывал, можно ли сожрать мою хлипенькую фигуру, но я не хотел, ни за что не хотел быть со-

жранным. Не сейчас! Только не сейчас, когда всё моё существо трепещет и взывает к свободе. Я закричал, что было силы, лёгкие мои, будто металл, дребезжали, и вскинул лопату над головой. Животное удивлённо посмотрело на меня и отшатнулось, словно увидело собственную смерть. Оно раскрыло пасть, обнажая бело-жёлтые клыки, и ворчливо буркнуло. Вскоре показался его разноцветный бок, а потом на месте гигантской устрашающей туши остались лишь вмятины на земле.

Я, на дрожащих ногах, хватающийся за воздух, опирающийся на лопату, тонущую в вязкой земле, поглядел медведю вслед. Широкий зад удалялся в сторону вокзала, не обращая внимания ни на меня, ни на дождь. Сердце стучало и едва не выпрыгивало из груди; я был на волосок от смерти – я чувствовал её холодное, зверское и кровавое дыхание. Возвратившись к канаве, посмотрел на заполнившуюся водой яму и плюнул в раскопанные кучи, спасшие мою ничтожную шкуру.

16 октября 1993 г.

Матрос вызывал меня по рации целый день, но, когда почувал, что дело неладно, отправил бойцов, и те спустя день отыскали бессильное тело. Я был без сознания, грязный, мокрый, в руке крепко сжата лопата. Они притащили меня, вернули обратно в мир лжи и смерти, чего я так не хотел, ни за что не хотел.

– Что ж теперь, а? Приковывать тебя к кровати, что ли? – охал Матрос, глядя на меня со слезами. – А если б ребята не нашли тебя? А если б медведь тебя загрыз?

– Товарищ Матрос, дак он же и отпугнул его! – вступился за меня солдатик.

– Да? От как всё получается, – он почесал затылок и крикнул. – Медведь медведя завалил.

Я слабо отмахнулся. В горле застряли обида от возвращения, ненависть к собственной слабости, просьба о прощении и, как ни странно, радость. Радость от того, что Казарма на месте, что Матрос ещё жив и всё так же руководит поредевшими рядами солдатиков, что кровать моя всё ещё стоит здесь – она никому не отдана.

– Ты меня больше так не пугай, а то я с ума сойду, – ласково проговорил Матрос и, коснувшись плеча, поднялся. – И чего тебе вдруг захотелось делать подкоп у забора? Разве полковник не говорил, что этот забор проходит под городом?

Он ушёл, оставив меня мучаться и снова, и снова ощущать себя бессильным. Слов не хватает, чтобы передать невозможную, острую, непримиримую ненависть к самому себе. И не хватает объяснить, какие же мы, в сущности, дураки и мечтатели.

21 октября 1993 г.

Всё, что у меня осталось, – потёртая, смятая фотография и выжженная дыра в душе. Надежда и вера умерли вместе с близкими людьми, счастье даже и не думало выглядывать. Всё пошло коту под хвост. Вернее, не пошло: оно всегда там было, просто мы об этом узнали только сейчас.

Оглянись вокруг и увидишь, что все, кто тебя окружает, лгут и прикрываются красивыми словами: власть, маскирующая жестокие эксперименты, истинные намерения и ужасное прошлое, товарищи, сладко улыбающиеся в лицо и вставляющие в спину ножи, родные, трясущиеся над твоим мнением о них, не желающие выглядеть гадким утёнком. Мы сами врём себе. Ложь и блестящая мишура, припорошившая отвратительную правду, всюду, во всём, внутри нас. А всё потому, что мы боимся признаваться в содеянном, говорить, что мы ошиблись, сели в лужу, «обосрались». Мы боимся косых взглядов, осуждающих шёпотов, бесконечных вопросов в головах. Нам страшно, и, чтобы скрыть страх, лжём. Словно снежный ком, неправда катится всё быстрее и быстрее, удачно минуя препятствия, наращивая новые слои. Но как скоро ей предстоит развалиться? Что мы должны сделать, чтобы шар лжи лопнул, чтобы тошнотворно пахнущий засор пробился, и мы зажили свободно и правдиво?

22 октября 1993 г.

– Эй, Медведь! Тут к тебе пришли! – крикнула Роза, вытирая руки о полотенце.

Не ожидая никаких посетителей, я отложил книгу и спустился ко входу. Во всей Казарме было тихо: Матрос отправил солдатиков на штрафные марш-броски, которые каким-то чудом заработал чуть ли не каждый. На пороге стоял, в высоких резиновых сапогах, с закрученными в кукиш волосами, с рваными рукавами и с рюкзаком, накинута за обе лямки на одно плечо, Степан.

– Здравствуй, – прохрипел он, раскинув руки.

Я разрыдался, обняв его. Сколько месяцев я о нём ничего не знал, никто его не видел, никому он не показывался! Крепко прижав к себе, словно последнюю искру надежды, сверкнувшую на моём небосклоне безнадёги, я залепетал какой-то бред о том, как сильно скучал по нему. Похлопывая по спине, он успокаивал меня и беззвучно смеялся.

– Проходи, пообедай с нами, – предложил я.

– Я пришёл к Олегу. Попрощаться, – сказал он глухо.

Из подвала поднялся Матрос, видимо, услышавший незнакомый голос. Он посмотрел на меня, мои красные глаза и подрагивающие мелкой дрожью руки, на Степана и его потрёпанный вид. Подойдя, Матрос расставил ноги и скрестил руки.

– Здравия желаю! – выпалил он.

– Здравия желаю, – поддержал Степан форму, но не силу.

– Товарищ этого олуха? – тыкнул Матрос в меня.

– Так точно. Решил проведать его и попрощаться с Олегом.

– Похвально. Что ж, идите, но прошу Вас задержаться на обед: Роза приготовит исключительные отбивные, – добавил он, обращаясь скорее ко мне, чем к Степану.

На заднем дворе Казармы, в пожелтевшей траве, среди сухих листьев, торчали несколько десятков могил. Крайняя справа, косая и пухловатая, была Олегава. Мы постояли в тишине, глядя на нелепо торчащие из-под земли веточки ели. Несколько колючек уже успело отвалиться, и ветер разбросал их по сторонам.

– Откуда ты узнал..? – тихо спросил я.

– Если меня не было рядом, это не значит, что я ничего о вас не знал. И про Ивана Ивановича я тоже в курсе, хотя пришёл к нему уже после Олега, – с грустью в голосе проговорил он.

– Что же ты делал всё это время?

– То же, что и ты, – жил.

– Да разве можно это назвать жизнью? – хмыкнул я.

– Какая-никакая, а всё-таки жизнь. Ведь не ты же лежишь сейчас в этой яме, а он.

Не согласиться было невозможно.

Присутствие Степана хоть и взволновало, но тут же успо-

коило меня. Мы стояли у могилы товарища, говорили про жизнь, а в затылки нам дышала смерть, чёрная, страшная, ледяная. Несмотря на это, мне всё равно было спокойно в душе, приятно разговаривать с живым и тёплым человеком, знающим меня. Но не скажу, что я уж так хорошо знаю Степана: он же всегда говорил о чём-то внешнем: о семье, о работе, о карте, о бандитах, но никогда не говорил, о чём же он думает. А, может, оно и к лучшему.

Над головами шуршали ветки, оставшиеся редкие листья плавно плыли по воздуху и падали к своим собратьям. Тучки, темноватые на боках, беловатые в верхушках, группами двигались на восток, будто кочующие животные. Кое-где проглядывало синеватое небо, тяжелеющее, предзимнее. Вдали щебетала одинокая птица, ей никто не отвечал, но она отчаянно звала кого-то, просила и молила. Холодный ветер захлестнул наши сырые тела, защекотал по шее, пробежал по волосам. Всё было, как и прежде, лишь не было близких людей.

В столовой стоял гам: солдатики, голодные, уставшие, вернулись и, гогоча, просили Розу очередной хлебец, женщины подшучивали над особо отличившимися и сверкали глазками, Матрос шикал, но вскоре отчаялся призывать к порядку. На тарелке оказались овощное рагу и отбивная, тёплые, пахнущие домом и сытой радостью. Взяв нож, я разделил тонкий кусок отбивной на несколько ровных частей и заметил внимательный взгляд Степана.

– Откуда у вас картошка? – спросил он, обращаясь к Матросу.

– Его старики отдали часть своих посевов, – жуя, ткнул он в моя сторону ножом. – Я, конечно, был против, но кормить бойцов всё же надо. А картошка – это почти что второй хлеб, – кивнул Матрос и добавил: – Хотя у нас его пока нет.

– А мясо откуда? – буравя тарелку с рагу, поинтересовался Степан.

– Это всё Роза и её волшебный рецепт отбивной из ничего, – подмигнул он, забрасывая в рот кусочек.

– Это, что, животные?

Его хриплый голос, будто гром, заглушил все звуки в столовой. Солдатики заозирались на наш стол, Роза покраснела и опустила глаза, Матрос положил нож и, закинув голову, спросил:

– А даже если так, то что? Жрать, простите, хочется? Хочется.

– Извините, но я не соглашусь. До этого мы вполне могли обходиться и без мяса, – Степан выпятил грудь, вставая на защиту собственного мнения.

– Что ж, верно, товарищ. Но на одних кашах и лапше далеко не уедешь, а урожай пока не такой богатый, чтобы прокормить всех в Зоне.

– Получается: убивай беззащитных животных, чтобы самому не сдохнуть?

– От так беззащитных! – хмыкнул Матрос. – Пол-Казармы

загрызли.

– Вы сами виноваты: не нужно было вообще стрелять в них. Они на волю хотели, а Вы!

Улыбка Матроса стёрлась с лица, выглядел он так, словно в глотку впихнули гранату без чеки. Солдатики зашущукались, не зная, что предпринять: вступиться ли за старшего или не надо, доесть проклятый обед или не стоит. Матрос, сжав челюсти, поднялся и заголосил:

– А я говорю, что их необходимо убивать, иначе они убьют нас. Инстинкты, инстинкты и ещё раз инстинкты – вот, что есть у них. Когти, зубы, которые они обязательно вонзят в нас, дай только слабинку.

– А разум, разум у Вас есть? – встал Степан. – На кой чёрт вы-то им сдались? Они такие же жертвы, как и мы все. Почему нельзя существовать вместе?

– Вместе? – Матрос оглянул столовую: солдатики опустили головы. – Если разобраться, то какие они теперь животные – монстры, которых надо убивать.

– Монстры? Что же в них такого монструозного? Радиация? Неужели за этим надо убивать? Пожалейте всех: мы и так мрём каждый день, а Ваши войны с призрачным врагом доконают нас.

– «Призрачный враг», говорите? От посмотрю я, когда они набросятся на Вас и не подавятся костями.

Матрос с грохотом отодвинул стул и вышел из столовой. Степан поблагодарил Розу за обед и тоже направился к вы-

ходу. Я последовал за ним. Закинув рюкзак за спину, он поправил куртку и, подойдя к двери, сказал:

– Прости, Антон, что я вспылел. Но не могу я сидеть сложа руки, когда едят ни в чём неповинное существо. Он их монстрами считает, а они самые обыкновенные, только облучённые.

– Говоришь так, будто ты разговаривал с ними, вот как со мной.

– А чем они тебя хуже? Языка разве что человеческого не знают.

Я ошалело посмотрел на него. Степан махнул мне в знак прощания и пошёл между домами к проспекту. Его рюкзак, сморщенный, в заплатках, со следами когтей, болтался на плече и тянул его к низу. Товарищ поправлял ляжки, поддерживал дно ладонью и шагал, шагал вперёд. К нему подбежала собака, дышащая ему в пуп, виляющая хвостом и преданно глядящая. Широкой рукой Степан погладил животное, приямл ухо, говоря что-то тёплое и непомерно доброе. Он двинулся дальше, а собака – за ним.

Послесловие

Спустя более 70 лет Зона отчуждения стоит там, где и всегда. И многое она повидала: и смерть, и гонку оружия, и рождение детей, и техническую революцию, и голодные годы. В отличие от людей первого впуска мы к Зоне относимся спокойно, как ко второму дому, в который всё равно попадёшь, если не сдохнешь раньше времени (кто-то даже хотел свой дом перетащить, только что не разрешили).

Эти тетради я и нашёл в 2069 году, когда копался в больнице на горе, в том самом сестринском кабинете. А потом ещё несколько лет таскал их с собою повсюду, пока наконец не решился перепечатать. Шут его знает зачем, ведь нет в записях Медведя ничего: только о себе, о себе и себе. Человек он большого мнения о себе, хотя и маленького дела. А вот как уцелели его тетради – великое чудо (если вспомнить, что творилось в Первую и во Вторую войну).

И хотя животные свободно гуляют по территории Зоны, дела ушедших дней приходится разгребать и нам. Но Матрос оправдан: ошибку мог совершить любой на его месте. Всё, что остаётся, – научиться жить в этом мире или пытаться его приручить, как до сих пор делают охотники (казарменные, как пишет Медведь).